

Министерство культуры и духовного развития РС (Я)
ГБПОУ РС (Я) «Якутский колледж культуры и искусств»

ЯКУТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хрестоматия для студентов

Якутск
2018

УДК 821.512.157(075.32)

ББК 84(2Рос=Як) я 722

Рекомендовано учебно-методическим советом ГБПОУ РС (Я)
«Якутский колледж культуры и искусств».

Рецензент: Гагарина К.Е., канд. пед. наук.

Составитель: А.Н. Васильева

Редактор: О.Е. Сундупова

Я49 Якутская литература : хрестоматия для студентов / М-во культуры и духовного развития РС (Я), ГБПОУ РС (Я) «Якутский колледж культуры и искусств»; [сост. А. Н. Васильева ; ред. О.Е. Сундупова]. – Якутск, 2018.
Ч. 2. -136 с.
Агентство СІР НБР Саха

Хрестоматия подготовлена в соответствии с ФГОС нового поколения. Для специальностей «Народное художественное творчество (по видам)», «Социально-культурная деятельность (по видам)», «Музыкальное звукооператорское мастерство», «Музыкальное искусство эстрады (по видам)», «Хоровое дирижирование». Содержит произведения якутских писателей, переведенные на русский язык.

© Государственное бюджетное
профессиональное образовательное
учреждение Республики Саха (Якутия)
«Якутский колледж культуры и искусств», 2018 г.

НАРОДНЫЕ ПИСАТЕЛИ ЯКУТИИ

НИКОЛАЙ ЕГОРОВИЧ МОРДИНОВ -
АММА АЧЧЫГЫЙА
(1906-1994)

Мато

В ту зиму я работал учителем. Совсем еще юный паренек, с образованием всего в пять классов, обучал второклассников. Под жилье мне отвели старый поповский дом, что стоял возле «настоящей» школы. Так нежданно-негаданно я пустил, как говорится, к небу дым своего очага.

Однажды в лютую стужу, закрыв печную трубу раньше, чем следовало, я — угорел. Перевязав голову полотенцем и настежь распахнув дверь классной комнаты, стал медленно диктовать своим ученикам.

Вдруг открылась наружная, обитая кожей, дверь. В помещение хлынул бурливый морозный пар. На пороге появилась девушка Матрена Семенова. От неожиданности я запнулся на полуслове и вскочил, не окончив предложения. Между тем, девушка протянула за спину руки, нашла скобу и плотно прикрыла дверь. Затем мягко смахнула снятой рукавицей иней с песцовой шапки, не спеша оглядела класс своими черными выразительными глазами. И вдруг, ослепив меня тихим светом смущенной улыбки, быстро прошла по коридору.

Все это было так для меня неожиданно, что я остался столбом стоять посредине комнаты, не зная что мне делать, как быть. Прервать урок — неудобно: он только что начался. Продолжать его как ни в чем не бывало, — она уйдет. Да и не смог бы я, признаться, спокойно продолжать занятия. Что же все-таки делать?

Я пробормотал ученикам нечто вроде «погодите» или «посидите»,
и вышел из класса.

Она стояла спиной ко мне в конце коридора и, склонившись над столом, старательно водила спичечной палочкой по коробке. Я тихо подошел к ней.

—Какие новости, Матрена Романовна?

Девушка вздрогнула и быстро прикрыла коробку ладонью. Она была

взволнована. Однако взяла себя в руки, отошла от стола.

— Ничего, — тихо ответила она. — Что нового у тебя?

— Тоже ничего.

— Что с головой у тебя?..

Оказывается, девушка направлялась к своей тетке, которая жила в километре от школы, и по пути завернула ко мне.

— Зачем пришла? — спросил я совсем не то, что думал.

— Разве сюда нельзя? Решила посмотреть твою школу! — Она вскинула на меня рассерженный взгляд, и вызывающе добавила: — И на тебя взглянуть! Какой ты... Платок-то сними!

Я сорвал с головы повязку:

— Угорел! Голова сильно болит. Может, помру я, Мато, пожалеешь ты меня тогда?

— Не знаю!.. — Повернулась к классу и прислушалась к жужжащему гулу детских голосов. — А надо ли жалеть покойника?.. Ему ведь все равно...

Девушка печально потупилась...

— Мато! — с жаром вырвалось у меня.

— Что?

Вопросительно поглядела мне прямо в глаза, потом, видимо, вспомнив что-то родное и давнее с печалью произнесла:

— Я теперь уже не Мато. Матрена стала!.. — Взглядом показала на класс, в котором нарастал гул, и вздохнула. — Ну, иди! Шумят.

Тогда я не очень-то был знаком с требованиями культуры. Мне и в ум не приходило, что если к тебе пожаловали гости, то их надо пригласить сесть. Нет, ничего подобного я в те годы еще не знал!

При последних словах Мато я молча, покорно поплелся в класс.

— А это я возьму себе, ладно?

Я обернулся. На кончиках нежных гибких пальцев Мато держала спичечную коробку.

— Конечно, возьми! — разрешил я. — На память...

Проходя мимо открытой двери, скользнула по классу ясным взглядом совсем еще по-детски широко раскрытых глаз и шевельнула тонкими бровями. Над порогом опять взбурлил морозный пар и дверь, обитая кожей, бесшумно захлопнулась.

* * *

Неужели выразительность слова и сила сердечного чувства не имеют общего происхождения?

... Прошло ровно двадцать лет с того дня, как меня однажды посетила Мато-Матрена... И всякий раз, когда я вспоминаю те мгновения, испытываю душевный трепет.

А вот сумел ли я передать свои чувства, переживания так, чтобы над ними стоило задуматься и сегодня, и завтра? Мне кажется, что рассказ должен бы получиться убедительным и теплым, потому что в нем повествуется о том, что так часто тревожило меня более двадцати лет... Впрочем, расскажу о прошлом бесхитростно, как сумею.

А ты слушай!

В тот день сердце мое словно проснулось. Как никогда почувствовал я себя счастливым и сильным. Все мое существо было охвачено беспричинной радостью. Захотелось стать лучше, чем я есть на самом деле. Стать красивее, стройнее, умнее и образованнее...

Нет, не мастер я выражать точно свои мысли!.. В ту ночь не смог я уснуть до рассвета и все думал о Мато. Как то все это было... Я расскажу без прикрас, а ты послушай.

* * *

Бурое суходолье Кэдэлджи и пестреющая цветами долина Баатты разделены между собой тонкой цепью высоких холмов, густо поросших молодым лиственничником. Если войдешь в лес, то потеряешь из виду и суходол, и долину. Однако стоит сделать несколько шагов в сторону и перед тобой вдруг откроется просторная ширь окрестностей — на востоке суходольный Кэдэлджи, на западе — густотравная Баатты.

В детстве я каждый день ходил по тем местам. И всякий раз, когда передо мной внезапно раскрывалось родное приволье, я с каким-то восторженным, пьянящим чувством всегда удивлялся ему, до отказа раскидывал руки в стороны и стремглав бежал вниз. Казалось, удачно бы только подпрыгнуть, то взмыл бы на руках-крыльях и полетел над землей, как вольная птица. Лишь бы уловить мгновение и подпрыгнуть бы повыше...

Так вот и бывает. Счастье совсем близко, притаилось оно где-

то совсем рядом с тобою. Кажется, что вот-вот найдешь слово, то самое заветное, единственное слово, которое вдохнет душу в деревья, железо и камень, всколыхнет и обрадует людей... погоди, стой! Иногда мне хотелось раздобыть волшебную, могучую лопату, и раскидать далеко окрест эти холмы-преграды, чтобы и суходол, и долина слились в одно необъятное целое...

Склон приземистого горного кряжа в сторону долины Баатты был более пологий. Здесь, на тесной полянке, в кольце тайги, скучились строения Романа Семенова. Летнее и зимнее жилища уместились на одном подворье. В летней юрте зимой хранили замороженное молоко и обмолоченный ячмень. И, наоборот, летом в зимнике кипятили молоко, со стеблей обрезали хлебные колосья, или выдывали кожи.

Жил Роман замкнуто, особняком от людей. Никто не знал, много ли в этом году он собрал снопов со своего поля, неведомо было, сколько у него дойных коров и сколько голов скота он намерен был забить в зиму на мясо.

Помню, один год выдался особенно трудным, голодным. Моя старенькая, добрая бабушка поступила батрачкой к Роману Семенову. На хозяйские харчи бабушка взяла и моего младшего братишку. В те времена ему было лет пять или шесть.

В одиночестве я очень скучал по бабушке и по брату. Однако пойти к ним, — боялся хозяев, в юрте которых я еще ни разу не бывал.

Но однажды за мной пришла сама бабушка.

— Идем! — коротко приказала она.

Был тихий лунный вечер. Мы медленно поднимались на пригорок. Бабушка шумно шаркала стоптанными, прохудившимися торбасами, носки которых вытянулись и загнулись, как у охотничьих лыж. Она держала меня за руку и тихо ворчала:

— Так быстро позабыть старуху! На что это похоже? Если бы «он» знал, сколько трудов я на него положила? «Он» даже на глаза мои теперь не желает показаться!

Узнав, что стоило мне только показаться бабушке на глаза, — и все ее непомерные труды, затраченные на меня, были бы окуплены, — я страшно заволновался. Выходит, во всем виноват был исключительно я! Чтобы не зареветь от жалости к старушке, сильными пинками принялся сбивать с дороги мерзлые конские шевяки.

— Проще отшагать сто верст, чем вырастить их, — продолжала ворчать бабушка. — К тому времени я, бедная, превращусь в такую же землю, в которую меня закопают... Будет счастье, если смерть застанет меня на ногах! Слабею глазами, не приведи бог совсем ослепнуть...

— А мы-то на что? Считаешь, что не станем тебя водить?.. Смерти у бога стала просить!.. Выдумает же!..

Я старался говорить грозным басом, но голос срывался и выдавал мое состояние. Чтобы немного успокоиться, стал внимательно рассматривать окрестности. Сплошь униженные и немые деревья сверкали празднично. Узорная бахрома из снега напоминала подвески на люстре, которая висела в церкви.

Долина Баатты, как всегда, открылась внезапно. Из трубы жилья, занесенного сугробами, вырывались к небу огромные снопы ярких искр. Вдалеке, на том краю долины, к небу протянулись столбы дымов. Там стоит несколько юрт. Возле зарослей и у стогов сена можно разглядеть редкие точки гнедых и вороных лошадей. На первый взгляд мало, но если присмотреться, то окажется куда больше. Беломастные сливаются со снегом и издали выделяются лишь еле заметными желтоватыми пятнышками. Животные разгребают передними копытами снег и щиплют траву прошедшего лета,

— Как смогут водить они слепую старуху, когда нужда самих заставит без конца работать и охотиться? Никуда не денешься, буду сидеть в юрте возле камелька... Жены их, однако, сильно ругать будут меня, старую и немощную. Чем-нибудь да и помешаю им.

— Пусть только попробует, скажет тебе хоть одно только обидное слово! — свирепо кричу я.

— А что же ты сделаешь? — изумленная моей решительностью, быстро спрашивает бабушка и впервые за дорогу обращается непосредственно ко мне, а не к кому-то там в третьем лице.

— Я ей задам!

— Глупенький! — ласково произносит бабушка. — Не станет же он беспрерывно торчать в юрте и караулить старуху... Заступится, а как уйдет, жена с досады не станет ли еще пуще обижать меня?

— Пусть только попробует, узнает она у меня!..

Воинственно потираю о бока руки в худеньких рукавичках, сжимаю свои кулачища и размашисто шагаю, воображая себя здоровенным и

отчаянным мужчиной.

— Вот ведь беда какая!.. Ты, дружок, не обижай свою подружку из-за дурной старухи! Жалеючи мать, детишки рев поднимут...

Едва я подумал о «своих» детях, мной тотчас овладело щемящее чувство всепрощающей жалости и любви. Будущая жена уже рисуется с мягким, уступчивым характером и приветливо улыбающимся лицом. Моя жена, любимая подруга, мать моих маленьких карапузиков! Нет, не позволит она себе обижать милую старушку, мою бабушку!

Бабушка поправила на голове изорванную шаль, сбила со щек налипший куржак. А может, заодно смахнула и непрошенную слезу. Однако грусть ее быстро улетучивается. Бабушка наклонилась, понюхала меня в лоб и залилась счастливым смехом. Горький запах листового табака «себердяха» щекочет мне ноздри.

Передохнув, мы двинулись дальше. Откуда-то сбоку к нам подбежала собачонка с обвислыми ушами. Приподняв переднюю лапу, она настороженно замерла на месте. Я сделал вид, что, нагнувшись, что-то схватил с земли и бросился на собачонку. Та тоненько взвизгнула и, поджав хвост, умчалась обратно. Я, что было духу, припустил за ней. Бежать с холма очень легко. Отставшая бабушка что-то кричала, но я не разобрал слов.

Перепуганная собачонка юркнула под изгородь и залилась громким, захлебистым лаем. Теперь уже я со всех ног бросился обратно к бабушке. Она вырастает передо мной огромной, бесформенной глыбой... У бабушки есть одна замечательная особенность — в момент опасности она всегда окажется возле тебя.

Умиротворенно ворча, песик потрусил к амбару, а мы зашли во двор.

Переступив порог юрты, я торопливо спрятался за бабушку. В тот же момент откуда-то из темного угла раздался ликующий крик братишки:

— Пришел!..

Семеновы встретили меня радушно, чего я, откровенно говоря, никак не ожидал.

— Наконец-то пожаловал этот человечек! Не хотел навестить бабушку, вот и пришлось привести... Давно ли он был вон какой малюсенький, — отмерила хозяйка рукой от пола, — а теперь совсем большой

стал!

Поздно вечером мы с братишкой устроились на нарах бабушки в заднем, самом темном, углу юрты и шепотом вели оживленную беседу о своих мальчишеских делах. После долгой разлуки нам было очень весело и радостно.

В это время к невысокой дощатой перегородке, крадучись, приблизился мальчуган лет пяти-шести. Своими блестящими, расширившимися от любопытства глазенками он уставился на меня. Мы с братишкой не обратили на него никакого внимания. Но, когда мы тихонько чему-то засмеялись, вместе с нами засмеялся и мальчик, открывая чистенькие и ровные зубки.

Мы упорно не замечали малыша. А он, чтобы привлечь наше внимание, принялся нарочно громко покашливать, стучать ногой об перегородку. Напрасные усилия! Мы с братишкой так истосковались друг без друга, что сейчас любой третий был для нас лишним.

Мальчик с минуту постоял спокойно и вдруг с досадой выкрикнул:

— Га-ла-ба боль-ша-я!

И убежал на хозяйскую половину юрты.

— Мато, что ты опять натворила! — весело произнес кто-то за перегородкой.

— Мато — не мальчик, а девочка, — шепнул мне на ухо брат.

Позже я узнал следующую историю. Хозяева очень желали иметь мальчика. Но те, на беду, все умирали, едва появившись на свет. Тогда бедные родители и надумали одну из трех дочерей, самую младшую, «сделать мальчиком». Вот и получился чудесный «мальчик» Мато. Лишь раз в году, в день рождения, девочку называли ее настоящим именем — Матрена. В остальные дни ее звали Мато.

Круглую головку девочки остригли наголо и одевали под мальчишку. У Мато были ясные, искристые глаза и тонкие полукружия бровей. Нежный голосок и звонкий рассыпчатый смех все же отличали ее от мальчишек.

На следующий день я познакомился с Мато ближе и мы стали друзьями.

Хозяева разрешили мне жить у бабушки и я стал ходить в школу со второй дочерью Семеновых — Саней.

Старшая дочь Романа недавно вышла замуж за нашего учителя. По субботам они приезжали к родным на горячем гнедом ино-

ходце. Длинная развевающаяся грива делала его похожим на льва, нарисованного в книжке.

Жена учителя, стройная, белолицая женщина, никогда не говорила ничего такого, что запало бы в память хоть ненадолго. Смеясь, она беспрерывно сыпала словами, которые проскакивали мимо ушей, как дуновение ветерка.

— Вот люди!.. Ну, и растяпа!.. Да как же!.. Это почему же!... - беспрестанно чему-нибудь удивлялась она.

Или неожиданно для всех вскакивала на табурет и говорила мужу:

— О, если бы я была вот такой, ты бы смотрел на меня, запрокинув голову!

Саня старше меня на год. Она высокая, худенькая и гибкая, как талинка. Человек она была положительный во всех отношениях — немногословная и степенная, мечтать не любила и не баловалась, как другие. С доброй, милой улыбкой смотрели на мир ее прекрасные, слегка раскосые глаза. Она имела привычку выпячивать нижнюю челюсть с неровными зубами. И это еще больше удлиняло ее продолговатое лицо. Смеясь, Саня издавала короткие, отрывистые звуки «Фы... Фы...».

Мы часто играли с ней. Кружились на одной ноге, другой вычерчивали круги, делая в сугробах «проруби», или смело падая с раскинутыми руками, выдавливали в рыхлом снегу свои «формы».

Соседские мальчишки, которые ходили в школу по одной дороге с нами, иногда задирались, затевали ссоры. Если их было мало, мы с Саней сбивали забияк с ног и валяли в снегу. Но, когда их собиралось много, и мы чувствовали, что нас осияют, Саня заблаговременно принималась голосить из-за какого-нибудь пустяка. Этого, обыкновенно, было вполне достаточно. Мальчишки тотчас разлетались по сторонам, как испугнутые снегирьки.

Когда мы оставались вдвоем, Саня весело посмеивалась:

— Фы, поверили, дурачки! Как же — стану я им плакать! Это я понарошке.

Я был непоседа и фантазер. А Саня своими здравыми суждениями тут же развеивала мои грезы.

— Саня, когда ты выйдешь замуж, я буду приходить к тебе в гости?

— Фи! Ты говоришь глупости. Зачем мне замуж?

— Послушай-ка, Саня, если бы у нас были крылья, мы бы до школы

быстро-быстро долетели...

— Долго махать, руки устанут! А потом пешком идти куда лучше, чем лететь.

— Сказывают, что где-то на свете есть такие санки, что без коня катятся сами.

— Зато стоят, наверное, очень дорого, дороже, чем сто лошадей... Нет уж, на коне спокойнее!

— Взять бы и напрямик через лес проложить дорогу в школу! — не унимался я.

— А сколько лет работать надо, не подумал? Мы бы школу закончили и еще лет десять прошло. Только тогда была бы готова твоя дорога!

Примерно в подобном духе протекали все наши беседы.

Мато была совсем иная. Она любила поболтать. Девочка очень любила книги. Почти каждый вечер она пыталась стянуть у меня единственное мое сокровище — потрепанный букварь. Едва только меня что-нибудь отвлекало, Мато незамедлительно оказывалась тут как тут. Низко склонившись, она поспешно перелистывала букварь и шевелила губами, словно читала. Или, сунув учебник подмышку, тихонько, незамеченной пыталась ускользнуть на левую половину юрты.

Если попросить ласково, Мато тут же возвращала книгу. Но когда я, разозлившись, вырывал учебник из ее рук, девочка трогательно упрекала меня:

— Ух! Ты хоть и шибко сердитый человек, а дал бы маленько подержать свою книжку!

Мне становилось жаль Мато. Я раскрывал букварь и начинал разъяснять ей картинки. Пояснения мои были подробными, пространными. Утки, зайцы, бабочки — все живущие на земле — объяснялись у меня человеческим языком. Как и люди, они радовались, горевали, жалели и защищали друг друга.

... Так вот и зародилось то, о чем я рассказываю вам. Мато стала мне вроде любимой сестры. Это теплое, искреннее чувство к ней сохранилось до сегодняшнего дня.

Годы проходили своим чередом. Мато росла. На коротко остриженной когда-то головке отросли пышные волнистые волосы, заплетенные в две длинные косы. Она окончила сельскую школу и по-прежнему жила у родителей. Но теперь ее звали не Мато, а Ма-

трена.

Я же давно перебрался от Семеновых в свою юрту.

Летом изредка и всегда неожиданно мы встречались с Мато на дороге, идущей через цепь холмов, которые разделяли суходол Кэдэлджи и долину Батты. Однако мы не здоровались и не разговаривали, будто никогда и не были знакомы. Встревоженные мимолетной встречей, мы смотрели в разные стороны и торопились поскорей разойтись.

Однажды мы, шумная ватага парней, шли лесом, что рос по краю суходола. В лесу этом было много черной смородины. Кусты ее были сплошь унизаны гроздьями крупных спелых ягод. Внезапно мы повстречались с кучкой смешливых девчат. Одна из них нечаянно опрокинула берестяное, ведерко. Подруги копошились вокруг, собирая рассыпанные ягоды.

— Может, помочь вам? — подошли мы к девушкам.

— Нет, пожалуй, обойдемся без вас. Ишь, вы — «помощники!».

— Напрасно по земле ползаете. Можно новых скорее насобирать. Ягод-то вон сколько. Уйма!

— Вот еще — «насобирать!» Ступайте-ка своей тропинкой!

Больше всех огрызалась одна остроглазая девушка. Матрена сидела на поваленной лесине, подперши ладонью щеку. Ее густые, полукружиями, брови почти сошлись к переносице. В черных глазах — смородинах прыгали веселые озорные лучики. Она с усилием сдерживала себя, чтобы не рассмеяться, слушая, как бойкая, находчивая на слово девушка расправляется с нами, со смутившимися хребцами.

Растерянные мы в смятении удалились...

Или на дороге через холмы, или на коровьей стежке в лесу, или на звенящей спелым колосом пашне — всегда и везде одинаково. Свидимся неожиданно, и молча торопливо разойдемся.

Так уже повелось в глухих отдаленных наслеггах. Мальчик и девочка были очень дружны в детстве, всегда играли вместе. Но вот они подросли. И закадычные друзья перестали узнавать друг друга. Как же! По всей округе тотчас поползет гаденькая прилипчивая молва: «Эта девушка бесстыдная! Она никак не хочет отстать от парней!.. Поглядите-ка, эта девка во все горло хохочет при парнях!».

Где уж тут поговоришь с девушкой. Даже если случайно по-

встречаешь, сам того не желая, можешь опозорить ее.

Издали любуясь Мато-Матреной, которая с трудом сдерживала свою лучезарную улыбку, я невольно сравнивал ее с прежней Мато. У той была наголо острижен-ная круглая голова, мальчишеская одежда и мальчишеские повадки. «Га-ла-ба баль-ша-я!» — вспоминались ее первые слова, которые тогда так меня удивили. И другие слова Мато навсегда врезались в мою память: «Ты хоть и шибко сердитый человек, а дал бы маленько поддержать свою книжку!».

При встречах с Мато меня так и тянуло загородить ей дорогу и нараспев протянуть: «Га-ла-ба баль-ша-я!.. Ты хоть и шибко гордая девушка, а все же поговорила бы маленько со мною!»

Куда там! Разве допустимо, чтобы парень шутил с девушкой. Стыд, позор, грех смертный!

* * *

И вот Мато сама пришла в школу, нарушив все обычаи, первая заговорила со мной...

С той минуты все, окружающее меня, чудесно переменилось, стало радостней, лучше, роднее. Мои ученики, тесная комнатка, в которой я жил, камелек в ней, снег на дворе и солнце на небе — все возрадовалось чему-то, возликовало, заискрилось.

А в воскресенье я навестил своих родителей, которые жили недалеко от школы. Возвращаясь в школу, не помню уже по какой надобности, на минутку завернул в одну юрту.

— Покинула нас Матрена-то!.. Ушла она этой ночью... — тихо говорила старушка Татьяна, посвящая меня в последние местные события.

Я торопился. В конце-концов, что мне было за дело до какой-то там Матрены, которая куда-то, зачем-то ночью ушла. Не задерживаясь, я выбежал из юрты, падая в сани, подхватил вожжи и залихватски гикнул. Молодой конек помчал скорой, размашистой рысью. Я что-то беззаботно мурлыкал себе под нос. Недалеко от школы догнал одного ученика и посадил его рядом с собой.

— Какие новости, приятель? — поинтересовался я.

— Умерла девушка Матрена. Ее, говорят, еще Мато когда-то звали.

— Что-о-о?

Я широко разинул рот и захлебнулся густым морозным воздухом.

— Она к тетке ходила, — рассказывал ученик. — Обрато пришла шибко больная. В груди кололо — дышать не могла... Три дня лежала.

Мне показалось, что дневной свет внезапно померк.

... Летом я посетил юрту Семеновых, где когда-то беззаботно играл с подружкой. У камелька сидела сморщенная бабушка Мато. Она держала в высохших пальцах спичечную коробку.

— Мато, голубчик мой!.. Не выпускала из рук эту коробочку... Перед самой... протянула ее мне и... ушла...

Казалось, Мато в самом деле ушла куда-то, то ли коров пригнать на дойку, то ли с подругами в лес, по ягоды. Вот-вот, бесшумно откроется дверь и войдет Мато с ясным взглядом черных выразительных глаз, с радостно смущенной улыбкой на свежих девичьих губах...

Если бы то случилось в наше время... Такое сейчас пустяшное заболевание — воспаление легких.... Темные тогда мы были и суеверные. Даже не предполагали, что существует такая наука — медицина.

Ненавижу я старую, унылую жизнь! Ненавижу и борюсь с прошлым, с остатками его, уже хотя бы за то, что нет на свете Мато, любимой сестры и подружки моей.

1945 г.

Якутские рассказы.

Якутск, Якутское Книжное Издательство, 1962

Пер. с якут. Ю.Шамшурин С. 102-115.

ДМИРИЙ КОНОНОВИЧ СИВЦЕВ –СУОРУН ОМОЛЛООН (1906-2005)

Никус

Никусу уже восемь лет.

Еще в ту пору, когда Никусу едва минуло шесть, соседи-богачи, у которых батрачил его отец, уже приковали к нему алчные взоры. Он стал у них на побегушках. Если, бывало, в чем-нибудь не угодит, то секли его даже на глазах родителей.

А теперь он работник хоть куда: как-никак ему ведь уже восемь лет. И наследный князец забрал Никуса к себе на покос — водить вола при перевозке копен к стогу.

Раз к концу сенокосной работы князец подъехал к стогу со своим барчуком Анастасом, ровесником Никуса. Барчук соскочил с тарантаса и тут же предложил Никусу состязаться в прыжках. Никус засмутился и отрицательно мотнул головой.

— Н-ну, чего артачишься? Поиграй, дуралей. Да и волу надобно дать передышку. Не видишь, как уморился бедняга, — процедил сквозь зубы хозяин, поглаживая быка по потной глянцевиной шее с толстыми складками, — складки эти были почти такие, как у него самого на массивном затылке.

За игрой Анастас рассказал Никусу, что мама сшила ему новую шубку на беличьем меху и камусы из белых оленьих «лап» и что скоро он, Анастас, пойдет в школу учиться.

— А где это школа? — сразу оживившись, заинтересовался Никус.

— В деревне, возле церкви.

— Возьми меня с собой... В школу! Будем вместе учиться... вместе играть! — Никус умоляюще уставился на своего ровесника.

— Нет, папа заругается. Папа говорит — Никус в школу не пойдет, а будет учиться быка водить.

— А я не хочу быка водить... Брошу его и убегу в школу!

... Вечером, когда мать собралась в коровник, Никус стал навязчиво просить у нее карандаш, которым отец размечал обструганные доски.

— Помешался, что ли, на карандаше. Это тебе не игрушка. Отвяжись, говорю! — сердито сказала мать, расстроенная недавней горячей перепалкой со сборщиком податей. Но Никус не унимался.

— Перестань, тебе говорят!.. — закричала мать. — Мне и без того тошно.. Молчи-и! — и сгорячахватила Никуса по голове чабычахом из-под мусора.

Бедняга Никус схватился за голову и присел. Он готов был разреветься от боли и обиды, но, увидев в юрте соседскую девочку, прикусил губы. Того и гляди засмеет: мужчина, а плачет.

Мать и девочка протиснулись в узкую дверку коровника, пристроенного к юрте. Никус остался присматривать за маленьким братишкой и был рад, что сегодня его заменила в хлеву девочка. Не то опять пришлось бы ему посветить матери лучинками, что повторялось каждый вечер при дойке коров. Надоело!

Никус подбросил несколько поленьев в камелек, чтобы было

светлее в юрте, и, заслоня ладошкой лицо от пламени, достал с шестка потухший уголек, послунывил ладошку, провел по ней угольком; взял затем кочергу, спустил с вешалов над очагом лучинки. Тут братишка его — ни с того, ни с сего — начал хныкать в своей берестяной сидулке.

— Ты-то уж молчи, не плачь! — прикрикнул на него старшой. — Видишь, мне некогда. Не мешай! То быка води, то с тобой няньчись... А когда же учиться? Ну, перестань, глупый, перестань. Ай, не хочу смотреть на твои слезы!.. — Никус торкнул кочергой по сидулке — повернул братишку лицом к стене.

Потом он взобрался на поленницу дров, сложенную сбоку камелька, устроился на ней поудобней и, лепеча что-то, как ему казалось, по-русски: «Да, бырыкасанье, даимка дабай!» — принялся чертить углем по лучине. Сперва с нажимом, жирными черточками вывел незамысловатые закорючки, напоминающие лыжи и загнутые кверху носки своих торбазов. Склоняя голову то вправо, то влево, Никус полюбовался написанным и, самодовольно выпятив губы, с каким-то мальчишеским озорством повторил таинственные непонятные ему русские слова, вероятно, не раз слышанные им от сборщика подати: «Да, бырыкасанье, даимка дабай!». Затем начертил полукруг луны и пробормотал: «Пусть это будет «а». Дальше, пыхтя и сопя, описал овальный кружок: «А вот и «о». Немного погодя опять вывел полумесяц, приделал к нему вроде рук и ног: «Это тоже «а». Но она никудышняя, пусть с ней мама аукается».

Никус настолько увлекся, что совсем забыл о братишке, который все это время ревел не умолкая. Очнулся он, когда мать прибежала из коровника и набросилась:

— Углем играешь, за ребенком лень присмотреть! Вот тебе! — Она выхватила у сына лучинки и нахлестала его. — Иди, успокой ребенка... Успеешь, наиграешься!..

Когда мать снова ушла в коровник, Никус подошел к братишке и сунул ему в ротик кончик рога — соску. И тот сразу замолчал. «У, чертенок! Из-за тебя мне всегда попадает... Еще из-за тебя да быка княжеского меня, может, и в школу не отпустят... Скоро Анастас и Федорка учиться пойдут. А я — нет... Они богачи, у них полно и карандашей, и бумаг. А мне даже и углем на лучинке писать не дадут...» Бедный мальчонка почувствовал себя настолько несчастным,

обиженным, что заплакал навзрыд.

Мать управилась с коровами и вернулась в юрту. Скоро пришел и отец Никуса, Яков. За ужином, задумчиво, как бы про себя, отец заметил, что на днях открывают школу. Никус обжегся, глотнув горячий чай, и еле слышно выдавил:

— Тятя, я хочу учиться...

— Где уж нам... На что будем учить-то? — вздохнул отец. — Уж так суждено тебе, сынок, блуждать впотьмах, коли родился в бедной юрте. Видно, грамота не для нас. Мы вот с писарем Уйбааскы росли вместе. Он был сыном богатого, а я — кожемяки-бедняка. Помню, Уйбааскы куда глупее, дурнее меня был. А теперь, глядика, писарь. И смотреть-то на меня не хочет. Ежели бы и я грамоте выучился, пожалуй, не хуже его был.

— В школу отдать, — замерзнет. Ни одежи, ни обуви, — жалобно уронила мать. — И без этого с куска на кусок перебиваемся...

— Может, казна поможет? В пансион устроить бы...

Эту ночь Никус долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок и все бормотал под одеялом: «а», «о», «мамина «а», «папино «о». Бедняжка, так и уснул, сложив губы наподобие «о».

Никусу приснилось, что будто отец и мать привели его в школу. А школа большущая. Высоченная. Аж до облаков. И вся из белой бумаги. И в ней много-много детей. Сидят они за столами и читают книги с красивыми цветными картинками. А посредине школы — гора карандашей; на ней стоит Анастас и с одним мальчиком играет в хабылык. Никус хочет взобраться к ним, но Анастас отпихивает ногой вниз. Вдруг Анастас выронил из руки карандаш — точно такой же, как у отца Никуса, — большой, цветной. Никус наклонился было, чтобы достать карандаш, но Анастас схватил его за уши и больно дернул.

— Вставай, вставай! — услышал вдруг Никус голос матери. — Надо пеленку переменить ребенку.

Никус проснулся: увы, ни школы, ни карандашей! Оказываешься, лежит он у себя в юрте, как всегда, в одной постели с братишкой и матерью. Из сонных глаз его скатилась слезинка.

Наутро Яков направился к своему старшему зажиточному брату просить помощи. Но тот накричал на него и выпроводил прочь: — У дрянной утки-лысухи на голове белое перо вроде кокарды. Но

что толку. Все одно — уродства ее не скрашивает. Так же и грамота вам. Ничего доброго твоему сыну не даст. За политиками ухлестнет, покинет тебя. Лучше уж научи работать. Или отдай мне.
— Ишь ты, какой ловкий, хочешь сделать моего сына рабом?! Не бывать этому! — Яков сжал костлявые кулаки и подступил к брату.

Но тот испуганно попятился и шмыгнул в избу.

После разговора с братом Якову еще сильнее захотелось устроить сына в школу. И не далее как на второй День, захватив подмышку большой круг ячменной лепешки, — больше у них ничего не было из снеди, — он повел сына в школу.

Когда прошли полпути и сели передохнуть, отец набил трубку табаком, высек огнивом искорки на трут, затянулся дымом и сказал: — Ежели примут, веди себя смиренненько, аккуратнo, ни с кем не прекайся, не спорь. Сыновья богатых да сытых изобьют до смерти, хворь себе наживешь, да и из школы выкинут. И не смей на пол плевать, сморкаться — учитель не взлюбит. Там, брат, чистота, не то, что у нас в юрте.

— Сеп, — шмыгнул носом Никус. Ладно, мол, хорошо.

Побрели дальше. Вот, наконец, впереди замаячили кресты над куполами.

— Тятя, что это там, могилки на кургане, да?

— Нет, сынок, это церковь... К деревне подходим, к школе...

Вскоре подошли к церкви. Ух, какой большущий, какой высокий дом! Над этим домом-великаном заманчиво поблескивают крестики, и так они высоко стоят, что кинь камень, и то не долетит.

— О-о, домов-то сколько!.. И какие они большие... — продолжал изумляться Никус, озираясь с сияющим счастливым лицом. — Смотри-ка, окна у них больше двери нашей юрты.

— Вот и школа, — сказал отец, остановившись возле потемневшего от времени здания, внутри которого гудело, как в пчелином улье. — Ноги хорошенько вытри...

Школа была полна детей. Что ни шаг, Никус наталкивался то на одного, то на другого. А те, забавы ради, швыряли его из стороны в сторону, иные еще вдобавок провожали пинком. Очутившись в непривычном для него кругу, мальчик растерялся и, повернув обратно к двери, издал отчаянный вопль: «Тя-я-тя!» Никуса обступили десятки кривляющихся, хохочущих рож. Хорошо, что отец поспешно вернул-

ся за ним и повел за руку в учительскую.

Переступив порог учительской, отец Никуса стащил с головы свою заношенную до дыр шапку из телячьей кожи и низайше поклонился в пояс мужчине средних лет с опущенным брюшком. Тот важно расхаживался взад-вперед по комнате, щеголяя своими блестящими сапогами и самодовольно поглаживая зачесанные на пробор лоснящиеся волосы; в такт его шагам на груди покачивалась золотая цепочка от часов.

Это был учитель, сын именитого богача, человек на редкость высокомерный, чванливый. Из желания подчеркнуть свою «высокую» просвещенность, он пренебрегал родным якутским языком и говорил на каком-то особом, ломаном языке, коверкая и смешивая русские и якутские слова.

Никус испугался этого важного господина и спрятался за спину отца.

— Милостивый государь мой! — обратился Яков к важному господину и вновь поклонился ниже прежнего, при этом полы его прохудившегося камзола задрожали, подобно листьям осины. — Вот сына я привел... Прошу, прими, пожалуйста, в школу.

Господин учитель остановился, смерил Якова пренебрежительным взглядом с головы до ног и, гордо выпрямившись, бросил ему: «Иди сперва вытри ноги как следует!» Лицо у Якова залилось краской, и он, смущенно потупив голову, повернулся к дверям. Никус было потянулся вслед за отцом, но тут господин грозно окликнул:

— А ты куда? — и, схватив его за плечо, проволок на середину комнаты. — Стой тут!

Чтоб не заплакать, Никус стиснул зубы и уставился в пол.

— Имя как?

— У меня-то?

— У тебя-то.

— Зовут Топпором .

— Вот чудак! Я спрашиваю хорошее имя.

— Хорошее у меня — Никус...

— То-то! А имя отца?

— Дьюккюр... Нет, Яков...

— Ну-с, а фамилия? Мамилия?

— У меня-то?

—У тебя-то!

—Мо... Мотурона...

—Матрена?! Ах ты.. Матрена! Ха-ха-ха!

—А наслег какой?

—Жехсогон...

—Ну, а улус?

—Сэркээчи...

—Ха-ха-ха!.. Вот дуралей!.. Сэргэчэ — это же не улус, а род, понимаешь ты это, дурень? От дураков дураки и рождаются... А молитва биллэ бар?

— А что это?

— Вот тебе на! Даже не знает, что это такое! А по-русски счет билэр? Знаешь?

— Немного знаю...

— Ну-ка, считай!

— Адынас, дыбанса, тирэнсз...

— Пшел, дурак! Сын твой совсем акары... олух! В школу принимай сох... Нет! — закричал господин учитель. — Киэр барын отсюда! Уходите.

Никус с отцом были ошарашены неожиданным оборотом дела и, сконфуженные, пристыженные, поспешили подобру-поздорову удалиться. Выходя из учительской, бедняга Никус обрадовался, что господин учитель так быстро отпустил и не побил. Уж больно сердитый.

Зашли они на кухню, к школьному сторожу. Попили чайку. Дедушка сторож выслушал Якова, сочувственно покрутил головой и вот что поведал:

— Давеча, немножко раньше вас, заезжал сюда ваш тойон, князец, и наказывал учителю не принимать в школу твоего дитяти. Он говорил, твой сын круглый дурак, да еще, мол, чесоточный. Понятно, потому учитель и отказал вам... Да к тому же надо ему, учителю-то, позолотить руку... взятку богатую сунуть. Тогда уж по-другому заговорил бы. Ох, и лукавый бес!.. Знаешь, здесь учатся только дети богатых. Пансион, лишь одно название пансион: тут дети одних зажиточных, тех, кто может взятку всучить. А детей вот таких, как вы, к школе и близко не подпускают.

— Э-э, понятно!.. То-то давеча князь обогнал нас на пути... Пуче-

глазый бык! — возмутился Яков. — Смотри-ка, какую чушь напорол на моего мальчика! Оттого-то, видно, этот негодяй зачванился пуще, посмеялся над нами. Даже будто и по-якутски разучился говорить. Чересчур грамотный... сын головы. И смех и горе. А князь зарится прибрать Никуса к себе в батраки, потому и «позаботился». Понятно, ежели сын мой станет грамоте разуметь и не будет блуждать впотьмах, то не запрягешь его, как ломовую лошадь, — не поддастся им. Эх, кто же нам руку милосердную протянет?! Аль боженька улыбнется? Э-хе-хе-е!..

Тем временем Никус подошел к комнате, куда недавно повалили гурьбой дети, и стал заглядывать через щелку дверей. И видит: за маленькими, столиками, расставленными в ряд, сидят такие же малыши, как и он; перед каждым лежат книги с красными обложками и тетради. А тут еще учитель начал раздавать ребятам по карандашу. Никусу страсть как захотелось тоже получить такой карандаш. Прослезившись и засопев, он машинально протянул загорелую до черноты ладошку и прошептал: «И мне... дай мне». Дверь чуть слышно скрипнула. Заметив это, господин учитель подошел и — то ли нарочно, то ли случайно — как толкнет одну из створок дверей, — Никус схватился за ушибленный лоб и с плачем бросился прочь. Отец выбежал из кухни навстречу сыну и потряс кулаком. — Эй ты, сын Ненасытного головы! Слишком уж зазнался!.. Берегись, попомнишь мое слово...

Взявшись за руки и украдкой друг от друга смахивая слезы, отец с сыном понуро поплелись домой. Кто же их, горемычных, пожалеет, кто же им поможет? От князя да сына головы, видать, ни добра, ни сочувствия не дожждаться. Но «свет не без добрых людей», — говорит народная пословица. Подобно лучу света во тьме, подобно зарнице, по дороге им встретился один такой добрый человек. Был он в широкополой светлобежевой шляпе; губы и подбородок утопали в золотистой густой бороде, а глаза на бледном суровом лице голубели, как небо, и улыбались ласково. Через плечо у него были перекинута гармошкой стопки книг, перетянутые шпагатом. Яков, приставив руку козырьком к глазам, взгляделся и узнал известного по всей округе «сударского» Владимира.

— Здравствуйте, друзья мои! Кэпсиэ? Что нового? — заговорил русский, опередив Якова.

— Здорово, Владимир, здорово! — лицо у Якова посветлело и расплылось в улыбке.

Увидев, как обрадовался отец, Никус поборол в себе робость и стал присматриваться к «сударскому» своими черными, как спелая смородина, глазенками. Ему не раз доводилось слышать из разговора взрослых, что Владимир не боится говорить правду в глаза, заступает за бедных и обиженных и что за это самый главный той-он — царь возненавидел его и изгнал из какого-то большого далекого города.

— Куда, папаша, водил сынка?

— Э, в школу, да не приняли.... Идем и горюем — обошли нас светом грамоты.

— Мда... — На выпуклом высоком лбу «сударского» легли крупные продольные складки, лицо его сразу стало серьезным и даже, как показалось Никусу, больно сердитым. — А мальчик у тебя славный, смекалистый, по лицу и глазам вижу. — Мягко улыбнувшись, он погладил Никуса по головке. — Вот что, Яков. Если ты не против, Никуса обучу я. Наконец-то разрешили мне открыть школу... Так что теперь у нас в селе будет своя школа... для детей бедных...

— О, пасыба, пасыба, Владимир! То-то я слышал добрую молву о тебе. Как же, с радостью согласен. Обучи его, обучи!.. Поделись с ним светом грамоты, умом-разумом поделись...

— Хорошо, Яков, договорились. Никус учится у меня. Утром отпавь его ко мне на дом. Хорошо? — и Владимир, весело взглянув в иссеченное морщинами лицо Якова, дружески потряс его заскорузлую руку.

— Пошлю утром, непременно пошлю... Пасыба, солнце-человек!.. «Сударский» кивнул головой, еще раз улыбнулся Никусу и размашисто зашагал вперед. Отец, взволнованный, снял шапку и постоял, провожая своего добродетели глазами, полными слез от нахлынувшей радости.

Глядя вслед «сударскому», Никус подпрыгивал подле отца и хлопал в ладоши:

— Эх-х... хар-р-ашо!.. Харашо-то как! Мой учитель солнце-человек! Он лучше... сто раз лучше злого господина учителя, сына головы! У меня будет русский учитель! Сударский - хорошанский!..

И в расширенных черных глазах мальчонки вспыхнули, заи-

грали лучистые искорки, — отзвуки светлой надежды, сулящей ввести его в новый неизвестный мир, в мир света и разума.

Якутские рассказы.
Якутск, Якутское Книжное Издательство, 1962
Пер. с якут. Ю.Шамшурин С. 121-131.

СЕРАФИМ РОМАНОВИЧ КУЛАЧИКОВ –ЭЛЛЭЙ
(1904-1976)

Чурумчуку
(По мотивам якутского фольклора)

Защищаясь от ночного
Ледящего дыхания,
Он носил оленью шубу
Всю в лохмотьях, прятал ноги
В торбоса из грубой кожи,
Что колен не покрывали.
У него была и юрта,
Отороченная льдами,
С бахромою из сосулек —
На аласе Чуорайитта,
Неприметной луговине
Посреди тайги дремучей.
Были у него чороны
Из точеных тонких чурок, —
Деда скудное наследство,
Да еще из ветки ивы
Смастерил себе он трубку.
Чурумчуку—так он звался.
И в глазах его, как в углях,
Рассыпались, рдели искры.
Вечно впроголодь ходил он,
Мяса на огне не жарил.

Говорят, годов немало
Так он прожил неприметно,
Несчастливец Чурумчуку.
И дымок из бедной юрты
Посреди тайги дремучей
Уходил в пустое небо,
Таял, к тучам улета.

Как-то вышел Чурумчуку
В лес пустынный на охоту —
Поискать там легкоперых
Птиц, взмывающих со свистом,
Поискать зверей хвостатых,
Убегающих в чащобы.
Ни одной души звериной
Под порошей он не встретил,
Даже мышки в буреломе,
Свиристящей от испуга,
Лишь завидит человека.
А в желудок вгрызся голод...
Тут ремнем своим потуже
Затянулся Чурумчуку,
Зашагал быстрее охотник
В синеву таежных далей.
Вдруг, — глазам своим не верит, —
Средь пожарища глухого
На макушке черной ивы,
Ронжу рыжую он видит,
Госпожу тайги широкой.
Лук хватает Чурумчуку,
Целится он метким глазом.
Вот стрела взвилась, вонзилась —
И красавица лесная
На земле трепещет, бьется...
Уж и рад был Чурумчуку?
Сгреб он в кучу мерзлый хворост,
Из кремня звезду он высек,

Глядь — и струйка голубая
Из-под хвой закурилась.
Почернеть еще жаркое
Не успело, — как уселся
Наш бедняк за сладкий ужин.
Не жуя, все проглотил он,
Губы пальцами он вытер
И спешит к костру, — боялся,
Как бы пламя не взбесилось
По лесам не поскакало.
Стал затапывать он искры,
Смотрит под ноги, — да полно!
Уж не спит ли он? — откуда
Вдруг взялось такое диво?
Посреди углей багряных, —
Черным глазом человека
Никогда нигде не видан,
Плоским ухом человека
Никогда нигде не слыхан, —
Блещет камень драгоценный.
Бычьей печени крупнее,
Солнца летнего лучистей.
Наклонился Чурумчуку,
В руки взял свою находку
И глядит — не наглядится,
Пляшет сердце, пляшут ноги.
Хоть и прост был Чурумчуку,
А смекнул, любуясь камнем.
Что чудесным был тот камень,
Не простым он был, а мудрым.
Камень дивный!
Да, он сверху
Цедит сливки с пенкой жирной
Для детишек малолетних.
Камень добрый!
Да, он снизу
Вкусных кушаний обильных

Беднякам дает без счета.
Камень сладкий!
Да, с боков он
Щедро льет кумыс отрадный
В пересохнувшие глотки.
Камень счастья!
Да, из сердца
Своего растит он злаки,
Хлеб ржаной с пшеничным хлебом...
Разгадав чудесный камень,
Громко крикнул Чурумчуку,
Клич веселья «эхай-чохай!»
Он пустил ветрам вдогонку.
На алас свой Чуорайитту,
В юрту бедную с цветною
Бахромою из сосулук,
Побежал быстрее оленя.
Полетел звездой падучей.
С той поры для Чурумчуку,
Для жены его и деток
Дни довольства наступили:
Пища их всегда обильна,
И богата их одежда.
У хозяйки Чурумчуку,
У красотки Ньюгуяны,
Есть чулки — да ведь какие! —
Из пушистых лисьих шкурок.
А добряк наш Чурумчуку
Ходит в шапочке бобровой,
Шапку ту — на зависть баям! —
Он заламывает лихо.
День, другой, и пять, и десять,—
Знай, живут себе, не тужат.

Про счастливец Чурумчуку|
Разнеслась молва такая:
«Драгоценный камень счастья

Он нашел в тайге дремучей.
Не нужны ему чороны
Из точеных тонких чурок —
Деда скудное наследство, —
У него теперь посуда
Не простая — золотая,
Потому что сам тот камень
Не простой, а чудодейный:
Кормит, поит, одевает.
Исцеляет от недугов».
Где и конь своим копытом
Не стучал — бежали вести
О находке Чурумчуку.
И повсюду — в ближних землях
И в чужих краях далеких —
Всё, чья кровь отвагой дышит,
Чьи сердца живут мечтами, —
Потянулись к чудо-камню
Каждой мыслью, каждым вздохом.
Кто ж прознал, прослышал первый
Про чудесный камень счастья?
У кого в утробе алчной
Зависть злобная проснулась?
У царя Чупчуруйдана!
У того царя-тойона
Лошадей водилось больше,
Чем на небе звезд лучистых,
Больше выросло оленей,
Чем кусточков, крытых снегом,
На просторе тундр маячит,
И овец паслось не меньше,
Чем вдоль берега речного
Насчитаешь мерзлых кочек.
От довольства озверел он,
Стал от сытости беситься,
Жажда жгла его, кобылий
Жир он лил в свою утробу,

Оттого и сам раздулся,
Так заплыл тяжелым туком,
Что никто не распознал бы,
Где спина его, где шея,
Где плечо его, где локоть,
Где ступня, а где колено.
Услыхав отвисшим ухом
О сокровище бесценном,
Царь взревел — и поскакали
Девять вестников проворных,
Чтоб сыскать того счастливца
И вручить ему посланье.
Вот что грамота гласила:
«Друг, назначенный мне свыше,
Мой любезный Чурумчуку,
Девятьсот годов я буду
Для тебя бессменным другом.
Коль состаришься — за локоть
Поддержу тебя любовно.
А за эту благосклонность,
За высокую заботу —
Сущей малости прошу я:
Чтоб украсить трон мой царский.
Подари ты мне свой камень,
Чудо-камень светозарный».
Разыскали Чурумчуку
Девять вестников проворных
В легких шапках островерхих —
И прочли ему посланье.
Хоть и прост был Чурумчуку,
Разгадал царевы козни,
Заметал из глаз он искры,
Крикнул он слова такие:
— Да в уме ли ваш владыка?
Знал ли царь, чего просил он?
Как могу свой клад бесценный
Уступить совсем задаром?

Разве можно человеку
На земле прожить без счастья?
Убирайтесь вон, покуда
Целы вы и невредимы!
А царю Чупчуруйдану
Чурумчуку так ответит:
Неужели царь, держащий
На руках и на коленях
Половину всех сокровищ
Четырех краев полных,—
Стал младенцем слабоумным,
Коль затеял взять обманом
Камень-счастье, чудо мира? —
Спорить вестники не смели,
Повернулись, воротились
К своему Чупчуруйдану.

День, другой, и пять, и десять
Пролетели бестревожно.
Вдруг — беда стучится в юрту.
Прибыл царь со свитой, с войском
К непокорному соседу.
На алесе Чуорайитта
Трон царя остановился,
Девяносто лучших стражей
Стали грозно, справа, слева.
Чурумчуку глянул, — грозен
Возвышался царь на троне
У опушки отдаленной.
Чтоб ослушника на месте
Гневным взглядом уничтожить,
Царь рабов своих окликнул.
Взяв две ложки золотые,
Те раскрыли, понатужась,
Обвисающие веки.
Что смотреть царю мешали.
И тогда, скосившись злобно,

Глянул царь и тут же хрипло
Промычав, проржав, пролаяв,
Изрыгнул слова такие:
— Ах, чугу-чугу-чугучу,
Чурум-Чурум-Чурумчуку!
Я приехать соизволил,
Чтоб с тобой договориться
О твоём чудесном камне.
Так обоими ушами
Слово царское ты слушай.
Вот — судьбы твоей решение:
Пропитанье, радость тела,
И одежду, радость взора,
Пусть из царского амбара
Раз в шесть дней тебе привозят,
Чтоб отныне дней голодных
Не знавал мой Чурумчуку,
Чтоб забыл о рваной шубе.
Ты за эту честь и милость
Мне безделицей отплатишь:
Дашь мне камень, что нашел ты
Под горой — скалой Джугжурской. —
Слово царское услышав,
Испугался Чурумчуку,
Шаг, другой назад ступил он,
Зачесал в своём затылке,
Он ответить не умеет,
Меж зубов слова завязли.
Вдруг — ушам своим не верит —
Сам язык зашевелился.
Сам язык его проямлил:
— Царь... тойон мой... рад служить я...
Ты прочел мое желанье... —
Так промолвил Чурумчуку
И вошел в свой хлев, где, скрытый
Под клоком истлевшим сена,
Камень в ящике хранился.

И покорно Чурумчуку
Вынес ящик тот из хлева,
Молча вынул чудо-камень,
Заигравший нежным блеском,
И царю Чупчуруйдану
Преподнес его с поклоном.
Вот живет наш Чурумчуку,
Он живет себе, не тужит.
День, другой, и снова столько,
Да еще два дня в придачу.
На седьмой же день, воскресный
Напросилось в гости горе:
Нет ни царского обоза,
Нет ни пищи, ни одежды.
Замычал, заплакал голод:
По горам-лесам разнесся
Детский плач и рев скотины.
Больше всех проголодался
Ариан—трехлетний мальчик,
Не дает родным покоя:
У отца он просит мяса,
А у матери — оладок,
Омрачился Чурумчуку,
Стал он крепко думать думу
И решил к царю-тойону
Снарядить свою хозяйку,
Чтоб красotka Нюргуяна
Справедливости добилась.
Он сказал ей:
-Ты пойдика
Расспроси царя – тойона,
Отчего про нас забыл он,
Отчего не держит слова. —
Долго-долго Нюргуяна
Шла к царю Чупчуруйдану,
Через топкие болота
Пробиралась терпеливо,

Лоскутки своей одежды
По колючкам разметала.
Черной, рваной побирушкой
Подошла к вратам дворцовым.
А как стала подниматься!
По сверкающим ступеням —
Девять стражников свирепых
С высоты ее столкнули.
Тут красotka Нюргуяна
Побрела обратно к мужу
Вся в слезах домой вернулась.
Как бы мог с царем-тойоном
Расквитаться Чурумчуку,
Неприметный человек,
С трубкой из плакучей ивы
И с глазами, где, как в углях,
Перепархивали искры?
Крепость бедных — только юрта,
Сгорбленная под сугробом.
Их защита — только слезы.
Прожигающие землю.
Омрачился Чурумчуку,
Стал он крепко думать думу
И решил: царя-тойона
Призовет он сам к ответу.
Хочет встать он — Нюргуяна
Обняла его за плечи,
В путь далекий не пускает.
— Не ходи, — она сказала, —
Не ходи к Чупчуруйдану.
Там живут дурные люди,
Твой поклон сочтут изменой,
Скажут — ты бунтарь опасный,
Там тебя убьют, повесят.
Не жалею о камне счастья.
И без камня -- солнце светит.
За спиной — века лишений,

Будем жить, как прежде жили,
Только б жить под светлым солнцем!
Милый муж мой, Чурумчуку,
Не ходи к Чупчуруйдану,
А корми ты нас, как прежде,
Рыбной ловлей и охотой.
Разве мало здесь в озерах
Карасей и всякой рыбы?
Разве мало здесь в чащобах
Глухарей и всякой дичи?
Не ходи, мой муж любимый,
Не ходи к Чупчуруйдану!
Ты уйдешь — огонь потухнет,
Юрта станет нам могилой,
Все умрем голодной смертью,
Все замерзнем в эту зиму,
Отпоеет нас только ворон,
Только вьюга нас оплачет...
Не ходи, мой Чурумчуку,
Не ходи, к Чупчуруйдану!
— Но угрюмый Чурумчуку
Так ответил Нюргуяне:
— Я пойду к Чупчуруйдану,
Камень свой возьму обратно.
Лишь тому дается правда,
Кто пред силой не согнулся.
Позади — века лишений,
За спиной — нужда и голод.
Как же смеем мы мириться
С коронованным разбоем,
С коронованным обманом,
Что у бедных взял неправдой
Их единственную радость?
Не стерплю я той обиды,
Не стерплю того обмана!
Я пойду к Чупчуруйдану,
Камень свой возьму обратно.

Верь, голубка Нюргуяна,
Чурумчуку твой вернется,
Принесет он камень счастья.
Вновь повеет воздух сладкий,
Расцветет сиянье в юрте,
Будем мы кормить голодных,
Согревать озябших будем,
Будем счастливы — и радость
Возвратится к человеку.
Так прощай, моя голубка,
Неразлучная подруга,
Целый век мы были вместе,
Как два рога у коровы,
Как две лыжи, по сугробам
Пробегающие рядом.
Речь мою теперь запомни,
Не нарушь моих заветов:
И в лесах, и на озерах,
На снегу, в траве зеленой —
Ты работай, Нюргуяна,
Так, как если б не ушел он.
Пусть же юрта не пустует,
Пусть огонь в ней не потухнет,
Пусть ребенок не зачахнет,
Пусть от голода не плачет.
Ты давай корове сено,
Чтоб бедняжка не мычала! —
Так промолвил Чурумчуку,
Попрощался с Нюргуяной
И пошел к Чупчуруйдану —
Добывать свой чудо-камень.
По болотам пробегал он,
Плыл разливом рек таежных,
Всё конца пути не видел,
Зиму узнавал по снегу,
По дождю и солнцу — лето.
Шел да шел наш Чурумчуку

И пришел к Чупчуруйдану.
Отомкнул засов чугунный —
Колокольцы зазвенели,
Дверь тяжелая открылась.
Робко входит Чурумчуку,
Неприметный человек,
В рваной шубе и с глазами,
Где, как в углях, тлеют искры.
Но теперь глаза потухли,
Затуманены печалью,
Если ж в них и вспыхнет искра.
То не искра, а слезинка.
Снова ложки золотые
Царский взор приоткрывают.
Глянул царь на Чурумчуку —
Весь налился кровью злобы,
Загремел жезлом железным,
Плюнул влево, плюнул вправо,
Прохрипел слова такие: —
Это что за наважденье?
Что за дьявольские козни?
Чурумчуку! Плут! Мошенник!
Как ты смел ко мне явиться
Из своей навозной юрты?
Мой совет тебе: коль хочешь
Ты остаться невредимым,
Убирайся вон отсюда,
Уходи скорей обратно! —
Но покорный Чурумчуку,
Беззащитный Чурумчуку
Не стерпел такой обиды.
Словно кедр, он распрямился,
Заметал из глаз он искры
И царю в ответ промолвил: —
Будь твой трон вовек прославлен,
Государь — тойон могучий!
Я пришел тебе напомнить,

Что когда-то взял ты камень,
Чудо-камень светозарный,
Камень мудрый, камень счастья,
В свой дворец его увез ты,
Озарил им трон свой славный.
Я пришел тебе напомнить
О твоём державном слове:
Обещал ты Чурумчуку
Отогнать навеки голод
От его убогой юрты.
Распроставшись с чудо-камнем,
Я и с жизнью распрощался.
Нынче юрта опустела,
В очаге огонь затоптан,
И дожди мне стали пищей,
Лыжами — босые ноги.
Нет мне счастья, нет покоя.
Уж давно голодный плачет
Ариан, сыночек малый,
И мычит корова в хлеве.
По лугам своим тоскуя.
Будь же милостив, тойон мой.
То, что взял, — отдай обратно! —
Закачалась тут корона,
Над зубцами золотыми
Перья пестрые взметнулись.
Царь-разбойник, царь-грабитель,
Кнут у всадника отнявший,
А у пешего — дубинку,
Словно дьяволов приспешник,
Весь от хохота затрясся,
Обнажив клыки гнилые.
— Жук навозный, Чурумчуку!
Нераскаянный ты грешник!
Все сожрал, что стоил камень,
А потом, неблагодарный,
Смеешь требовать обратно

Наше царское владенье!
Эй, сюда, стальная стража,
Палачи, любимцы смерти!
Вы казните Чурумчуку!
Больно он длинноязыкий —
Вы язык ему подрежьте!
Больно он широкоглазый —
Вы глаза ему прикройте!
Бунтовать он научился —
Обуздать его не худо!
На скалу его сведите.
Опоясанную льдами,
Вы столкните Чурумчуку
Прямо в пасть водоворота.
Пусть его задушат волны,
Пусть на дне его схоронят! —
Палачи Чупчуруйдана
Заковали Чурумчуку,
Отвели его на гору,
На скалистую вершину,
Опаясанную льдами,
И столкнули Чурумчуку
Прямо в пасть водоворота,
В море смерти неизбежной.
И когда седые волны,
Словно белые медведи,
На нежданную добычу
Злобно кинулись, ощерясь, —
Вдруг припомнил Чурумчуку
Чудодейственное слово.
Произнес он заклинанье: —
Губы, — молвил, — пейте море,
Все до дна испейте море! —
Не успел он так промолвить,
Не успел губами чмокнуть —
Море грозного не стало:
С ревом, бульканьем и плеском

Море в рот к нему скатилось.
Выпил море Чурумчуку.
Средь пустынь солончаковых
Огляделся Чурумчуку.
Делать нечего! Обратно —
По лесам, полям, болотам —
Он пошел к Чупчуруйдану.
Шаг его — как бег оленя.
Заблудившегося ночью.
Он идет навстречу буре —
С головой, ветрам открытой,
Он идет навстречу стуже —
С необутыми ногами.
Во дворец без стука входит
Непокорный Чурумчуку,
Неприметный человек
В рваной шубе и с глазами,
Где, как в углях, тлеют искры.
Царь от злобы задохнулся: —
Э, да ты уж не смола ли?
Коль пристал, отстать не можешь?
Царь взбесился не на шутку.
Весь народ его трепещет,
Так запуган, что не знает:
То ли в землю провалиться —
Да земля тверда, как панцирь,
То ли взмыть со страха в небо —
Да взлететь нельзя без крыльев.
Царь жезлом остроконечным
Палачей казнил жестоко —
Заколол их прямо в сердце.
А потом вскочил он с трона.
Сгреб в охапку Чурумчуку,
Руки он ему с проклятьем
Прикрутил к жезлу стальному
И повел его на гору,
Опоясанную льдами,

Чтоб оттуда сбросить в пропасть,
В море смерти неизбежной.
Вот бредет наш Чурумчуку
За царем Чупчуруйданом
Так быка ведут за морду
Вдоль по бороздам весенним.
Крепко думает он думу,
Как спастись ему от казни.
Только вдруг, глаза потупив,
Опустившись на колени,
Так шепнул он еле слышно,
Так сказал Чупчуруйдану:
— Посредине луговины,
Что пред нами зеленеет,
Отдохнуть бы мне — и трубкой
Затянуться напоследок!.. —
Царь был тучен, не привык он
По земле скитаться пешим,
Задышался он от зноя,
Отдохнуть он согласился,
На траве уселся первый.
Закурил тут Чурумчуку
Трубку из плакучей ивы
И, мозгами пораскинув,
Говорит Чупчуруйдану:
— Государь мой, мы — в долине,
Посреди холмов цветущих,
Коль дозволишь, повелитель,
Я на холм взбегу проворно,
Огляжу оттуда море,
Путь к нему измерю глазом,
А потом... спущусь обратно.
Если к морю путь не близок,
Ночевать нам здесь придется, .
Если ж близок, надо тотчас
Собираться нам в дорогу;—
Царь усталый, разленившись,

Сам уж думал о ночлеге.
Он послушался совета,
Чурумчуку расковал он.
От цепей освобожденный,
Быстроногий Чурумчуку
На цветущий холм поднялся,
Даль земли окинул глазом,
Стал лицом к Чупчуруйдану,
Округлил воронкой губы,
Произнес он заклинанье.
— Губы,— крикнул,— лейте море.
Все до дна пролейте море! —
Не успел он так воскликнуть —
Море грозное явилось:
Вниз — к царю Чупчуруйдану
С ревом, бульканьем и плеском
С высоты скатилось море.
И долина — в то мгновенье —
Встала валом белопенным,
Зашумела шумом бури.
Тридцать дней, а то и больше,
Над царем шутило море:
Вдаль несла его пучина,
Мука смертная качала.
Чует он — конец приходит:
Вглубь затягивает бездна.
Тут взмолился он, заплакал:
— Я за жадность погибаю...
Друг любезный, Чурумчуку!
Ты спаси меня, помилуй,
Не лиши луны и солнца!
Утопаю, утопаю!
Помоги, о Чурумчуку!
Коль меня ты не погубишь,
Награжу тебя без меры,
Все бесценные каменья,
Все монеты золотые

Уступлю тебе охотно.
Ты возьми любой народ мой
В рабство полное навеки.
Даже камень чудодейный
Я верну тебе, пожалуй...
Только б вынырнуть отсюда.
Ой, спасите, утопаю!
Пусть мой край необозримый
Мор и голод истерзают,
Пусть пожрут его пожары-
Только б я не захлебнулся,
Только б вынырнул отсюда.
Все возьми, мой Чурумчуку,
Только дай пожить на свете!
Не лиши луны и солнца!—
Умудренный Чурумчуку
Подбоченился сурово,
Плюнул влево, плюнул вправо,
Молвил он слова такие:
— Ну, не думал, не гадал я,
Что тойон мой так захнычет,
В мелкой луже утопая!
Как ничтожество такое
Управляло славным краем?
Отчего пред этой жабой
Трепетал народ могучий?
Как же смеет царь-грабитель
Называть своим владеньем
Все, что он содрал с голодных,
Как с берез дерут бересту?
Мне не надо тех сокровищ,
Что от слез людских намокли,
Что пропахли потом, кровью!
Не хочу я выючить брата,
Как несчастного оленя,
И гонять его дубинкой.
Если правду мне сказал ты

И вернешь мне камень счастья,
Так и быть, тебя я выну
Из разгневанного моря. —
Так промолвил Чурумчуку,
И бежит он в лес соседний.
Вот приносит он оттуда
Ветку, длинную, как Лена,
Что как раз до середины
Моря пенного достанет.
Эту ветку Чурумчуку
Протянул Чупчуруйдану.
Тот за ветку ухватился,
Вылез на берег отлогий,
Словно рыжая лягушка.
И сказал тут Чурумчуку:
— Вот опять ты стал тойоном,
Но не вздумай, как бывало,
Раздуться от гордыни!
Не промедлив ни мгновенья,
Уговор ты свой исполни!
Коль его ты не исполнишь —
Не пеняй ты на другого,
На себя тогда лишь сетуй.
Пред тобой не задрожу я,
Звать не стану господином,
Закую тебя я в цепи
И швырну обратно в море,
Дам твою гнилую тушу
Водным гадам на пожранье.
А теперь давай мне камень! —
Так сказал он, так промолвил.
А промолвил — выпил море
И низверг его в то место,
Где оно плескалось прежде.
Только море то отныне
В десять раз прекрасней стало.
Вот шумит оно, сверкает,

Перекачивает волны,
Хочет к солнцу золотому
Доплеснуть зеленой пеной.
Как увидел это чудо —
Царь от страха пошатнулся.
Во дворец свой он приходит,
Он снимает чудо-камень
Со сверкающего трона,
Он несет его смиренно,
И дрожащими руками
Подает он Чурумчуку,
Как могучему батыру,
Светозарный камень счастья.

А какой конец у сказки?
В песнях так о том поется:
С камнем счастья светозарным
На алас свой Чуорайитту,
К юрте, убранной снегами,
С бахромою из сосулук,
Возвратился Чурумчуку,
Неприметный человек
В рваной шубе и с глазами,
Где, как в углях, тлеют искры, —
Победитель Чурумчуку.
С черных глаз своих слезинки
Стер он бархатным платочком,
Шубу рваную оленью
С гордых плеч навек он сбросил.
Свой топорик наострил он.
Юрту новую построил.
А потом со всей округи —
Колокольчиком веселым —
Он созвал своих соседей.
На столы поставил чаши —
Не простые, золотые —
И устроил пир обильный.

Девять суток пировали.
То-то было там веселье!
То-то радость!
То-то игры!
Там звучал хомуз протяжно,
Там певцы искусно пели,
Силачи, смеясь, боролись,
Прыгуны играли в буры
Говорят, у хромоногих
Сами в пляс пускались ноги,
Говорят, слепцы смотрели
На невиданные игры.
Будто даже и безрукий
Тетивой звенел умело.
Будто даже и косому
Удавалось метко целить.
Говорят, и неуклюжий
Там тягался с ловкачами.
Говорят, и трус последний
Там отважным становился.
Старики там молодели,
С молодыми силой споря,
А старухи там плясали
Веселей, чем молодежи.

С той поры ненарушимо
Стал счастливым Чурумчуку.
Радость тихую узнал он,
Сладость жизни бестревожной,
Теплоту углей горящих
И покой постели мягкой.
Для сыночка Ариана
Вкусных яств нашлось немало,
Для коровы черно-пегой
Было стойло с сочным сеном.
Расцвело сияние в юрте,
Засверкал очаг приветный

Огоньком неугасимым.
Чурумчуку с Нюргуяной
Всех голодных, сырых кормят.
Всех, застигнутых метелью,
Согревают теплым чаем.
А о том, как Чурумчуку,
Сердцем чист, умом отважен,
Поборол царя-тойона,
Одолел Чупчуруйдана,
Озарил века былые
Светом солнечным и лунным, -
В молодых поется песнях,
Повествуется в преданиях.

Эллай. Песни якута.
М.: Художественная литература, 1957.
С. 427-461

СЕМЕН ПЕТРОВИЧ ДАНИЛОВ
(1917-1978)

Гордость моя
Я бываю в поездках далеких,
В самых разных бываю краях,
И в тяжелых дорогах, и в легких,
И в дворцах, и в обычных домах.
В этих странствиях — с правом законным —
Адрес свой от людей не тая,
Сообщаю я новым знакомым,
Что родился в Якутии я.
Будто слышат волшебную фразу —
Оживляются лица людей,
Словно им посчастливилось сразу
Повстречаться с Якутией всей.
Руки жмут мне теплей и охотней,
Приглашают к огню очагов,
Будто я знаменитый охотник
В ореоле тайги и снегов.

Будто я добываю алмазы —
Как в короне, в алмазной пыли...
Будто я показал им аласы
И просторы якутской земли!
И тогда я тоскую сильнее
По земле, где живу и тружусь,
И горжусь я по-своему ею,
И якутским народом горжусь.

1962 г.

Данилов С.П. Снежные цветы: Стихи.
М., Современник, 1987. С. 100.
Пер. М. Львова.

Связь времен

Древние люди, безвестные предки мои,
Жизнью кочевников жили.
Тайгой и охотой
Выл ограничен их круг ремесла и любви,
Холод и голод они побеждали огнем и работой.
Сытно кормили своих деревянных богов,
Что над святилищем стыли безмолвно и наго,
И алтари обагрjali безвинною кровью быков
В детской надежде
Дождаться ответного блага.
Вубен шаманский гремел, будоража тайгу,
Веды пророчил.
Но беды — они не навечно.
Род приходил, чтоб исчезнуть, как след
на снегу.
В душах, как искорка, тлела, росла
человечность.
Чадно горели костры, раздвигая тайгу,
Щедρο сородичей кровь поливала поля
и долины.
Что же там грезилось,

Виделось что моему
Предку — за дымом, за вещим камланием
старинным?
Детская вера в добро помогала в борении
со злом:
Исподволь зрея в народах, она и сплотила
народы.

Дальний потомок,
Я вижу, как машет крылом
Вольная птица сегодняшней нашей свободы.

Дальний потомок ушедших в безвестье племен,
Вижу, как вера в добро воплотилось в деянья
И протянулось от темных до светлых времен
Вещая связь —
Богатырские наши сказанья.

Светом сегодняшней правды, сегодняшних дней
Завтра мое освещая,
Эпоха свершений
Властно идет по земле, приобщая все больше
Людей
К счастью узреть воплощенную мечту поколений.

Новых дерзаний и новых идей торжество —
Древних костров продолжение, итог
вдохновенный,
Свет несказанный...
Пусть отблески света того
Людям помогут по всей необъятной Вселенной!

1968 г.

Данилов С.П. Снежные цветы: Стихи.
М., Современник, 1987. С. 159-160.
Пер. А. Преловского

Человеку родина...

Человеку Родина —
Как родная мать:
Учит правду светлую
В горе понимать.

Человеку Родина —
Как отец родной:
За обиду кровную
Станет он стеной.

Человеку Родина —
Нежная жена:
И в беде и в радости
Милому верна.

Человеку Родина —
Сын, что им рожден:
За него, счастливого,
Жизнь положит он.

1969 г.

Данилов С.П. Снежные цветы: Стихи.
М., Современник, 1987. С. 191.
Пер. В. Шаргунова.

СОФРОН ПЕТРОВИЧ ДАНИЛОВ
(1923-1990)

Манчары

Неоконченная сказка

Тихий летний вечер. На дворе так тихо, что даже не шело-

хнет чуткой листвою осинник. Синий дым от дымокура тонким облачком недвижно стоит над аласом . Дети со всего аласа пришли к Манчары домой и весело играют во дворе. Здесь можно играть, не опасаясь укоряющих строгих глаз, грозного окрика. И ребята дают волю своим резвым ногам, звонким веселым голосам.

Мать Манчары, старуха Марья, останавливается у дверей юрты и с доброй улыбкой смотрит на расшалившуюся детвору. Пускай побалуются. Ее сын Манчары — первый заводила и выдумщик. В игре он всегда верховодит.

Мальчики носятся вокруг юрты и амбара, сверкая голыми пятками. Они играют в джеренкей и в кулун кулурсу . Манчары увлечен, как и остальные ребята. Но он не забывает посматривать на дорогу: скоро должен прийти слепой старик Яков Кыях. Он знает много сказок и занимательных историй. Сегодня утром Манчары повстречал Якова и пригласил его к себе на ночь. Со стариком он очень дружен и готов без конца слушать его. Яков рассказывает о бедняках, отважных людях, которые всегда оставляют в дураках глупых, спесивых баев. Когда Манчары слышит об этих смелых людях, ему хочется быть таким, как они.

Дети стали играть в прятки. Манчары притаился за амбаром. Увлечшись игрой, он позабыл, что вот-вот должен появиться старый человек и его нужно встретить. Вспомнив об этом, он высунулся из-за угла. Яков уже стоял у изгороди и постукивал посохом по жердям в поисках ворот. Манчары вприпрыжку побежал к старику. Мальчик, который водил, увидел его и обрадованно закричал:
— Манчары! Манчары!

Но Манчары даже не оглянулся. Он подбежал к воротам, быстро открыл их, взял старика за руку и повел во двор, виновато говоря:

— Я играл и не сразу заметил вас. Извините.

— Ну что ты, Василий! По этой дороге я часто ходил. Сегодня почему-то сбился.

Как только старик и Манчары вошли во двор, дети окружили их. Из юрты принесли низенькую тальниковую табуретку и поставили ее посередине двора. Манчары помог слепому сесть. Мальчики плотным кольцом обступили сказочника.

— О чем вы хотите послушать, добры молодцы? — спросил старик,

вытирая пот с неподвижного, словно застывшего лица.

— О маленьком шалунишке!

— Нет, о Чэрчахане!

— О Бэйбэрикэн!

— Дедушка! — сказал Манчары, коснувшись его колена. — В прошлый раз вы обещали рассказать о Чурумчуку.

— Расскажите о Чурумчуку! — хором попросили дети.

— Хорошо, — согласился старик.

Он достал табакерку, постучал по ней ногтем, заложил в нос понюшку и стал рассказывать.

Жил-был отважный охотник, по имени Чурумчуку. Не было более сметливого и удачливого охотника, чем он, но нужда и голод все равно не покидали его. Дети Чурумчуку всегда ходили раздетые, голодные и холодные. Ценные меха, добытые руками охотника, переходили к купцам за бесценок. А он боялся с ними торговаться, слово сказать наперекор не осмеливался. Однажды Чурумчуку нашел в тайге волшебный камень. С тех пор, чего бы охотник ни пожелал, мигом исполнялось. Пришло счастье и довольство в семью охотника. Дарами волшебного камня пользовались окрестные бедняки. Слух о чудесной находке Чурумчуку дошел до царя Чупчуруйдана. Царь приказал своим солдатам отнять у него камень. Опять стало голодно и холодно в юрте охотника. Не было предела горю Чурумчуку. Наконец он решил во что бы то ни стало вернуть свой чудесный камень. Охотник готов был ради этого сразиться с самим Чупчуруйданом. Как только у Чурумчуку появилось такое желание, мускулы его налились богатырской силой, глаза загорелись непотухающим огнем.

Однажды Чурумчуку пришел во дворец и потребовал у царя свой камень. Чупчуруйдан не отдал камня, а за дерзость велел утопить охотника. Когда Чурумчуку бросили в море, он выпил всю воду и опять вернулся к царю:

— Отдай камень!

Разгневанный Чупчуруйдан приказал бросить его на растерзание голодным волкам и медведям. Но Чурумчуку и на этот раз спасся, разогнав всех хищных зверей, и они, разъярившись, набросились на самого Чупчуруйдана и разорвали...

...Дети притихли, жадно слушая сказку. Манчары не сводил

глаз со старика, боясь что-нибудь пропустить.

Вот бы ему стать таким, как Чурумчуку...

К воротам подъехал всадник. Никто даже головы не повернул, чтобы посмотреть, кто там.

— Нохо! — сердито крикнул всадник.

Дети вздрогнули, обернулись и увидели у ворот богача Чбчо, сидевшего на гривастой лошади. Лицо его побагровело, глаза метали молнии.

Дети бросились врассыпную, только Манчары продолжал сидеть на месте, не трогаясь.

— Нохо, встань говорят тебе! — сказал богач, грузно слезая с коня.

Он вразвалку подошел к Манчары, держа в руках плетъ с серебряной рукояткой.

Манчары вскочил, все еще не понимая, почему дядя такой сердитый. Глаза у мальчика были спокойные и ясные.

Богач пришел в ярость: какой-то оборванец посмел так держать себя с первым богачом, перед которым трепещет весь улус.

— Ты что, язык проглотил? — закричал Чочо, подняв плетку.

Манчары не знал, что говорить, и потому молчал. Крик богачего родственника услышала мать Манчары и вышла из юрты.

— Вас кто разгневал, господин? — спросила она, кланяясь.

— Твой сын растет невежей. Он кто, человек или волчонок?

— Чем он провинился перед вами, господин мой?

— Чем провинился? Кто должен открыть мне ворота? Кто должен помочь мне сойти с коня?

— Он мог не увидеть вас, господин мой.

— А этого бродячего пса он сразу увидел! — показал он плетью на слепого. — Бросился ему ворота открывать. А меня он не увидел!

Манчары молчал. Ему было обидно, что богач обидел старого человека, которого все уважали. Ведь он не виноват.

— Вы же... — Манчары раскрыл было рот.

— Что я?

— Вы же зрячий, а он — слепой. Чочо вскипел еще больше:

— Посмотрите на этого сосунка! С этих пор уже дерзит. Я научу тебя быть почтительным. — Чочо несколько раз ударил Манчары кожаной плеткой. — Вот тебе за строптивость. В другой раз не то будет.

Манчары беззвучно плакал, уткнувшись лицом в теплую мягкую землю. Чочо долго еще бранил мать и старого Якова. Потом он сел на лошадь и уехал, бормоча проклятия.

А Манчары никак не мог успокоиться. Он плакал не столько от боли, сколько от обиды.

— Перестань, Василий, плакать, — уговаривал его старик, глядя по черным непокорным вихрам. — Наш тойон — злая собака и лучше с ним не связываться. Ну, не плачь.

Манчары вытер рукавом слезы и, всхлипывая, присел рядом со стариком. Яков ласково провел по его лицу шершавыми ладонями.

— Завтра все забудется.

— Нет! Не забудется, — тихо, но твердо сказал Манчары и посмотрел в ту сторону, куда уехал Чочо.

Если бы старик был зрячим, он бы заметил, как сверкнули у мальчика глаза.

За охапкой сена

Наступила весна. В снегу зачернели первые проталинки. Со склонов побежали резвые сверкающие струи, отражая лучи солнца. Всем радостно, что наконец-то кончается долгая холодная зима.

Лишь на аласе Манчаровых тихо и печально. Манчары недавно исполнилось одиннадцать лет, но он уже работает наравне со взрослыми.

Днем мать вышла проведать скотину и со вздохом сказала:

— Сегодня телятам нечего дать. Кончилось сено. Сходи, Василий, к дяде Чочо и попроси у него: может он одолжить хоть одну охапку?

Манчары накинул на себя рваную шубенку и пошел в хотон. Голодные телята протяжно мычали и выжидательно смотрели на мальчика, который всегда кормил их. Манчары погладил телят по мягкой шерсти и сказал:

— Бедняжки! Потерпите немного. Скоро я принесу сена. И досыта накормлю вас.

Он вытащил салазки, у двери оглянулся. Телята смотрели на него, будто говоря: «Возвращайся поскорее».

Манчары перекинул через плечо лямку от салазок и зашагал

к дяде.

По дороге он думал о том, как обрадуются телята, когда увидят душистое сено. Они будут резвиться, прыгать и тыкаться ему в колени влажными носами. От этих мыслей на сердце у мальчика стало легко и радостно.

Вскоре он подошел к усадьбе Чочо. Манчары не любил бывать здесь, но что поделаешь — нужда заставляет. Если бы ему сказали: «Сходи к дяде за сеном или отправляйся в тайгу на медведя», он бы выбрал последнее. Говорят, что если медведя не трогать, он тоже не тронет, чего нельзя сказать о Чочо.

Манчары робко вошел в юрту. Тойон лежал в переднем углу на ороне под иконами, на мохнатой медвежьей шкуре. Увидев племянника, он нахмурил брови и привстал.

— С чем пожаловал ко мне, как посмел переступить порог моей юрты. Закричал во всё горло.

—Клянчить пришел?

Все домашние столпились у камелька с удивлением, глядя на Манчары. Мальчик покраснел от стыда и обиды. Ему хотелось повернуться и уйти, хлопнув дверью. Но в хотоне его ждут голодные телята.

— У нас кончилось сено... Мама просила одолжить хотя бы одну охапку, — смущенно пробормотал Манчары.

— За сеном пришел? Нет у меня для вас сена. Нет и не будет. Уходи прочь!..

Манчары выбежал из юрты. Зачем он пришел сюда?! Ведь, знал же, что у Чочо и зимой снега не выпросишь. Мальчик вытер рукавицами слезы. Нет, он не будет плакать! Слезами горю не поможешь.

Когда юрта Чочо скрылась за поворотом, Манчары замедлил шаг. Он перевел дыхание, поставил на полозья опрокинувшиеся санки. На заснеженном лугу стояли зароды сена, принадлежавшего Чочо. Сквозь некоторые из них успели прорасти молодые лиственницы. Манчары посмотрел на них и подумал: «У Чочо столько сена запасено, а у нас ни одной копны. Мы с мамой все лето мучились на покосе, так что лица опухли от комариных укусов. А Чочо только и знал, что разъезжал верхом на лошади и покрикивал на хамначитов. У нас нет ничего, а у него всего полно. Почему так?...»

Мальчику было горько, что в хотон к телятам он вернется ни с чем. Но что поделаешь? Куда пойдешь, кому пожалуешься? У соседей сено тоже на исходе, и они берегут каждый клочок. Вдруг он увидел жалкие клочки сена, валявшиеся по обочинам почерневшей дороги.

Манчары огляделся, снял рукавицы и стал пальцами сгребать упавшее с возов сено. Набрав горсть сухих травинок, Манчары подумал: куда их спрятать? «Если положу на са-лазки, Чочо может заметить и отобрать. Я подальше спрячу!» Мальчик начал засовывать сено за голенища торбасов.

Так он шел и собирал сухую траву, пока не закоченели пальцы. Придя домой, Манчары сразу направился в хотон. Увидев хозяина, телята бросились к нему и стали нетерпеливо совать мордочки в торбаса, выдергивая жухлые былинки.

— Бедняжки! Я совсем немного принес. Чочо сена не дал. Он выгнал меня из юрты.

Манчары извлек из торбасов собранное дорогой сено и порвну разделил на всех телят. Порций получились очень маленькие. Телята миглом уничтожили сено и потянулись мордочками к мальчику, прося корма. Манчары показал им пустые руки, обнял телят за шеи и беззвучно заплакал.

Плата за тридцать лисиц

Манчары исполнилось восемнадцать лет, он стал необыкновенно красивым юношей. Роста он немного выше среднего. Лицо у него продолговатое, всегда чистое и в меру румяное. Из-под высокого лба открыто и доверчиво смотрят смолисто-черные глаза, обрамленные густыми длинными ресницами. В походке строен, в обращении, особенно со старшими, вежлив, порою даже застенчив. Люди с любовью и восхищением смотрели на него. «Из Манчары, сына Бытааны, выйдет настоящий мужчина», — предсказывали старики. Девушки тайком слагали о нем песни. Щеки их рдели румянцем при одном упоминании его имени. И только один человек не любил Манчары. Это его родной дядя Чочо-бай. Племянник открыто ненавидел его за жадность, за бесчеловечное угнетение им неимущих людей, в особенности соседей. Чочо несколько раз пытался образ-

умить парня, но ничего из этого у него не получалось. Пробовал и задобрить его, обещал подарить ему молодого коня, если племянник будет почтительным и благоразумным. Но Манчары не поддавался на уговоры и посулы. Подражая ему, и другие начали осуждать богача. Тогда Чочо задумал проучить племянника. Как только прошел ледоход, он отправился в Якутск. Вскоре оттуда прибыла повестка — парня вызывали в суд. Манчары испугался и сбежал в тайгу. Летом за ним приезжал вооруженный казак, но и он не нашел юношу, вернулся в город ни с чем.

Незаметно подкралась осень. Начались холода. Листья на деревьях пожелтели и опали, трава поблекла, тайга сменила одежду — почернела, стала унылой и неласковой. Озера покрылись блестящим гладким льдом. Нет-нет да и подует холодный ветер, соберутся тучи и начинают засеивать землю белыми зернами-снежинками. Нередко снег шел целыми днями. Все труднее становилось Манчары. Шалаш его насквозь продувался ветром, и почти каждое утро парень просыпался с побелевшими от инея волосами. Суровая зима с лютыми морозами брала свое, и в пору было задуматься: как жить дальше в этой опустевшей, угрюмой тайге? И вот в один из таких дней, когда Манчары находился в отчаянии, к нему пришла мать. — Сыночек, — обратилась она к нему, — послушай ты свою мученицу-мать, вскормившую тебя своим молоком! Не выжить тебе тут зимней порой. Вернись домой. Не бойся дяди Чочо. Вчера вечером он приходил к нам. Велел передать тебе, чтобы ты не упрямился, а лучше вернулся и повинился в своих грехах. Дай ему честное слово, что будешь почтителен к нему, и он простит тебя. Хотя, говорит, городское начальство, может, и недовольно тобою, разыскивает тебя, но он за тебя заступится. Не упрямься, деточка, пойді к дяде Чочо и попроси у него прощения.

— О-о мама, чего бы это так раздобрился Чочо? Что-то не верится в его доброту... — усомнился сын.

— Не говори так, деточка, не надо грешить. Ведь как бы там ни было, Чочо самый близкий тебе родственник. Неужели он может желать зла своему единственному племяннику? Ради памяти своего покойного брата, твоего отца, он сделает нам добро: говорят, слезы умерших тяжелы для души... А то, что он раньше грозился, так это, наверно, в пылу гнева. Сыночек, если же ты не прислушаешься к

совету дяди, так, пожалуй, твоя вина усугубится. Попроси у старика прощения. Подумай и обо мне, меня пожалей. Ведь ты у меня единственный. Если с тобой приключится какая-нибудь беда, я не перенесу этого, Манчары мой, умоляю тебя...

Чочо приветливо встретил Манчары:

— Эх ты, глупая башка! Давным-давно прибежал бы ко мне, попросил прощения и жил бы себе припеваючи на воле. Сам виноват, что столько времени мучился. Ну хоть в эту ночь поспи спокойно. А завтра утром поедem в город к начальнику. Я с ним хорошо знаком. Если подкинуть ему штук тридцать лисиц, то и у него, наверное, сердце смягчится. Так неужели эти рыжие зверьки дороже моего единственного племянника?..

Потом Чочо угощал Манчары самыми изысканными яствами. Манчары постепенно начинал верить в то, что дядя действительно желает ему добра. Плотно поужинав, уверенный, что наконец-то избавился от всех мучений и тягостей, он заснул крепким сном, как давно уже не спал.

Утром поднялись рано, собрались и поехали в город. К обеду уже были на месте, у дома областного начальника. Это было большое белое каменное здание с высоким крыльцом. Они прошли в просторную комнату, пол которой был застлан мягким цветастым ковром, и им было жалко ступать по нему в старых торбасах. Окна были занавешены просвечивающей насквозь, как тонкая паутина, материей, стулья с мягкими сиденьями. Манчары впервые видел такой большой, роскошный дом. Какой он высокий! Какой светлый! И какая в нем жуткая тишина! Робость и страх Манчары все более усиливались. И в то же время крепла вера в дядю. Смотри-ка, Чочо и здесь держится совершенно непринужденно, важно. Видимо, в этом доме он бывал довольно часто, коли хорошо знает большого русского начальника...

После длительного ожидания их наконец пригласили в кабинет.

— Пойдем! — сказал Чочо, как-то неестественно улыбнувшись.

Перешагнув порог, Манчары остался стоять у двери, пряча за спину дяди. Начальник, встав из-за огромного стола, вышел навстречу Чочо:

— О-о Слободчиков, мое почтение!

С чувством собственного достоинства Чочо отвесил господину низкий поклон и тут же, выпрямившись и приосанившись, громко заговорил:

— Высокий наместник белого царя, послушайте, что я вам скажу. Выполняя ваш указ, я привел к вам того, кто осмелился совершить грех перед богом, кто растоптал законы солнца-царя, кто не повиновался власти и целое лето скрывался в темном лесу, как тать. Вот он стоит перед вами — Манчары, за которым все лето безуспешно охотились ваши доблестные казаки! — выпалил он и ткнул указательным пальцем прямо в лицо племянника, который, оцепенев от неожиданности и изумления, стоял вытаращив глаза. — Ваше превосходительство! Он резв, как быстrokрылая утка, силен, как гулевой конь, так что необходимо немедленно связать его!

Не успел Манчары осмыслить все, что случилось, как к нему подскочили несколько казаков и крепко скрутили его мокрой конопляной веревкой. Но Манчары и не думал сопротивляться. Он даже не двинулся с места, стоял, как бесчувственное создание, словно у него в груди остановилось трепетное сердце, а в жилах застыла кровь. Настолько велико было его изумление от слов дяди, от такого наглого обмана.

Казаки тут же уволокли связанного юношу и бросили, как полено, у двери прихожей.

Из кухни распространялись вкусные запахи. Озабоченно забегали женщины в белых передниках с полными подносами.

Манчары стал понимать, как бесстыдно и нагло предали его. И тем не менее никак не хотелось верить этому. Сколько бы ни было в этом мире лжи и обмана, но то, как поступили с ним, было ужасно! Неужели все уверения и клятвы дяди были сплошной ложью? Неужели в его сердце не сохранилась хоть искорка жалости к своему единственному племяннику? О-о, что за ужас!..

Манчары видел, как казаки принесли со двора переметные суммы, в которых были уложены лисьи шкурки. Вскоре переметные суммы, уже пустые, мимо него были вынесены обратно во двор. У Манчары, точно он, утопая, хватался за соломинку, снова появилась слабая надежда на благополучный исход. Может быть, дядя нарочно хитрит, чтобы припугнуть, застрашать его? Он всегда был проказником. Всякие дерзкие и злобные насмешки над бедняками, униже-

ние их доставляли ему удовольствие. Возможно, и сейчас сидит он у начальника и они оба надрываются от смеха, вспоминая, как он стоял, разинув рот от изумления? Чочо, вручив подарки начальнику, наверное, уже договорился обо всем. Вот выйдет сейчас и заставит развязать его, а потом, перечисляя свои достоинства и заслуги, начнет трунить над ним... О-о, может ли сердце Чочо быть таким отходчивым, добрым? Кто знает...

Пока Манчары лежал, мучаясь сомнениями, начало смеркаться. Из комнаты вышел Чочо. Он весь лоснился от выступившего пота после сытного и обильного обеда. Остановившись у двери, он пожимал руку начальнику и его супруге, отвешивая им поклоны. «За то, что вы не пренебрегли моими словами, что уважили мою просьбу...» — расслышал Манчары. «Это он, наверное, благодарит за меня?» — подумал юноша. Человеку, ожидающему освобождения от пут, показалось, что они слишком долго раскланиваются. Большой начальник тоже чрезмерно весел и доволен. Отчего ему не быть веселым, когда, считай, даром получил столько лисьих шкур-рок?..

Наконец Чочо вышел, тяжело неся свое грузное тело. Манчары, лежавший в мучительном ожидании, пытливо взглянул в его лицо. Но довольное выражение лица дяди, с которым он раскланивался с начальником и его женой, уже успело измениться: губы поджались, выражение лица стало свирепым, налившиеся кровью глаза смотрят исподлобья. Манчары стало холодно.

— Ну как, жук навозный, будешь перечить Чочо? — злобно прошипел он, склонившись над Манчары. — Этого тебе еще мало. Еще не то испытаешь, когда разорвут твою шкуру позорного столба, выпустят из тебя черную кровь! Сполна заплатишь за мои тридцать лисиц!

Сказав это, он так захохотал, что у любого волосы могли встать дыбом и по телу пробежать мурашки.

Бедняга Манчары только теперь понял, зачем дядя вызвал его из тайги, зачем привез в подарок тридцать лисиц...

— О-о, проклятье!.. Проклятье!.. — в бессильной злобе заскрежетал зубами Манчары, напряг свои сильные мускулы и стал биться головой об пол, стараясь освободиться. Но мокрая веревка не рвалась, а еще крепче впивалась в его тело.

— Не буянь! — прошипел казак и ударил юношу по голове кованым сапогом.

Манчары, начавший терять сознание, словно сквозь сон услышал громкий злорадный смех богатого дяди...

«Мама, прощай!..»

Конные казаки поскакали в разные концы Якутска вдоль улиц с низенькими деревянными домами.

Всех, кого встречали или настигали на дороге, они сгоняли к Малому базару. Там, у позорного столба, готовилось наказание преступника.

К полудню Малый базар наводнили толпы народа. На краю площади был сооружен высокий помост, сколоченный из плах. На нем торчал столб, выкрашенный черной краской. На середине помоста стояла широкая черная скамья, один конец которой упирался в столб. У самого помоста выстроились в ряд чиновники губернского управления и полицейские. Тут же тойоны и баи в широких шубах с разрезами сади. Впереди всех выделяется толстая шея и широченная спина Чочо.

Врезаясь в толпу сгрудившегося народа, к помосту подъехала карета, обтянутая прочной черной тканью. Из кареты вывели худого молодого человека в арестантской одежде. Когда арестант поднялся на помост и обернулся к притихшей толпе, собравшиеся увидели на его груди дощечку с надписью: «Преступник Василий Манчары».

Это действительно был Манчары. За три месяца, с тех пор как его поймали, юноша сильно изменился. Он очень похудел, отчего казался высоким. От румянца на лице и следа не осталось.

Глаза, раньше так жизнерадостно блестевшие, глубоко ввалились и горели лихорадочным, зловещим огнем. Круглые, полные прежде щеки впали и пожелтели. Увидев его, толпа вздрогнула, послышался глухой ропот.

Манчары стоял, не двигаясь. Твердым решительным взором он зорко смотрел вдаль, поверх базарной площади. Он будто настолько далеко ушел в мыслях от мира сего, что не обращал внимания ни на позорный столб, ни на черную скамью, не слышал ропота

собравшейся толпы. Словно все это не имело к нему никакого отношения. И только широко вздувавшиеся ноздри, высоко поднимавшаяся при вздохе могучая грудь свидетельствовали о его душевном волнении. Недвижимый, он стоял с гордо поднятой головой, как бы подтверждая, что человек принял твердое и непреклонное решение.

Чиновник, взобравшись на помост, скороговоркой прочел приговор суда:

— «...Инородца Василия Манчары подвергнуть наказанию розгами, нанеся ему триста ударов, а потом, если останется в живых, заключить преступника на три года в тюрьму за умышленное укрывательство от властей, равное непризнанию их...»

И тут же на помосте появился, неизвестно откуда взявшийся, огромный, словно вставший на дыбы вол, палач. Он был в просторной ярко-красной рубахе и широченных шароварах и оттого казался тучным и отвратительным. В прошлом это уголовный преступник, приговоренный к бессрочной каторге. Страшно чернели его вырванные ноздри, на щеках синели печати, выжженные за тяжкие злодеяния.

Растопырив пальцы и вытянув вперед свои пятерни, палач подошел к Манчары и начал раздевать его. А тот даже не шевельнулся, стоял, как и до этого, не двигаясь; на лице его не дрогнул ни один мускул. Глаза по-прежнему зорко смотрели вперед, словно он пытался найти опору среди собравшихся тут людей. Что же он мог увидеть там, о чем мог думать в эти последние минуты перед казнью? Может, видел он незабываемые дни своего детства, согретые теплом горячей материнской любви, равной ласке щедрого священного солнца? Или думал о предстоящей участи, о судьбе близких ему людей?

Когда Манчары остался в одних кальсонах, к нему подошел чиновник, читавший приговор, и громко произнес:

— Тебе дается последнее слово. Может, ты хочешь о чем-нибудь попросить начальство?

Манчары словно и не слышал его слов.

— Я спрашиваю тебя: есть у тебя какая-нибудь просьба к начальству? — заревел чиновник в самое ухо преступника.

И только тогда Манчары перевел взгляд туда, где стояло, сбившись в кучу, якутское и русское начальство. Это был взгляд,

полный презрения и ненависти, взгляд, горящий огнем вражды и вечного мщения. Начальство не вынесло этого взгляда, который пронизал, как острие копья. Тотчас же раздались крики:

— Давайте начинайте скорее!

Палач накинудся на Манчары, уложил его животом на скамью, головой к столбу, руки пропустил под скамью и связал их в запястьях. Ноги связал у щиколоток и прикрутил к скамье, самого еще в трех местах прихватил ремнем, точно лошадь подпругой.

— Начинай! — подали команду палачу.

Услышав ее, палач вздернул кверху зияющие чернотой ноздри и хищно оскалил длинные неровные зубы, как бы говоря: «Ну вот, начинается и моя работа». Размахнувшись, он с силой ударил двойной розгой, издавшей зловещий свист. Розги впились в обнаженное тело, концы их обвились вокруг плахи.

Притихшая толпа вздрогнула от этого страшного свиста. И только Чочо, довольный, что враг повержен и обесчещен, громко, злорадно захохотал. Было видно, как тряслись его шея и толстый затылок.

Палач еще не встречал человека, который стерпел бы такой ужасный удар, не издав ни единого звука. А Манчары не проронил ни единого слова, он даже не стонал, только крепко стиснул зубы. Раздосадованный этим, палач стал наносить удары один сильнее другого. Розги со свистом впивались в мягкое обнаженное тело. Свист розог перемежался с привычным гиканьем палача. После нескольких таких ударов кожа осужденного посинела и из шрамов брызнула ярко-красная кровь.

— Пусть попросит пощады! — крикнули снизу.

Начальству, видимо, во что бы то ни стало хотелось сломить железное упорство парня, заставить его взмолиться и попросить пощады.

— Проси пощады, негодяй! — крикнул в ухо Манчары резво подскочивший к нему чиновник и, не дождавшись ответа, сказал, обращаясь к старшему чину: — Только зубами скрипит...

— Проучите разбойника! Проучите! — злобно затопал Чочо.

Палач передернул плечами и тут же продолжил истязания. Снова засвистели розги. После пятидесяти ударов осужденный потерял сознание. Его окатили холодной водой.

Приходя в сознание, Манчары тяжело вздохнул и чуть заметно пошевелил крепко связанными руками и ногами.

— Ха-ха-ха!.. Ну как, сладко, разбойник? Получил, чего хотел? — сказал Чочо и, тяжело поднявшись на помост, обходя лужу крови, направился к скамье. — Лучше попроси пощады! Может быть, и пожалею. Ведь все-таки ты мой кровный родственник. Молчишь?.. Смотрите-ка на него, молчит!.. — И палачу: — Ты чего остановился? Секи его еще сильнее! Еще крепче!

Когда розги опять со свистом впились в обескровленное тело, у Манчары вырвались только два слова, исходившие из самой глубины сердца:

— Мама, прощай!..

И в этот миг притихшая толпа всколыхнулась.

— Манчары, мужайся, не сдавайся! — раздался в дальнем углу площади взволнованный крик.

Сшибая с ног людей, конные казаки устремились в сторону крика. В это время с противоположной стороны донесся решительный выкрик:

— Манчары, мы этого не забудем!

Казаки, не зная, в какую сторону ехать, стали осаживать коней и закружились на месте.

А свист на помосте витал над толпой, вызывая у людей ненависть, но не страх.

«Я отомщу!»

Осеннее солнце рано скрылось за лесом. Лучи его, озарившие редкие облака на западе, постепенно тускнели и гасли. Вскоре темнота плотным, непроницаемым покрывалом окутала алас Арылах. Вокруг ни шороха, ни звука. Все живое затаилось, замерло до утра.

Из леса, расположенного с северной стороны аласа, осторожно вышел человек. Ни одна ветка не хрустнула под его ногами. Он остановился, посмотрел вокруг и повернул к нежилой юрте, которая черной бесформенной глыбой вырисовывалась на фоне неба. Человек остановился перед покосившимся строением, постоял немного и открыл дверь. Он вошел внутрь юрты и горестно принял к холо-

ному столбу.

— Мама! Твой сын пришел! Мама! — тихо произнес он. Это был Василий Манчары. Осенью прошлого года, после унижительного и страшного наказания на Малом базаре, его, полуживого, бросили в Якутский острог. Когда Манчары немного поправился, окреп, он бежал из острога.

Еще в тюрьме он слышал, что весь его скот забрал себе Чочо. Бедная мать стала скитаться по людям. Больная и слабая, она не выдержала ударов судьбы и умерла. И все же Манчары почему-то казалось, что родная юрта непременно встретит его веселым полыханием огня в камельке, а мать — приветом и лаской. Он не мог поверить страшному известию.

Сейчас Манчары неподвижно стоял у столба. Ему казалось, что с левой нары вот-вот вскочит мать и бросится к нему на грудь. Но юрта была мертва. В пустые глазницы окон заглядывали звезды. Ороны были изломаны. С камелька обвалилась глина. Пахло плесенью, гнилью, перепревшим навозом.

Сердце Манчары сжала тоска.

— Мама...

Кто откликнется на его голос в ночном безмолвии? Осиротевшая юрта молчала. Лишь в углу хотона с шуршанием осыпалась земля.

— О мама, мама! Неужели я тебя никогда больше не увижу!.. — простонал Манчары. — Оказывается, говорили правду. Худая весть всегда бывает правильной.

Ноги Манчары подкосились, он бессильно опустился на землю. Руки его коснулись холодного пепла.

— Прости меня, мама... Я виноват перед тобой! Я не смог дать тебе спокойной старости.

Манчары стоял на коленях перед давно погасшим очагом, держа в руках холодный пепел, и тяжело вздыхал.

Когда-то этот камелек согревал его своим теплом, радовал ярким пламенем, убаюкивал потрескиванием поленьев. А теперь в юрте так тоскливо, так плохо. И за что? За какую провинность, за какие грехи потушили их очаг?.. Манчары поднял голову, сжал кулаки с такой силой, что хрустнули пальцы в суставах. За то, что он сказал правду! За то, что он посмел перечить Чочо!

В открытые окна врывался пронзительный ветер и ворошил волосы на голове Манчары. По телу прошла дрожь. Манчары осмотрелся и задержал свой взгляд на поломанных досках орона матери. — Клянусь, мама, твоей светлой памятью, потухшим очагом нашей юрты — я отомщу! За все взыщу с богачей! Манчары вскочил и шагнул к выходу. У дверей он задержался, окинул прощальным взглядом родное пепелище: — Я отомщу! Клянусь!

«У Чочо»

Непроглядная осенняя ночь. На просторной усадьбе Чочо тишина, не слышно даже собак. Кто осмелится нарушить эту глубокую чуткую тишину? Рабы и челядь, изнуренные дневной работой, давно спят. Сам тойон развалился на мягкой медвежьей шкуре в красном углу на главном ороне. Как только тойон погружается в дремоту, все мгновенно стихает и в юрте и на дворе. Когда Чочо отдыхает, кажется, и земля и небо молчат.

Но вдруг в полночь дверь белой половины юрты задрожала от сильных ударов. Кто это? Какой дерзкий нечестивец посмел нарушить тишину темной, безлунной ночи? Кто не побоялся потревожить сон именитого тойона?

— Открывайте! Живо открывайте! — послышался из-за двери грозный голос.

Чочо проснулся и, задыхаясь от ярости, сел.

— Кто это? Я спрашиваю, кто это? — закричал он своим хамначитам, которые вповалку спали на левой наре. — Вставайте скорее! Приволоките мне этого сумасшедшего. Я ему покажу... Быстрее разводите огонь!

Люди бросились раздувать угли в камельке.

— Если бай Чочо не спешит, я войду сам! — опять послышался голос из-за двери.

Под могучим напором засов закрипел и переломился. Дверь широко распахнулась. Ночной холодный воздух, клубясь, хлынул в юрту.

Через порог тяжело перешагнул человек.

— Поднимайся, бай! Чочо, к тебе пришел гость, которого ты не ждал!

— произнес незнакомец.

— Нохо, кто ты? Кто ты, спрашиваю? Отвечай, пока жив! — Чочо выхватил из-под подушки костыль и вскочил. — Слизняк! Навозный червь! Я...

В это время в камельке ярко вспыхнул огонь и залил колеблющимся светом всю юрту. Рука Чочо, занесенная для удара, неподвижно застыла в воздухе, точно она мгновенно окаменела. Перед тойоном стоял высокий плечистый человек. В руке его сверкнул обнаженный меч.

— Манчары!.. — прошептал Чочо побелевшими губами. Придя в себя, Чочо закричал хамначитам, столпившимся на левой половине:

— Парни, чего смотрите? Хватайте этого разбойника, вяжите его! Ну!

Ни один из хамначитов не шевельнулся. Чочо не верил своим глазам. Всегда покорные, дрожащие от одного его слова, хамначиты не выполняли его приказания.

— Парни, ну!

Чочо в бессильной ярости бил костылем об пол. Вконец разъяренный, с криком «Собаки!» он бросился к хамначитам. Но Манчары преградил ему дорогу мечом.

— Потихе, Чочо. Здесь нет твоих собак! Тойон остановился и повернулся к Манчары.

— Нохо, что это значит? Говори, отвечай!

Но когда взгляд Чочо встретился со взглядом Манчары, тойон задрожал, как осиновый лист, отшатнулся и уронил костыль.

Перед ним стоял не тот мальчишка, которого раньше он мог безнаказанно бить и оскорблять, а суровый мужчина с горящими ненавистью глазами.

— Ну, бай Чочо, я пришел к тебе, чтобы забрать все, что ты отнял у неимущих, награл у бедняков, — медленно заговорил Манчары, впившись взглядом в лицо тойона. — Я пришел, чтобы наказать тебя за издевательства над хамначитами, за истязания и побои. Сейчас ты за все ответишь.

Манчары поднял меч и шагнул к Чочо. Тойон в ужасе попятился, закрывая голову.

— Милый... дорогой Василий, — трясаясь от страха, льстиво забормо-

тал он. — Я со сна сразу и не узнал тебя. Не сердись. Будь ко мне снисходителен. Я рад тебя видеть в своей юрте, как самого дорогого гостя. Располагайся как дома. Я поделюсь с тобой своим имуществом, и ты станешь первым хозяином...

— Довольно! — перебил его Манчары. — Хочешь купить меня? Не выйдет!

Манчары схватил Чочо за шиворот, повалил на пол и стал бить его тупой стороной меча.

— Вот тебе за меня, за мать и за всех тех, которых ты пустил по миру! Получай!..

Дверь отворилась. Вошел человек и сказал, обращаясь к Манчары:

— Все сделано, как ты велел. Готово.

— Хорошо! — ответил Манчары и обратился к хамначитам: — Вы почему стоите? Все амбары Чочо открыты. Берите что кому нужно. Я раздаю долги Чочо. У него их много, долгов! Идите и сполна получите свое кровное, заработанное. А ты, бай Чочо, запомни... — он толкнул ногой тойона, жирной тушей распластавшегося на полу, — если я услышу, что ты обидел хоть одного бедняка, узнаю, что ты по-прежнему притесняешь неимущих и обездоленных, будет худо. Я буду следить за каждым твоим шагом. Запомни это!

Манчары исчез.

Окна юрты озарились кроваво-красным заревом.

«Дядя, не уезжай!»

Выехав на опушку леса, за которой простиралась широкая долина, Манчары соскочил с коня, стал энергично двигать руками и потягиваться, чтобы размять онемевшую спину. Казалось, что суставы рук и ног отнялись. И не удивительно, ведь он проехал выше ста верст, не слезая с лошади. Вчера вечером он еще находился в Качикатцах, нагнал страху на знаменитых баев Западного Кангаласа, переправился через реку и остановился в Качикатских лесах, чтобы несколько отдохнуть. Но по его следам уже гнался исправник с отрядом казаков. Кое-как ему удалось ускользнуть от этих жестоких и опытных преследователей. Помогли друзья, которые все вовремя разузнали и успели предупредить. О, как, наверное, нервничает и

явится с досады господин исправник, найдя только следы уже давно остывшего костра.

Уставший, проголодавшийся конь, как только остановился, сразу же начал жадно щипать траву. «Ну, пусть поест»,— подумал Манчары и опустил поводья. Знойное июньское солнце находилось в самом зените. Притихший в теплой неге лес, подернутый переливающейся цветущей зеленью, замер. Простирающаяся в длину долина с синеющей кромкой противоположного края плещется ковром ярких цветов. Отовсюду слышатся голоса зверьков и звонкое пение птичек.

Лежа навзничь среди цветов на спине, Манчары задумчиво уставился в небо. Как оно высоко, бездонно! Вот бы витать беспечно и беззаботно в этом беспредельно голубом просторе, как жаворонок, что трепещет там, в далекой выси! Но, очевидно, и на небе господствует тот, кто сильнее и богаче... Наверное, исправник со своими прихвостнями обыскивает качикатских жителей, надеясь, что найдет того, кто укрывает Манчары. Но тот, кого они ищут, внезапно вынырнет верстах в ста от Качиката. Сейчас он находится на землях владыки Эмисского наслег бая Бакысы. Завтра-послезавтра, когда придут его друзья, он «погостит» у самого бая Бакысы. Пусть исправник «обрадуется», прослышав об этом!

Вдруг земля содрогнулась и из самых ее глубин раздался гул. Манчары едва успел вскочить и схватить поводья своего коня, как из леса, по левую руку, с треском и храпом, ломая деревья, вылетел огромный табун лошадей и во весь опор помчался вдоль долины. Если бы Манчары заранее не отскочил в сторону, то эти взбесившиеся лошади смяли бы и растоптали насмерть и Манчары и его коня. У Манчары пропало желание лежать. Он оглядел равнину, и его взгляд остановился на тонкой струйке дыма, видневшейся на горизонте.

Манчары сел верхом на коня и поехал в том направлении. Оказалось, что на излучине опушки леса приютилась малюсенькая юрта, обмазанная глиной. Во дворе стояла мертвая тишина — ни людей, ни скотины не видно. Манчары накинул повод на кол изгороди и отворил дверь юрты:

— Кепсе! Никто не ответил.

— Есть здесь кто-нибудь?

Опять никто не ответил. Только с нар слышалось чье-то сопение. Когда глаза Манчары привыкли к полумраку, он увидел при тусклом свете берестяного окна со слюдяными пластинками вместо стекол сидевшего в углу и сверкающего оттуда глазенками ребенка лет семи-восьми. Манчары раскрыл дверь пошире:

— Деточка, иди ко мне...

Мальчик еще больше свернулся в комочек и плотнее прижался к углу.

— Не бойся. Почему ты сидишь в темноте? Иди, не бойся.

— Я... не боюсь...— еле слышно прошептал ребенок.

— Тогда иди сюда.

— У меня нет сил... Манчары поднял ребенка на руки. В это время зашевелилось старое заячье одеяло, лежавшее на полу у окна.

— Это моя сестренка, — сказал мальчик. Манчары, взяв на руки мальчика и девочку, вынес их во двор. Дети были легонькие как пушинки. Усадив ребятишек на зеленую травку во дворе, он повнимательнее оглядел их. Не верилось, что это живые существа. Они напоминали собою мучеников, у которых остались лишь кожа да кости. Казалось, что они просвечивают насквозь. Манчары на миг даже глаза зажмурил.

— А где же ваши отец, мать?

— Ну, что же ты сидишь?

— А это... откуда взял? — с трудом выговорил Уйбанчык.

— Взыскал с бая Бакысы плату за твой труд. Ну, возьми и свари поскорее!

— О-о, нет, не надо, прошу! О-о, господи-боже!.. О-о, грех-то какой! — Уйбанчык вытянул вперед руки, как бы защищаясь, и попятился назад. — О-о, какой ужас! Бай Бакыса...

— Не бойся, дружище, — старался успокоить его Манчары. — Если бай Бакыса и узнает об этом, то тебе он ничего не сделает. Ты не виновен. Тебе даю я. Я — Манчары! Если наступит день, когда с тебя спросят, ты скажи: «Манчары привез мне». Вот и весь ответ.

— О-о Манчары!.. Умоляю тебя... — Уйбанчык сидел и все время дрожал от страха. — Прошу тебя, не надо!

— Ребятишки, молока хотите? — спросил Манчары.

— Хотим! Хотим! — ответили мальчик и девочка.

— Мяса хотите?

— Хотим!

— Тогда давайте растопим печь!

Ребятишки сразу оживились. А отец по-прежнему сидел неподвижно и тяжело дышал.

К тому времени, когда тени лиственниц, росших за юртой, легли на двор, мясо в котелке уже сварилось. Манчары поставил на зеленую полянку круглый стол и пригласил всех к ужину. Хотя Уйбанчык не положил себе в рот ни одного кусочка мяса, его ужас и страх постепенно стали проходить, и он, видя, как его дети радостно, с веселым щебетом, аппетитно едят мясо, с умилением наблюдал за ними и утирал набегавшие слезы. Манчары пробыл у Уйбанчыка двое суток. На третий день стал собираться к отъезду и оседлал коня.

— Басылай, куда ты уезжаешь? — спросил его Уйбанчык.

— К баю Бакысе. В эту ночь явлюсь к нему незванным гостем...

— Наверное, он слышал о тебе и успел подготовиться. Будь как можно осторожнее.

— Не бойся, Уйбанчык. И я не буду одиноким. Хозяин дома задумался и потупил голову.

— Басылай, вряд ли мы- увидимся с тобой еще раз. Ты пришел в самое тяжелое для меня время и спас меня, моих детей, — промолвил он и, подойдя ближе, пристально посмотрел ему в глаза. — В этом страшном мире, видимо, нет никого, кто мог бы пожалеть и защитить нас. Есть только ты... Сокол ты наш, лети и делай людям добро. Да не повергнет тебя ружье, да не поразит тебя стрела, да сопутствуют тебе удачи и победы, да будут у твоих ног честь и слава!

— Спасибо, друг мой! Мужайся, расти детей, сделай их людьми, людьми добрыми и благородными!

Видя, что их гость всерьез собирается в дорогу, подбежали мальчик и девочка, игравшие на полянке. Манчары обнял их обоих и погладил по головкам:

— Едва ли мы увидим счастье. Хоть вы будьте счастливыми людьми. Добивайтесь того, чего не могли добиться мы!

Сказав так, Манчары проворно вскочил в седло и повернул коня к долине. Дети бежали по обе стороны коня и кричали:

— Дядя, не уезжай! Не уезжай, дя-дя-а-а-а!..

Манчары вернулся

Северное лето в разгаре. Леса и поля оделись в праздничный наряд. Бай Чочо собрал великий ысыах. С восточного, западного, северного и южного улусов к Чочо приехали именитые баи. Правобережье Лены еще не видело такого множества народу. Чочо торжествует. На много кёс вокруг равного ему нет. Его имя славится по восьми улусам. Его рысаки и скакуны обогнали всех лошадей.

Начинается якутская борьба. Люди из Западнокангаласского и Восточнокангаласского улусов сгрудились на противоположных сторонах площадки. Возбужденные голоса слились в сплошной гул. В центре площадки стоят друг против друга два бегёса. Западнокангаласский бегёс маленький, жилистый, невзрачный. Он совсем не похож на борца. Зато бегёс Чочо здоровый, мускулистый, с бычьей шеей. Настоящий силач.

Чочо смотрит на своего бегёса и радостно щурит заплавленные глазки, заранее предвкушая победу.

Борцы сошлись. Мышцы их напряжились. Восточный бегёс, чтобы потешить своего покровителя, решил быстренько одолеть противника и яростно набросился на него. Но хитрый, осторожный малыш не давал поймать себя. Он казался неуловимым и выскальзывал из рук, как рыба.

Борцы сцеплялись, отскакивали, снова сходились. Бегёс Чочо наступал и все время пытался свалить противника. Силач западных только защищался. Вскоре тело бегёса Чочо заблестело от пота. Он стал часто, прерывисто дышать, облизывая пересохшие губы.

— Ну, ну, схватывайтесь! — нетерпеливо кричали кругом.

Борцы опять храбро ринулись друг на друга. Мышцы на руках вздулись буграми, пальцы захрустели. Не успели зрители опомниться, как силач западных молниеносным движением поймал бегёса Чочо за ногу, приподнял и бросил через голову. Восточный, растопылив, как вилы, ноги, тяжело шлепнулся спиной на землю.

Западные восторженно закричали:

— Уруй! Уруй!

Они окружили своего бегёса и с почетом увели его. Чочо даже задрожал от злости. Он выбежал на середину площадки, где лежал его

бегёс, и принялся тыкать в него посохом, приговаривая:

— Такой высокий, могучий, и тебя победили! Зеленое сердце, неполные легкие...

В этот момент послышался конский топот. Расталкивая людей, к Чочо подъехал гонец на взмыленной черной лошади. Он задышался и долго не мог вымолвить слова.

— Что с тобой, нохо? — спросил озадаченный Чочо.

— Манчары...

Тойон не дал верховому договорить:

— Что?!

— Вернулся... — Что, что?! Говори же быстрее!

Всадник наконец отдышался и сказал тихо, но так, что услышали все окружающие:

— Манчары сбежал... Вернулся!

Чочо не верил своим ушам. В прошлом году Манчары был пойман, сослан на юг, на каторжные работы, откуда не возвращаются.

— Нохо, кто тебе сообщил такую плохую весть? — спросил испуганный тойон. — Я спрашиваю: кто сказал?

— Князец Шишигин.

Значит, это правда. Собравшиеся на ысыях задвигались и зашумели, как пчелы в потревоженном улье. На лицах удивление, испуг. До ушей Чочо донеслись приглушенные смешки.

— Расходитесь, да поживее! — закричал он. — Ну! Чего стоите? Или ждете, когда Манчары ограбит меня и начнет вас оделять? Вы все заодно с этим разбойником!

«Манчары вернулся!» Эти слова быстрее ветра разнеслись по всем наслегам, по всему улусу. Грозный меч Манчары опять занесся над усадьбами могущественных баев. А в покосившиеся тесные юрты бедняков слух о его возвращении вошел, как солнечный луч, как светлая, долгожданная мечта.

На востоке и на западе ночами пламенели пожарища. Богатства, награбленные тойонами у обездоленных и бесправных, гибли в огне.

«Манчары вернулся!»

Манчары с несколькими своими сподвижниками остановились в лесах Мэльджехси. Однажды один из его товарищей, Тарагай Мэхээлэ, вернулся с поездки по окрестным селениям с отощавшим, худым стариком.

— О-о Манчары!.. Наконец-то я нашел тебя!.. — облегченно вздохнул старик, увидев Манчары, вышедшего из шалаша.

— Кто это? — спросил Манчары у Тарагая.

— Он разыскивает тебя. Обошел всех окрестных жителей, расспрашивал о тебе.

— Зачем ты разыскиваешь Манчары, старик?

— О-о, все же я нашел тебя! — продолжал бормотать старик, словно не слыша вопроса.

— Зачем тебе понадобился Манчары, спрашиваю? Может, тебя подслали тойоны?

— О-о, нет! Грех какой... Я сам... сам разыскиваю тебя... Нагрянула беда... Страшная беда... Надежда только на тебя. Один ты можешь нас защитить. Только ты можешь спасти нас!.. Померкло наше небо... Будь солнцем, будь луной!

— Сядь сюда, старик, — Манчары пододвинул толстое полено, — и расскажи все по порядку. Что за беда с тобой приключилась?

Старик сел на полено, снял облезлую, выцветшую остроконечную шапку и положил около себя, резким движением волосяной махалки вытер пот со лба и начал рассказывать.

— Сыночек Басылай, ты меня, наверное, не знаешь. Когда я был молодым и в силе, звали меня Косарь Охоносой. На косьбе я не пропускал вперед себя никого. Таким я был, и вот теперь, состарившись и одряхлев, брожу, превратившись в существо, на которое даже собаки не лают и коровы не мычат. Чем доживать до таких дней, уж лучше умереть и лежать в матушке-земле...

Косарь смахнул мизинцем набежавшие слезы.

— Ты, старик, слишком не убивайся. Может быть, действительно я чем-нибудь могу тебе помочь. Рассказывай.

— Сынок ты наш, нужды сотен людей ты превратил в свои нужды, горести сотен людей ты превратил в свои горести, и ходишь ты вечно с этими заботами. Ну слушай, сынок. Все мы, весь наш род исстари

являемся батраками бая. Беда моя вот в чем. У меня есть внук, которого зовут Моомуот, самый маленький внучек. Птенчик моей души и моего сердца. Недавно ему исполнилось семнадцать. И вот он по молодости своей и по глупости, говорят, спел какую-то песенку. И... достукался до беды.

— Как это? Из-за песни?

— Да... Из-за песни... в которой он, говорят, высмеял бая Джюккюйэр.

— Ну-ну? — оживился Манчары. — А как высмеял?

— Я доподлинно не знаю слов песни. Будто бы он выразился так: «Алчнее ворона, завистливее собаки, прожорливее волка, хитрее лисицы, руки клещами, пальцы крючками, дикое мясо — Джюккюйэр». И это, как на грех, быстро распространилось по всему наслегу. И сейчас все дети аласа бойко распевают эти слова. Услыхав эту песенку, Джюккюйэр настолько разъярился, что, говорят, чуть не сошел с ума. Рассказывают, что если бы Моомуот тогда оказался около него, то он, пожалуй, избил бы его до смерти. Но к счастью... И все равно мы не спаслись от его мести. Вчера Джюккюйэр приказал схватить мальчика, и его бросили в сибирку. Завтра назначен суд над мальчиком. Говорят, что бай грозит высечь мальчика розгами и привязать к дереву на съедение комарам и всякому гнусу. Сказывают, на судилище он собирает всех жителей наслега. Это для острастки, чтобы другие не смели говорить подобное... Птенчик мой... Моомуот мой... Да если он подвергнется такому ужасному наказанию, то не остаться ему в живых... Погубят его... Этот подлец Джюккюйэр таков, что у него не дрогнет ни один мускул, поднимая руку на неудобного ему человека. Это негодяй, который не остановится ни перед каким грехом... Он обязательно сдержит слово. Я валялся в ногах у своего улусного головы, умолял его, чтобы он попросил тойона пожалеть парня и простить его, но разве он послушается. Гневно бранился и приказал вытолкнуть меня. И еще сказал, что надо было бы меня самого наказывать вместе с внуком... Так что место, куда идти, стало узкой щелью, а куда прийти — жерлом ступы, потому-то я пришел и сижу здесь. Так вот, сыночек, помоги... Спаси... О-о, мой бедненький птенчик... И зачем он родился, теперь вот с ранней поры, еще не расправив крыльев, начинает испытывать такие мучения! О-о, мой Моомуот... Если бы он имел возможность ускользнуть от них, если бы он убежал в

безвестную даль! Ведь говорят же, что страна подсолнечная широка, что мир божий велик...

— А в какое время завтра его будут судить?

— Вечером, когда люди вернутся с покосов. Так он всех известил.

— Где?

— В Бёкё. В аласе, где сам бай живет. О-о, мое бедненькое дитяtko, как бьется, наверное, его сердечко от страха, словно белоснежная пуночка, попавшая в силок!..

— Ну ладно, старина, ты не слишком убивайся, ступай домой,— сказал Манчары, подумав.— Завтра я прибуду туда.

Солнце закатилось за лес и скрылось. Лохматые облака на западе зардели красными сгустками, словно окропленные алой кровью. Приспешники Джюккюйэр — шпоры его лежащих копыт и острия его бодающих рогов — грубыми окриками согнали народ со всего наслег и собрали всех на восточной излучине аласа. Сюда стекаются воды старого лесного пожарища. Поэтому и зимой и летом здесь сыро и много комаров и гнуса.

Собравшиеся беспрестанно отмахивались от назойливых насекомых. Все молчат. Джюккюйэр, подбоченясь, важно восседает на медвежьей шкуре, наброшенной на толстый пенёк. Около пня в трех местах разложен дымокур из богородской травы, издающий приятный аромат. Поодаль лежит ошкуренный длинный чурбан. Рядом с нижнего сухого сука могучей старой лиственницы свисает конец перекинутой веревки, скрученной из конского волоса. — Идите скажите, чтобы поскорее привели того чологора-верхогляда! — проворчал Джюккюйэр, отгоняя насекомых махалкой из белого волоса с рукояткой из мамонтовой кости.

Вскоре, подгоняемого подзатыльниками и пинками, привели щупленького паренька. Бедный паренек, не понимая, зачем его привели сюда и почему собралось так много народу, стоял и широко открытыми глазами озирался вокруг.

— Нохо, подойди-ка поближе! — рявкнул Джюккюйэр. Моомуота, пугливо попятившегося назад, толкнули к ногам тойона.

— Нохо, скажи, ты распевал песенку про меня? Мальчик ничего не ответил и стоял с опущенной головой, потупив взгляд.

— Нохо, разве не тебя я спрашиваю? — яростно заревел Джюккюйэр, встав с пня и угрожающе надвигаясь на парня. — Я раздавлю тебе

печенки, отвечай, говорю!

— Рас... распевал...

— «Распевал»! Вот тебе за то, что распевал, рот разевал! — Джюккюйэр ударил парня по голове рукояткой махалки. — Пакостник, вместо песен ты будешь лить слезы!

Теряя сознание, паренек упал на землю.

— Вошь, не успел еще опериться, а уже крамолой занялся, насмешками увлекся! И над кем посмел насмехаться? Надо мной! Ишь ты! Я тебя отделаю так, что ты никогда не будешь распевать, рот разевать! Я тебе прищемлю язык, заткну рот! — Джюккюйэр обернулся к сурово притихшей толпе. — Люди, слушайте! Этот пакостник, за насмешки и издевку надо мной, верным рабом солнцеподобного царя, его доверенным лицом, будет наказан десятью ударами розог и крепко привязан к этому дереву. Всю эту ночь он будет пищей для гнуса и насекомых. Предупреждаю, никто не должен подходить к нему. Тому, кто посмеет подойти к нему, будет уготовано то же самое. И все вы должны запомнить: всех, кто пойдет против меня, постигнет жестокая кара! Поднимите этого злодея и уложите его на чурбан! Бётёс, приготовься!

Мооуоту обнажили спину и уложили на чурбан, крепко привязали веревками. Бётёс, прихвостень Джюккюйэра, взял в руки свежий прут и, пробуя его гибкость, замахнулся. Словно ожидая только этого, из лесу выскочили три всадника, размахивая остриями обнаженных сабель: двое были в берестяных масках, а лицо третьего было открыто.

— Манчары!.. — изумленно и испуганно воскликнули собравшиеся односельчане.

— Стой! — крикнул Манчары Бётёсю и наехал на Джюккюйэра.

А тот пошатнулся и чуть не упал, но устоял и, прикрываясь махалкой, дрожащим голосом крикнул:

— Что же вы стоите и смотрите?.. Хватайте этого разбойника! Хватайте и вяжите!.. Ну, что же вы?! Негодяи!..

Когда приближенные Джюккюйэра начали группироваться, чтобы наброситься на Манчары, два всадника с закрытыми лицами преградили им путь и начали размахивать направо и налево саблями.

И тогда все бросились врассыпную. Только Бётёс, в сутолоке

сбитый с ног, остался лежать у чурбана, задрал ноги и закрыв лицо руками.

Разъярившись, с пеной у рта, Джюккюйэр пятился от напавшего на него коня и свалился на пень, накрытый медвежьей шкурой.

— Разбойник Манчары! — хрипел он между приступами одышки. Глаза его налились кровью. — Беглый разбойник, удравший из тюрьмы царя-батюшки! Послушай-ка! Ты недолго будешь вольничать, избегая суда и закона, занимаясь воровством и грабежом. Руки у царя длинные, все равно ты скоро будешь схвачен. И потому, пока не поздно и не переполнены твои грехи и злодеяния, сдайся! Чем раньше ты сдашься, тем мягче будет наказание. Пойми это!

— Смотрите-ка, сколько соли на клюве и яда в глотке этого живоглота! Ну, что же ты сидишь? На, держи, вяжи, терзай! — Манчары ударил его саблей по щеке. — Вот тебе! Развяжите сейчас же этого молодого человека! Быстрее!

— Не развязывайте! Не слушайте его! — задыхаясь, глухо ревел Джюккюйэр. — Разбойник, тебе ли отменять мой приговор, который я вынес именем государя, царя-солнца?! Бётёс, ну давай! Начинай!

— Стой!

Бётёс стоял, в растерянности раскрыв рот и не зная, кого слушаться.

— Джюккюйэр-бай, скажи, в чем виновен этот мальчик?

— Разве не является виной то, что он обозвал дурными словами меня, доверенное лицо белого царя?

— А как же он обозвал? Бётёс, скажи, как этот мальчик обозвал той-она?

— Осмел в песенке... — пробормотал Бётёс.

— Какими словами? Скажи громко, чтобы все слышали! Ну, говори!

— «Алчнее ворона, завистливее собаки, хитрее лисицы...»

— Замолчи, негодяй! — вспыхнул Джюккюйэр.

— Джюккюйэр, скажи, разве этот мальчик сказал неправду?

Джюккюйэр молча заскрипел зубами.

— Молчишь? Тогда спросим у людей. — Манчары повернулся к толпе: — Друзья, сказанное Моомуотом правда или ложь?

— Правда! Правда! — взволнованно задвигалась толпа.

— Ты слышал? Не его, а тебя надо наказать за то, что ты, угнетая всех, разъялся в толщину, разжирел в длину. За то, что ты нажил большие

деньги, отбирая у конного кнут, у пешего посох, мучая несчастных, заставляя плакать отчаявшихся! Джюккюйэр, прикрываясь высоким именем белого царя, ты приговорил невинного мальчика к жестокому наказанию. А я от имени твоих хамначитов, от имени всех батраков наслег приказываю подвергнуть такому наказанию тебя самого. Люди, вы согласны с моим приговором?

— Согласны! Совершенно правильно!

— И, кроме того, все твое богатство и имущество которое ты отобрал у неимущих, награбил у бедноты, сегодня же раздаю законным владельцам! — Манчары опять повернулся к толпе: — Вы одобряете мой приговор?

— Одобряем!

— Ну, давайте быстро развяжите и освободите честного юношу, а вместо него уложите тойона!

Товарищи Манчары соскочили с коней, развязали и подняли на ноги паренька и, схватив Джюккюйэра за шиворот, поволокли и привязали его к чурбану. Джюккюйэр от бешеной злобы ничего не мог сказать и только бился и лихорадочно мычал.

— Ну, чего стоишь? Бей! — Манчары замахнулся саблей на Бётёся.

Бётёс, словно оглушенный, стоял в оцепенении. При окрике Манчары он вздрогнул, резко подскочил и, подняв тальниковую розгу, крепко огрел своего хозяина по толстому заду.

— Еще! Еще сильнее! Если пожалеешь, самому всыпем! Розги беспрерывно мелькали в воздухе.

— А-а-а-а! — раздался истошный крик Джюккюйэра по опушке леса.

Алас Бёкё, услышав никогда не слыханное им, подхватил этот крик и понес его дальше.

Миновала короткая летняя ночь, и на востоке заиграла нежным трепетом заря. Манчары со своими товарищами ехал по проезжему тракту. Гулко раздавался топот копыт. Внезапно позади них послышался конский топот. Путники развернули коней по направлению топота и остановились. Вороной конь, мчавшийся во весь карьер, резко остановился перед ними.

— Моомуот, ты куда это?

— К вам... к вам...

— Зачем?

— Насовсем...

Манчары приблизились и заглянул парню в глаза.

— А родные знают, что ты поехал к нам?

— Знают. Дедушка благословил.

— Моомуот, ты знаешь, чем грозит тебе присоединение к нам?

— Знаю...

— В течение всей твоей жизни тебя будут сопровождать лишь горести, с тобой сдружатся лишь невзгоды. Ты не будешь баюкать родных детей, не будешь городить изгороди для выращенного тобою скота, не будешь знать тепла уютного домика. Темные казематы будут твоей вотчиной, заплесневевшие тюрьмы будут твоим жилищем. Знаешь ли ты это?

— Знаю.

— Ты никогда не вернешься к прошлому, никогда не будешь жалеть о случившемся?

— Никогда!.. До смерти!

— Ну, тогда дай руку! Вот наши руки!

К трем сильным рукам присоединилась четвертая, тонкая робкая рука. И все четыре крепко сплелись в рукопожатии, словно насмерть затянувшийся узел.

Лучи еще не выглянувшего из-за горизонта солнца весело заиграли на макушках высоких лиственниц.

Новый знакомый

Манчары ехал лесом вдоль реки Татты. Потом повернул на маленький алас, заросший густой травой. Кругом было пусто, не видно ни людей, ни скота. Манчары остановил лошадь и внимательно посмотрел вокруг. У опушки леса чуть заметно вился сизый дымок. Манчары решил, что там расположились косари или охотники, и не спеша поехал туда. Под раскидистой березой, низко склонившей свои гибкие ветви, виднелся шалаш, крытый сеном. Когда Манчары приблизился, из шалаша, встревоженный шумом шагов, выскочил человек. Манчары, удивленный, остановился. Перед ним был русский мужчина с густыми бакенбардами и светлыми глазами.

«Казак! Меня ищут!» — мелькнула у Манчары мысль, и он схватился за ружье, готовый защищаться.

Русский тоже с удивлением глядел на пришельца. Потом он махнул рукой и быстро заговорил по-якутски с заметным акцентом:
— Иди сюда, иди...

Они стояли неподвижно, пристально глядя друг на друга, не зная, друзья они или враги.

— Ты казак? — спросил Манчары.

Русский засмеялся и отрицательно покачал головой:

— Нет!

Он показал обеими руками на шалаш: загляни, мол, я один. Манчары подошел. И впрямь, ничем этот человек не напоминал казака. Одет он просто — сатиновая рубаша, якутские торбаса. Оружия не видно. Под деревом лежала литовка, грабли и наковальня, на которой отбивают косу. Невдалеке было скошено около полудесятины луга.

Манчары немного успокоился. Незнакомец заметил это, улыбнулся и, показывая на шалаш, сказал:

— Проходи, друг, проходи!

Манчары облегченно вздохнул и, не выпуская из рук ружья, шагнул в шалаш. Русский присел у костра и жестом пригласил Манчары последовать его примеру.

— Какие новости привез?

— Никаких! — ответил Манчары и сел. — А у тебя есть новости?

— А у кого их нет, — сказал новый знакомый и сунул под чайник мелко наломанный хворост. — Положи ружье, не бойся. Ты откуда?

— Я нездешний. Вот брожу по тайге, охочусь. А ты откуда? — в свою очередь, спросил Манчары. — Кто такой, как зовут?

— Меня? Ну, допустим, Николай.

— Как попал в наши края? Откуда?

— Издалека я... Меня сослали сюда. — Николай вздохнул и показал на юг. — С юга я. Государственный...

— Государственный?

Манчары положил ружье на землю и вскочил, широко улыбаясь. Николай не удивился внезапной перемене в настроении нового знакомого. Он знал, что якуты с большим уважением относятся к «государственным преступникам», как царское правительство именovalo политических ссыльных. Однако Николай не ожидал, что этот якут с суровым лицом и острым взглядом так обрадуется известию, что перед ним «государственный».

И на родине, и в остроге, и на каторге Манчары много слышал о политссыльных. Он знал, что их ссылали в якутский край за то, что они восставали против царя. Манчары точно не знал, за что эти люди боролись, но догадывался, что их и его дела чем-то близки. Он давно мечтал познакомиться с кем-нибудь из «государственных». И вот встреча в аласе, среди глухой тайги!..

— За что тебя сослали? — шепотом спросил Манчары, словно опасаясь, что их могут подслушать.

— За что? — Русский горько усмехнулся. — Подожди, а ты кто?

Манчары осекся на полуслове. Он пристально посмотрел на собеседника и подумал: «Зачем мне скрывать от него, кто я? Сказать, что ли?»

Много глаз видел Манчары: черных, синих, карих, радостных и грустных, открытых до дна, ласковых, но не внушающих доверия. А у Николая глаза чистые, голубые, как весеннее небо.

«Что же делать? — размышлял Манчары. — Назваться первым попавшимся именем, он все равно поверит. Нет, нужно сказать настоящее!»

— Меня зовут Манчары.

— Манчары? Ты — Манчары?

Русский схватил Манчары за руку и крепко пожал ее. Он и удивился и обрадовался встрече. В этом далеком краю Николай часто слышал и от якутов и от ссыльных о подвигах Манчары. Вот он, оказывается, какой — гроза якутских баев, заступник бедняков! Николай давно мечтал повстречать этого отважного человека, поговорить с ним по душам.

«Неужели настоящий Манчары!» — про себя усомнился Николай.

Манчары улыбнулся, увидев повеселевшие глаза Николая. «Значит, слышал обо мне!» — подумал он.

Русский и якут обнялись.

...Усталое солнце, завершив свой путь, опускалось за лес. Зной спал. Новые друзья мирно беседовали, лежа возле ярко горящего костра. Николай рассказывал о жизни на своей далекой родине, о декабрьском восстании тысяча восемьсот двадцать пятого года. За участие в восстании он был приговорен к каторге и ссылке.

Воспоминания всколыхнули давно пережитое, и Николай,

опустив голову, умолк.

— Что бы вы сделали с царем? — любопытствовал Манчары.

— То, что делают со всеми тиранами, — казнили бы.

— Казнили?

Русский пристально взглянул на озадаченное лицо Манчары и убежденно произнес:

— Да!

За беседой они не заметили, как промелькнула короткая летняя ночь. Зарделся восток. Лес наполнился птичьими голосами. Манчары встрепнулся. Ему пора было уходить.

— Ну, прощай! — сказал Николай, пожимая ему руку. — Никогда не забывай, о чем я говорил. От царя счастья и милости не жди.

— Прощай! Не забуду! — дрогнувшим голосом произнес Манчары. Он долго смотрел в приветливые глаза нового товарища и повторял: — Прощай. До смерти тебя помнить буду!

Они обнялись и по-русски троекратно поцеловались, как родные братья.

Манчары медленно шагал по росистой тропинке. Сердце его сжималось, глаза туманились. Дойдя до опушки, он оглянулся. Его русский друг стоял у шалаша и махал рукой. Красным пламенем полыхал костер.

Манчары махнул рукой и исчез в лесу.

Встреча на дороге

Минувшей ночью Манчары и его друзья «гостили» у намского богача Пестрякова. Богатство родовитого тойона они роздали беднякам: нечестным трудом оно было нажито.

Сейчас Манчары верхом на коне ехал по темному хвойному лесу. Утром он проведал, что бай Пестряков вооружил всех своих рабов и челядь и снарядил погоню. Пусть ищут ветра в поле! Но предосторожность всегда нужна.

Манчары остановил лошадь невдалеке от большой дороги, у маленького аласа. Он привстал на стременах и прислушался. К нему приближались какие-то люди. Вскоре Манчары услышал скрипучие причитания старухи и звонкий детский голосок. Он притих за деревом. Престарелая женщина понуро брела, пыля босыми ногами. Ее

вел за руку мальчик лет десяти. Старуха была слепа.

— Бабушка, где мы сегодня заночуем? — спросил мальчик, вытирая с лица струйки пота.

— Не знаю, милый... Зайдем к тойону Пестрякову... Но пустит ли он таких, как мы, хотя бы в свой черный дом? Отдохнем, милый, истомилась я!

Старуха свернула с дороги на траву и, кряхтя, села. Мальчик стал около нее.

— Люди говорят, что ночью у Пестрякова гостил Манчары, — сказала старуха. — Бай, должно быть, стал похож на медведя, которого выгнали из берлоги. Говорили, будто Манчары роздал все богатства Пестрякова бедному люду. Наконец-то нашелся молодец, который взял обратно награбленное! Я у Пестрякова сорок лет батрачила. Он не дал ни гроша. А когда состарилась и спина стала плохо сгибаться, выгнал меня.

Манчары с гневом и болью слушал рассказ старухи. Сколько слез пролила эта женщина! Не от слез ли она лишилась зрения? Всю жизнь трудилась на бая, а теперь ей придется умирать у чужого порога или под елью в лесу. Какая ужасная судьба!

Манчары до боли в пальцах стиснул поводья и пришпорил лошадь. Горячий конь вскинулся на дыбы и выскочил на дорогу.

— Мать!

— Что? — испуганно вскочила слепая, услышав незнакомый голос.

— Подставляй подол, мать! — властно произнес Манчары.

В подол старенького платья упало что-то тяжелое: зазвенели золотые, серебряные монеты. Подобный звон она слышала единственный раз в жизни, когда однажды бай после объезда должников пересчитывал деньги. Непрерывный звон монет напомнил о сытой, безбидной жизни, столько раз виденной во сне. Неужели это не сон? Старуха слышала, как монеты ударяются друг о друга, но не могла поверить происходящему. Растерянная, оцепеневшая, стояла она неподвижно и что-то беззвучно шептала.

— Мать! Я возвращаю тебе плату за весь пот, который ты пролила на бая Пестрякова. Это его золото. Свои деньги ты заработала честно!

— Кто ты, добрый человек или бог? — осмелилась спросить слепая, все еще не веря своему счастью: ведь у нее теперь будет кусок хлеба и не придется ковылять от юрты к юрте, собирая подаяние. — За кого

мне молиться?

— Я Василий Манчары. Прощай, мать! Топот копыт удалился на восток.

Да, так будет!

Снаружи землянка, устроенная в откосе кургана, почти незаметна. В ней непроглядная темнота. Лишь в левом углу слабо мерцает огонек. Это — убежище Манчары.

Минувшей осенью он с друзьями вырыл в кургане яму, вывел стены. Потолок и дверь обили конскими шкурами. Здесь Манчары и его подруга Катерина укрылись от преследования баев.

Тишина.

Манчары сидит у затухающего очага. Он уперся локтями в колени, опустил голову на руки и задумался. Манчары слышал, что из города на его поимку выехал отряд казаков во главе с исправником.

Верный друг Манчары Стрекаловский должен был разведать о казаках и сообщить подробности. Но Стрекаловский почему-то запаздывал.

«Долго его нет. Он должен прийти один. Остальным я не велел приходить, чтобы не наводить на след... Неужели что-нибудь случилось?..» Манчары прислушался.

Ничего не слышно, лишь в трубе посвистывает ветер да потрескивают от мороза деревья. Эти звуки напоминают отдаленные выстрелы.

— Василий! — позвала Катерина.

— Что, родная?

— Подойди ко мне. Сядь рядом.

Манчары пересел на грубо сколоченную нару и ласково погладил Катерину по голове.

— Что с тобой, милая?

— Сердце ноет, в голове думы тяжкие. До каких пор мы будем скитаться? Не сердись, Василий, я больше не могу так.

В землянке снова воцарилась тишина. Манчары и Катерина молчали и думали об одном и том же — о своей трудной судьбе.

— Василий! — горячо зашептала Катерина, придвигаясь ближе к любимому. — Я хочу жить, как все люди...

— Какие люди? — спросил Манчары. — Батраками у баев, что ли? Нет, я не хочу такой жизни!

— Мне хочется, чтобы у нас был дом, дети, чтобы нам не надо было скрываться...

— Я тоже очень хочу жить по-человечески, — грустно сказал Манчары. — Я люблю свой край и всю жизнь мечтаю о том, чтобы все были счастливы, чтобы не было ни рабов, ни хамначитов. — И Манчары рассказал Катерине о чудесной стране всеобщей радости и счастья, взлелеянной в его мечтах.

Катерина, закрыв глаза, слушала рассказ Манчары, похожий на самую лучшую сказку.

— А будет ли такая страна? — шепотом спросила она.

— Будет, мой друг, будет!

Над землянкой тоскливо, как голодный волк, выл ветер, трещал мороз.

Манчары подошел к очагу, бросил лучинки на угли. Ярко вспыхнул огонь, осветив трепетным пламенем убогую землянку.

— Будет такая страна! — повторил он уверенно и страстно.

Возвращенная молодость

На усадьбе бая Гермогена шум и гомон. К нему со всего наслега собрались именитые баи. Сам Гермоген в приподнятом настроении важно расхаживает среди гостей. Нет ему равного здесь!

И как не радоваться Гермогену? Сегодня к нему приедет знаменитый разбойник Манчары, слух о котором прошел по всему Якутскому краю. Манчары покажет, как он в молодости грабил тойонов и баев. Гермоген давно мечтал о таком представлении.

Вот уже десятый год Манчары отбывает ссылку в Вилуйском улусе. И все это время Гермоген приставал к нему с просьбой показать, как он разбойничал.

Но Манчары упорно отказывался. Однако Гермоген не таков, чтобы отступить от своего намерения. Он без конца надоедал Манчары просьбами, хотя тот избегал тойона. И вот вчера наконец Манчары согласился. Вода и камень точит.

— Завтра к полудню жди, — сказал он. — Но если получится грубовато, не обижайся.

Глаза его загадочно сверкнули. Обрадованный Гермоген поблагодарил Манчары, возвратился домой и созвал к себе всех богатеев наслег.

Он покажет им невиданное представление. Такое они нигде не увидят. Человек, перед которым когда-то дрожали все баи, будет потешать Гермогена. Знай наших!

К полудню дорогие гости плотно поели, выпили и вышли во двор погулять. Отовсюду слышался смех, шутки.

— Знаменитый разбойник станет шутом! Ха-ха!

Нарядно одетый хозяин, подпоясанный шелковым кушаком, улыбаясь, прохаживался между гостями. К нему подошел наслезный князец и, хлопнув по плечу, сказал:

— Молодец, Гермоген, хвалю тебя. Ты войдешь в пословицу навечно. Вокруг одобрительно загудели:

— Верно, войдет за ум и сметку. Самого Манчары в шута превратил. Польщенный Гермоген постучал себе пальцем по лбу:

— Будьте покойны, здесь не пусто. Вскоре послышались возбужденные голоса:

— Едет!.. Едет!..

С дальней стороны аласа скакал всадник на белом коне, убранном серебряной сбруей. В поднятой руке наездника сверкала пальма. Собравшиеся зашумели в предвкушении интересного зрелища. Манчары в мгновение ока подлетел к изгороди. Разгоряченная лошадь послушно остановилась. Манчары прямо из седла с криком перепрыгнул через высокую изгородь и с поднятой пальмой предстал перед Гермогеном.

— Василий Манчары прибыл! Немедленно вынеси все свои сокровища, всё, что ты награл! — грозно приказал он.

Перед Гермогеном стоял не дряхлый старец восьмидесяти лет — это был прежний Манчары, молодой, статный, с орлиным взглядом, вздрагивающими ноздрями, напряженными мышцами.

Собравшиеся показывали на него пальцами и хохотали. Вдруг Манчары замахнулся пальмой и гневно повторил:

— Ну, выноси!

Гермоген обхватил обеими руками свой толстый отвислый живот, закинул голову и задыхался в хохоте.

Тогда Манчары с криком набросился на него. Он схватил той-

она за шею, пригнул к земле, задрал гарусную поддевку, рубашку и начал беспощадно колотить его пальмой по пояснице.

Именитые гости от удивления разинули рты и застыли как вкопанные, не зная — смеяться им или бежать, пока не поздно. Между тем рука с зажатой в ней пальмой все чаще мелькала над жирной спиной тойона.

— Давай деньги!

— Ва-аа-си-лий! — захрипел Гермоген. Но Манчары не дал ему договорить:

— Ну, живо!

— У-ум-мм-моляю... — ослабевшим голосом простонал тойон.

— Бай Гермоген, ты желал увидеть Манчары. Теперь ты доволен? О своем посещении я записал на твоей спине.

Манчары презрительно оттолкнул Гермогена. Тот, как мешок, шлепнулся на землю.

Манчары высоко занес пальму, и все в ужасе шарахнулись в разные стороны. Он подскочил к юрте и пинком вышиб дверь. Затем подбежал к амбару и ударом пальмы расщепил другую дверь. Остановившись, Манчары закричал разбегающимся гостям:

— Не забывайте! Манчары был таким и таким останется навсегда! Он вскочил на белую лошадь, поднял над головой пальму и умчался.

Умчался в бессмертие!

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ГОГОЛЕВ –
КЫНДЫЛ
(1930-1998)

Только одного боюсь

Нет, клеветы я не боюсь,
Не оробею от испуга
Из-за расторгшего союз
Так называемого друга.

Да, рана заживет в груди,
И я опять расправлю плечи:

Ночные теплые дожди
И песни волн ее залечат.

Не страшен мне и давний враг,
И тело жгущие болезни,
И даже мрак, морозный мрак,
Что ждет меня в могильной бездне!

А впрямь, в лесу и без меня
Кукушка прокукует звонко,
И лошадь будет ржать, маня
Отбившегося жеребенка.

Я только одного боюсь —
Что может быть при жизни хуже!-
Вдруг, словно сломанный хомус,
Я никому не буду нужен.

Не спи, судьба, меня храня,
Пока опасность существует...
Пусть не жалеет друг меня,
И пусть мой враг не торжествует.

Иван Гоголев. Стихотворения и поэмы.
М.: Современник, 1990. с. 3
Пер. с якут. Н. Старшинов, Вл. Павлинова,
В. Казанцев и др.

Есекай

Птицей мчись по синим высям,
Смех из сердца высекай,
Голубым плещи кумысом,
Древний звонкий эсекай!
Рощи с малыми ручьями
Танцевали вдалеке,

Шла заря, водя плечами,
В алом шелковом платке.
Торбас, бисером расшитый,
Словно радуга-дуга...
Улыбнись, ворчун сердитый,
Старый враг, прости врага!
Ныне все родные.
Ныне Хороводный круг велик:
Ходят женщины-богини,
Прям, как юноша, старик.
В пляс, удача с неудачей,
Счастье — с горем и бедой,
С современностью горячей
Мудрость старости седой!
В пляс! Да чтоб зимой холодной,
Ночью черной не потух
Дух свободный, благородный,
Эсекай — народный дух!
Здесь под бубен громкий, мерный
Ждут меня мои друзья,
Ждет меня подснежник верный —
Нежность первая моя.
Если б бог из снисхожденья
Этих дней мне не давал,
Никогда бы день рожденья
Днем удачи не назвал!

Иван Гоголев. Стихотворения и поэмы.
М.: Современник, 1990. с. 31-32
Пер. с якут. Н. Старшинов, Вл. Павлинова,
В. Казанцев и др.

Малый народ

— Ах, бедный маленький народ!
-Я слышу с самого рожденья.
Но все сильнее убежденье,

Что соболезнающий врет.

Народец малый, жалкий люд,—
Твердит, сочувствуя для вида,
Высокомерна, как верблюд,
Пустыни древней пирамида.

Народ ничтожный,— говорят Плясун—
Париж и Лондон старый,
Нью-йоркских небоскребов ряд
С дымящейся в зубах сигарой.

Неточен вашей мысли ход
И скороспелый вывод ложен:
Древней небес любой народ,
Народ не может быть ничтожен.

А вы измерьте душу мне,
Кто над моей судьбою стонет!
В ее бездонной глубине
Ваш глупый небоскреб утонет.

— Все дети мне и все большие,
Твердит земля. Она права,
А ваши словеса пустые,
Как и пустые божества.

И ваши выводы узки:
Любой народ — земли владыка,
И все народы велики,
Покуда их душа велика!

Иван Гоголев. Стихотворения и поэмы.
М.: Современник, 1990. с. 8-9.
Пер. с якут. Вл Павлинова.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА ХАРЛАМПЬЕВА
(1952)

Утешение

Вьюги ль вихрится грива,
Или хлещут дожди,
Своего терпеливо
Нюргун Ботура жди .

Жди, чтоб вызволить снова
Из огня и воды.
Знают женщины слово
Для отвода беды.

И в слезах твои очи
Он увидит сквозь тьму,
Потому что нет мочи
Позабыть их ему.

Нянчи сына в надежде,
На порог выходи,
И, как женщины прежде,
Нюргун Ботура жди.

Жди, душою измучась,
Жди судьбе не в укор,
Такова наша участь
С незапамятных пор.

Наталья Харлампыева. Ночной полет.
М.: Молодая гвардия. 1980. С. 8-9
Пер. с якут. Я. Козловского

* * *

В дни промахов и в пору неудач

Наперекор ошибкам и прорухам
Будь крепок волей и не падай духом
И в честь успеха все переиначь,

Пусть будет недруг втайне ликовать,
Не верь в его сочувственные речи
И обопрись на дружеские плечи,
Они тебе помогут устоять.

Но груз своей ошибки целиком
На них не перекладывай, мой милый,
Не лучше ль самому собраться с силой,
Вновь мастером прослав и знатоком.

И в меру о случившемся скорбя,
Ты воедино слей без промедленья
Решительность и волю и уменье,
Чтобы друзья поверили в тебя!

Наталья Харлампьева. Ночной полет.
М.: Молодая гвардия. 1980. С. 7-8
Пер. с якут. Я. Козловского

* * *

То ласкова, то зла со мной бывала
Судьба — мой ненадежный проводник.
И верных мне друзей осталось мало,
И стал как жало сплетницы язык.

И, не одну познавшая потерю,
Не расставаясь с тайною мечтой,
В приход любви неповторимой верю,
В грядущий день, от счастья золотой.

Изрекшему, что женщины, мол, слабы,
В слезах перечу:

— Бога не гневи!
Я дня прожить, наверно, не смогла бы
Без веры, без надежды, без любви.

Прощаю всех, кто грешным быть не хочет
Перед моей обидой и слезой.
Любовь неповторимую пророчит
Мне радуга над аспидной грозой.

Наталья Харлампьева Ночной полет.
М.: Молодая гвардия. 1980. С. 16
Пер. с якут. Я. Козловского

ЧЛЕНЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ ИВАНОВ –КЮНДЭ
(1898-1934)

Марба

Сквозь черные кружевные зубцы девственной тайги, вставшей на той стороне неширокой поляны, в разрывах между кучерявыми облаками, нежно-сиреневыми, как взбитый с брусникой керчак, проглянуло красное на заходе солнце. На свежескошенной траве брызгами суората выделяются белые шапочки цветов. На этом лугу косить только что начали и над землей плывет пряный аромат увядающих трав.

Летучий покров прозрачной летней ночи постепенно обволакивает окрестности. Вытянувшись к небу макушками, могучие ели широко раскинули свои мохнатые лапы. Деревья неподвижны — не шелохнется, не дрогнет ни одна веточка. Где-то чуть слышно своей трепетной листвой шелестит береза. В траве монотонно стрекочет попрыгунья-кобылка. В теплом безветренном воздухе напевно зве-

нят рои Невидимой мошкары.

На опушке леса, у частокола, ограждающего стог сена, устроен шалаш. Вот возле него вспыхнул и разгорается все ярче костер.

Вскоре над оранжевым пламенем заводит свою извечную песенку чайник, подвешенный на крюк оллона. Возле костра на корточках сидит босая девушка. Черными, как спелая смородина, глазами, вправленными в продолговатые прорези век, она задумчиво смотрит на огонь. Невдалеке, подложив под голову старую затасканную шубейку, разлегся молодой, здоровый косарь. У него сильные мускулистые руки и широкие литые плечи.

И девушка, и парень батрачат у богатого старика Василия. Парня зовут Павлом. Каждый год с весеннего Николе до Покрова он нанимается на работу к тойону Василию. Остальные летние дни Павел заготавливает сено для своих двух коровушек, которые содержатся у его отца — старого Талкы. Ни к кому, кроме тойона Василия, в услужение Павел не поступал. Зажиточные улусные мужики неоднократно пытались переманить к себе послушного, работающего парня. Но Павел ни в какую не соглашался оставить бая Василия, хотя тот за все лето давал ему не больше, чем на рубаху и шубейку. Парень считал неудобным поступать хамначитом к другому богачу. — Э-э, здесь я шибко привык! — повторял он. — Все знакомо кругом!

Девушка была бездомная, пришелица из какого-то иного улуса. У людей она выполняла любую работу, какую бы ей ни поручили. За это ее кормили. Последнее время девушка прижилась на усадьбе тойона Василия. Звали ее Марфой, но чаще — Марбой, презрительной кличкой, давно укоренившейся за девушкой.

Недавно хозяин отправил ее на покос.

— Чего даром на дворе околачиваться? Ступайка сено сгребать, помогай Павлу! — приказал он.

Вот Марба и пригорюнилась у костра в ожидании чая. Вообще, она бойкая, уже сформировавшаяся девушка. У нее широкие округлые бедра, высокая грудь. Лицо круглое, лоснящееся. Щеки румяные, как поджаренные оладьи. Пухлые губы девушки в трепетном свете огня кажутся ярко-красными.

Павел смотрит на Марбу и чувства его будоражатся. В груди гулко и часто колотится сердце. По телу разливается сладостная

истома. Парень украдкой вздыхал, и кровь горячими струями бежала по жилам.

— Марба, а ведь хорошо, что у костра нас только двое, — охрипшим срывающимся голосом произносит Павел.

— Кто его ведает, плохо это или хорошо, — спокойно отвечает Марба.

Однако лицо ее становится пунцовым. Смутившись, она хватает первую подвернувшуюся хворостину, бесцельно чертит и ковыряет землю. Девушка нет-нет и посмотрит украдкой на притихшего парня. Во взгляде ее — благожелательность и даже больше — ласка.

— Если бы ты догадалась, как я был рад, когда узнал, что огонер Василий послал тебя ко мне, на этот вот покос! — тихо, проникновенно говорит Павел и пересаживается поближе к девушке.

— Это почему же?

— Марба, с того момента, как ты появилась здесь, ты не выходишь из моей головы. Ты все время в мыслях моих и думах.

— Неужели? — с деланным удивлением пожимает плечами Марба и чуть отодвигается от парня.

— Вернувшись вчера с покоса, я увидел, что тебя нет у шалаша и с горечью подумал, что ты ушла насовсем. Мне стало досадно и тоскливо. Но, как только я заметил, что ты гонишь потерявшихся коров, я почувствовал себя родившимся вторично — так обрадовался твоему приходу! — бесхитростно рассказывал парень и влюбленно смотрел на потупившуюся девушку.

— Что ты! Неужели ты в самом деле думал обо мне так, как говоришь? Я же бездомная, бесприютная сирота. Скитаюсь по чужим людям, делаю, что заставят, и тем кормлюсь! — задумчиво сказала Марба, вздохнула и погрузневшими глазами сосредоточенно уставилась в землю.

— И что же особенного, что работаешь на других? Я точно такой же человек, тоже привык трудиться не для себя. Сама ведь знаешь: я в хамначитах у богача!

— Куда мне тягаться с тобой! — невесело усмехнулась Марба. — Ты живешь на своем месте. У тебя есть родственники и знакомые. Ты — родовитый человек. А я, горемычная, не знаю даже, какие были у меня отец и мать. С тех пор, как помню себя, я слоняюсь по чужим юртам. Маленькую меня ни разу не брали на руки. Или черт создал

меня такой несчастной, или бог проклял — откуда мне знать! — расстроенно заключила Марба.

Она загрустила, помрачнела, снова взяла прутик и принялась взрыхлять им землю.

— Дружок мой! — решительно заговорил Павел. — И ты, и я — хам-начиты, наемники у жадных богачей. У нас одна доля. Стоит ли нам стесняться, друг друга... Давай сойдемся?

Он привлек к себе девушку и понюхал ее в завиток волос у виска. И от этого у Марбы стало светло на сердце. До последней минуты ее никто ни разу так нежно не нюхал-ласкал. Девушка согласна была, что: бы и впредь приглянувшийся парень любил и ласкал ее и чтобы этим парнем был только Павел.

— Милый мой дружок, посмотри, чайник-то вскипел! Поздно уже, давай ужинать! — предложил Павел.

Он снял с оллона булькающий чайник, сбегал в шалаш и принес продукты. Парень и девушка сели друг против друга и принялись весело чаевать. От своей малюсенькой порции масла Марба половину отделила Павлу. Парень страшно обрадовался и возликовал: девушка дала понять, что любит его.

— Дружок мой Марба, мы с тобой батрачим у богатых людей, — заговорил Павел и запнулся, подыскивая нужные слова, которые совсем некстати улетучились из головы.

— А почему?..

— По годам мне уже пора жениться, — набравшись храбрости вдруг выпалил Павел. — У тебя тоже возраст, когда девушки выходят замуж. Поэтому давай, соединимся? — с серьезным выражением на лице предложил Павел.

— Можно бы... — зардевшись, тихо ответила Марба и голос ее дрогнул от волнения.

— Вот и ладно. Что это за дело, без конца горбатиться на других! Пора заводить свое. У меня уже есть две коровы. Одна из них с теленком.

— А какой масти? — заинтересованно спросила девушка.

— Поменьше которая, чернобокая с белой спиной. Этим летом по третьей траве... Другая, с телком, черная, четырехтравая.

— От этих коровушек хватит ли молочка нам, дружок?

— Напрасно так думаешь, милая! Я не намерен кормиться молоком

только одной коровы. Не беспокойся, не будем голодать! Кругом достаточно разной дичи. Стану промышлять. Добытчиком заделаюсь. Я ведь хороший охотник. Осенью петлями зайцев ловлю, на речках заколы ставлю, а зимой бью на озерах проруби и беру рыбу сачком. Я не допущу, чтобы ты сидела голодной. Сам буду ходить с пустым животом, но не позволю страдать тебе.

— Хорошо, Павел, мы вдвоем примемся за работу!

— Правильно! Вместе. На высокой горе хребта Мугур-атах, там, где этех моего деда, поставим себе юрту, — мечтательно говорил парень, проводя ладонью по волосам девушки. — Начнем заводить свое хозяйство. Сядем отдельной семьей и пустим к небу собственный дым. Старые люди увидят нашу усадьбу и скажут: «Этот неугомонный повеса Павел наконец-то остепенился, поумнел и стал настоящим мужчиной! Посмотрите, на заброшенном дедовом этехе построил себе жилье, расплодил скот. Видите, из трубы валит дым? Значит, зажил своей семьей!»

Голос парня звучал уверенно.

После продолжительного чаепития Павел растянулся на траве, раскурил свою трубочку и сказал:

— Дружочек мой, постели соединим вместе. Ляжем спать, как муж и жена.

Марба послушно раскинула постель на душистом росном лугу, под защитой могучей разлапистой ели.

Теплая светлая ночь как будто прислушивалась к невнятному, робкому перешептыванию людей, к нежному шелесту листвы. В веселой бесшабашной пляске кружила невидимая мошкара, беспрерывно распевая—щая свою тягучую нудную песенку.

II

С того тихого летнего вечера миновало три с лишним года. Над хребтом Мугур-атах разбушевалась злая пурга. Она запрягала в сугробы маленькую, как рукоятка наковальни, юрточку, снаружи обмазанную навозом. Человеческое жилье скромно притаилось между заледенелыми лиственницами. Вокруг из-под снега, в беспорядке, высовывались упавшие лесины со вздыбленными сучьями. Повсюду торчало исковерканное мелколесье. Возле юрты был небольшой

стожок сена, обнесенный изгородью из жердей. Но пурга скрыла в сугробах и жилье, и стог.

Лунную ночь затуманила морозная пелена. Над землей свирепо выла, бесновалась, швыряла снегом неугомонная вьюга. В нечистые минуты затишья из трубы камелька выскакивают две, три ярких искорки и бесследно теряются в стылой мгле.

Здесь, на облюбованном когда-то дедами месте, живут теперь Павел и Марба.

В юрте темно, холодно, мрачно. В растрескавшемся в глиняном камельке, шипя, тлеют дрова, установленные стоймя. Редкие вспышки пламени слабо озаряют закопченные, униженные инеем стены. От крошечных ледяных оконеч к полу видимой струйкой оседает морозный туман. На неровном земляном полу валяется пара чурок. Они предназначены для сиденья. В переднем углу установлен небольшой столик. Слева от камелька, сопя и чавкая, что-то жует телок. Чтобы не бегал и не озорничал, нога теленка привязана к колышку. В хотоне о пол из лиственничного тонкоствола стучат копытами две коровы. Они тоже привязаны.

Перед тлеющим камельком сидит Марба. На руках ее ребенок. С того самого дня, как они перебрались в свою собственную юрту, она уже не работает у чужих. Лишь Павел по-прежнему батрачит у старого тойона Василия. Но, как он ни старается, заработка не хватает ни на питание, ни на одежду.

— Эх-ма! — горестно вздыхает женщина. — Есть ведь хозяйева, которые не знакомы с нуждой! У них вдоволь разной вкусной пищи, на всех хватает добра, нарядов и украшений. А у нас ни еды, ни одежды. Не во что закутать свое голое озябшее тело!

Марба раздражена и говорит с нескрываемой злобой, ругает свою горькую участь. Ребенок на руках то хнычет, то вдруг закатывается в плаче. — Ты чего, парнишка, кто тебя укусил? — закричала Марба, подкидывая и тормоша сына.

Ребенок не успокаивался. Наоборот, он так раскричался, что начал задыхаться, икать и конвульсивно дергаться. Марбе стало жаль малыша.

— Успокойся, моя деточка. Ну, успокойся! — ласково принялась упрашивать она сына.

Марба отлично знала, что ребенок голоден. Ему хочется ку-

шать и от этого, наверное, болит животик. Он понемногу утихает, вздрагивает реже.

— Мамочка, молочка хочу! Дай молочка! — жалобно тянет малыш, все еще всхлипывая.

— Миленький ты мой, если бы молочко было, я бы давно дала! Перестала наша коровушка доиться. Усохло у нее молочко! — сквозь слезы уговаривала бедная женщина ребенка, кутая его в полу истрепанной шубейки. Она была подбита заячьим мехом, который давно вышаркался.

— Мама, мне кушать охота. Дай чего-нибудь, — тихо лепечет малыш. — Покорми маленько. Ну, совсем маленько!

— На вот, попей!

В грязную чашку, залатанную кусочками бересты, мать льет бурый отвар спитого чая. Напившись, ребенок успокоился. Марба раздела его, положила на облезлую конскую шкуру и накрыла стареньким заячьим одеялом.

— Спи-и, птенчик мой, спи-и! — напевно произносила она, баюкая сына.

— Мама, мы скоро дождемся папу? — сонным голосом спрашивает мальчик и протяжно вздыхает.

— Отец работает у тойона, у богатого старика. Наверное, скоро явится.

— Нет, ты точно скажи, когда он придет? — не унимался малыш и снова начинает всхлипывать.

— Спи! Может быть завтра его увидим! — устало отвечает мать и настороженно прислушивается к дикому завыванию неугомонной пурги, сотрясающей стены.

— Тише! На дворе белый старец ходит. Ругается, кто не уснул! — страшает Марба.

Испуганный ребенок затихает, прислушиваясь к грозному реву непогоды. Неисчислимые голоса разгулявшейся пурги нагоняют на него ужас и он быстренько засыпает.

Марба устало распрямила плечи, подбросила в камелек еще несколько поленьев. Присев на корточки перед разгорающимся огнем, набила табаком свою медную трубочку, сделала пару торопливых затяжек и погрузилась в нерадостные размышления.

«Противная, вредная Пеструха! Почему именно сейчас ты пе-

рестала доиться? Можем ли мы обойтись без молока, если ничего другого у нас нету? Чем накормить сыночка?.. Ничего не поделаешь, завтра пойду по соседям, попытаюсь выпросить молока или еще чего-нибудь... К кому же обратиться?.. У Дунаай доилаась всего одна корова. Кто знает, поделится ли ела со мной? У них ведь тоже не сыто в юрте! Верней всего, откажет. Как-то сказывали, что Хабычча доила четырех коров. Счастливая! Попытаюсь, дойду до нее!» — наметила Марба и на этом успокоилась.

После нескольких чашек пустого чаю женщина разобрала свою постель и улеглась на покой. Но на душе по-прежнему было смутно, тревожно.

III

Павел пришел домой утром. Когда он открыл дверь юрты, маленький Чычах сидел на шестке камелька и аппетитно хрустел угольком. Худенькое личико его и руки сплошь перепачканы золой и сажей. Жена возилась в хотоне, убирала свежий навоз. Услышав, что явился муж, она отставила деревянную лопату и пучком сухой травы принялась старательно счищать навоз со своих дырявых торбасов.

Нахмуренный Павел остановился у стола, извлек из-под тулжурки кусок мяса, завернутый в сено. Это было все, что он принес от тойона.

— Вчера хозяева варили мясо. Вот моя доля! — угрюмо произнес муж. — Больше старик ничего не дал.

Марба не проронила ни слова, удивленная и возмущенная скупостью старого богача. Затем разрежала мясо. Лучшую часть протянула сынишке. Себе тоже отделила крохотный кусочек и принялась медленно жевать, сглатывая безостановочно набегавшую слюну. Она была настолько голодна, что готова была съесть лежащее перед ней сено только потому, что от него пахло вареным мясом.

— Хозяйка, чай-то у тебя кипяченый?

— Наверное, вскипел.

— Тогда наполни мою кружку.

Марба взяла с шестка булькающий чайник, поставила его на стол и разлила кипятком по чашкам.

— А молоко забыла?

— Нету. Со вчерашнего дня Пеструха бросила доиться.

— Неужели мы дошли до того, что будем сидеть на одном пустом черном чае?

— Видимо. Где же раздобудешь ее, эту капельку молока, чтобы забелить в кружках черноту?

— Интересно бы знать, почему это у других хозяек коровы доятся всю зиму? — рассердившись, поинтересовался Павел и отодвинул недопитую чашку.

Он нахмурился, встал из-за стола и ничком упал на неразобранную постель.

— Почему ты выбрал в жены именно меня? — сдержанно спросила Марба. — Надо было поискать женщину, которая умеет ухаживать за скотом так, что коровы доятся до весны!

— Ты, вертлявая ломака, наверное, очень небрежно, неласково относилась к нашим бедным коровкам. Может быть, даже испортила их?..

— А ты чего смотрел! Надо было самому доить. Чтобы твои узкие глаза-щели раздвинуло!

— Ты мои глаза и лицо не облаивай!

— Коровы никуда не подевались, в хотоне стоят. Иди, попытайся сам, если такой умный, может что-нибудь и выдавишь!

— Я сначала ремнем исполосую тебе все лицо! — угрожающе привстал с орона Павел.

— Бей, хлещи невинную! — начала причитать Марба и заплакала. Залубеневшим от грязи платком она утирала слезы и беззвучно всхлипывала.

Один лишь Чычах, отведав отцовского гостинца, повеселел. Он проворно взобрался на шесток камелька и занялся там лучинками.

За годы, прожитые вместе, Павел и Марба ни разу еще так серьезно не ссорились. Сердитый голос мужа показался женщине чужим, грубым. Ей подумалось, что мир настроен к ней враждебно, все отвернулись от нее и ждут только подходящего случая, чтобы чем-нибудь досадить ей, напакостить. Марба посмотрела вокруг себя затуманившимися глазами и ей представилось, что знакомые вещи плачут вместе с ней.

Павел долго лежал неподвижно и подавленно молчал. Вспышка гнева его давно улетучилась. Он спросил спокойно и раздумчиво:

«

— Чем же мы станем кормить ребенка, если не стало молока?

— У мальчика есть дедушка. Отнеси Чычаха к нему,— вздрагивающим голосом ответила Марба сквозь слезы. Худенькие, опущенные плечи ее тряслись.

— Возможно, и у старика коровы перестали доиться?

— Ну, и что же особенного? У твоего отца найдется ячменная мука. Малыша будут кормить мучной похлебкой.

— Каково ему, бедненькому, будет без матери? — после продолжительного молчания глухо произнес Павел.

— Выходит, ребенок пусть лучше умрет с голоду на руках у матери?

— Да, ничего не поделаешь! Иного выхода нет! — с горечью сказал Павел. — Пусть мальчика отныне воспитывает старый дедушка. Мы-то перетерпим, перебьемся...

— Правильно! Возле этого тощего скота с голоду нам пухнуть, что ли? Коров отдадим отцу. Их молоком он станет вдосталь поить нашего мальчика... Я опять пойду скитаться по чужим дворам, как-нибудь заработаю себе на питание и на одежду! — выстрадано говорила Марба.

— Быть по сему! — тоскливо откликнулся Павел. Сгорбившись, он о чем-то глубоко задумался.

IV

Павел и Марба отнесли маленького Чычаха к старому Талкы. Пусть дед воспитывает внука. Отцу Павла отдали также на прокорм двух коров и теленка.

Павел натянул на голову потертую заячью шапку, взял с лавки большие рукавицы из конской шкуры и с болью в голосе произнес:

— Ну вот... Мы и расстаемся с тобой, дружочек Марба!

Он взялся было за дверную скобу, но повернул к жене свое грустное лицо и тихо проговорил:

— Дружочек мой, наведайся к Туораах. Краем уха я слышал, что женщина, батрачившая у них, перешла к другим. Им, наверное, нужна хамначитка убирать навоз и делать другую черную работу. Ступай к ним, может и примут. Еще сказывают, что они хорошие хозяева. Но не забывай о сыне. Выбери время, попроведай его, навести. Я с

тобой, возможно, тоже буду изредка встречаться.

Так уж издавна повелось у жителей дальних глухих улусов. Не прибавив больше ни слова, ничего не пожелав жене, ничего не наказав ей, Павел протяжно вздохнул и, не попрощавшись, рывком распахнул дверь. Тотчас с улицы в юрту хлынул морозный туман, густой пеленой растекаясь под ногами. Когда дверь захлопнулась, туман бесследно растворился.

Старый Талкы неподвижно сидел в углу, словно не слышал, как ушел сын. Марба не в состоянии была удержать слезы. Она прижала к груди своего ненаглядного сыночка.

— Чычах! Птенчик мой, Чычах! — надрывно приговаривала несчастная женщина, качая и нюхая ребенка.

— Беднякам не к чему баловать своих детей! — беззубым ртом прошамкал сгорбленный, седоголовый Талкы.

Он с кряхтением пересел поближе к камельку и кончиком ножа принялся разминать на заскорузлой ладони нюхательный табак. Зарядив нос понюшкой, усиленно задвигал бледными бескровными деснами, словно что-то старательно разжевывал.

— Ну, деточка, сыночек мой, теперь ступай к своему дедушке, — опутив мальчика на пол, чуть слышно произнесла Марба.

Выпрямившись, она насухо вытерла слезы, раскурила трубку и напялила на себя свою чиненую-перечиненую шубейку с подкладом из протершихся заячьих лапок. Голову она повязала лоскутом, отдаленно напоминающим шаль, которая, надо полагать, когда-то имела рисонок и расцветку.

Подобно мужу, Марба, не прощаясь, повернулась и вышла из юрты.

Когда чуточку развиднелось, старый Талкы потащился на Мугуратах, где стояла покинутая людьми юрточка. Надо было, не мешкая, перевезти к себе отсюда остатки сена.

С того дня Павел стал постоянно работать у тойона Василия. Марба нанялась хамначитить к наследным толстосумам Туораах, усадьба которых была не так уж далеко от старика Талкы.

Бедная женщина сверх всякой меры была занята работой в коровниках богача и никак не могла урвать свободную минуту, чтобы сходить попроведать своего ненаглядного ребенка или навестить мужа.

С самого раннего утра до позднего вечера Марба выгребала навоз из просторных хотонов. Изредка, разогнув ноющую поясницу и тяжело опершись на отполированный до блеска ее ладонями черенок лопаты, Марба с накопившейся болью на сердце шептала: — О бедненький мой Чычах, маленький птенчик!.. О бесценное мое дитятко! Как ты там? Здоров ли? Весело ли звучит твой нежный голосок?

На отроге хребта Мугур-атах виднеется покинутая юрта Павла. Дверь ее распахнута настежь. Переставшая дымить труба камелька закуржавела. Незряче смотрят в тайгу пустые проемы окон. Вокруг трещит мороз, беснуются снежные вихри, завывают жестокие пурги. На снегу у жилья — ни одного человеческого следа.

V

Наконец наступило благодатное лето. Все это время маленький Чычах находился у своего деда Талкы. Старик жил один. В зимнюю стужу он сам выгребал из хотона навоз, сам доил коров, подвозил сено, запасал и рубил дрова, готовил скудную пищу. Летней порой старик тоже обходился без посторонней помощи. И сутками пропадал на покосе, запасая корм скоту.

Талкы редко навещался в свою покосившуюся юрточку. Внучек Чычах с рассвета до темна был предоставлен самому себе. Делай все, что ни вздумается. Можно петь, бегать, кричать, скакать, плясать — никто слова не скажет.

Дедушка заглядывал в юрту изредка, и то по делам. Будто солнышко, заходящее за гору, с грустью смотрел он на черномазого мальчика.

Как-то погожим росным утром старый Талкы по привычке подпер колом дверь юрты и отправился на покос. Чычах остался один и делал все, что ему хотелось. Сначала он со смехом бегал вокруг камелька, потом увлекся игрой. Ларь, стоящий за очагом, он вообразил дедушкиным жилищем. Дверь, ведущая на улицу, представилась помещьем Туораахов, а заплеванный пол под столом получил название юрты тойона Василия. Мальчик играл — «ходил к соседям в гости». Зажав меж ног палку с обгорелым концом, которой перемешивали угли в камельке, он вприпрыжку мчал «верхом на длинногривом же-

ребце». Путь его лежал от Туораахов к именитому старцу Василию.
— Ат!.. Ат!.. Ат!.. — погонял Чычах воображаемого рысака.

Взбивая голыми пятками пыль, он носился по юрте. Взмахнув прутиком, зажатым в кулаке, малыш невзначай зацепил на столе фарфоровую чашку. Чашка упала на пол и разлетелась на мелкие куски. Какая тут печаль ребенку? Звонко распевая, он залез под стол и принялся собирать в кучку блестящие черепки. Малюсенький осколок с ополовиненным синим цветочком понравился мальчику больше остальных. Он прятал его в рот за щеку.

Летнее солнце поднималось все выше. Жаркие лучи его вскоре проникли в крохотное окошко и золотыми опилками рассыпались по пыльному полу. Солнце грело и Чычах сладко задремал, свернувшись клубочком. Неожиданно на него напал приступ кашля. Глубоко вздохнув, ребенок вместе со слюной проглотил стеклышко. Дыхание тотчас перехватило. Мальчик испуганно открыл глаза, с плачем вскочил, хрипло, приглушенно закричал. Затем схватился ручонками за горло. Из рта потекла кровавая слюна...

Талкы возвратился с покоса поздно вечером. Перепачканный кровью ребенок распластался на полу. Дышал он натруженно, с хрипом. Увидев посиневшего, умирающего внука, дедушка похолодел от ужаса.

— Дорогой птенчик мой, Чычах, что с тобой? Бледный, обессиленный мальчик не мог говорить. Он лишь тыкал пальчиком в горло и жалобно, умоляюще смотрел на старика, словно просил: «Дедушка, милый, спаси!» На ресницах мальчика дрожали слезинки.

Талкы бережно подхватил худенькое обмякшее тельце. Перенес Чычаха на орои. Затем, сгорбившись и непрерывно кашляя, он старческим мелкошагьем побегал к шаману Тэрэнтэй, который жил поблизости.

Вскоре Талкы возвратился с шаманом. Тэрэнтэй был полуслепой старик с пожелтевшими от времени седыми волосами. Неопрятными вихрами они топорщились на голове, спускались ниже плеч. Веки, красные, вывороченные, изъедены трахемой. Неприятный с виду старик был одет в засаленную до блеска рубаху и штаны из телячьей кожи.

Талкы быстренько вскипятит шаману свежих сливок. И только сейчас разглядел раскиданные на полу обломки фарфоровой чаш-

ки.

«Неужели мальчишка проглотил осколок?» — мелькнула догадка.

Однако он воздержался вслух высказать свое предположение и заметил шаману:

— Вот, старина, заболевший ребенок. Осмотри его и лечи как умеешь!

— Где он? — поинтересовался Тэрэнтэй, незряче поводя подслеповатыми глазами.

Талкы взял шамана за руку и подвел к Чычаху Тэрэнтэй ощупал податливое тельце ребенка, затем несколько раз пронзительно свистнул, закричал гагарой, два раза устрашающе рявкнул, наводя жуть на Талкы. После этого скупое пояснил:

— В мальчишку вселились и донимают его черти, которые обитают на далеком севере.

— Поусердствуй, старина, выгони их из внука. Мы уж не поскупимся.

— Ты не забыл вскипятить еще сливок? Мне надо хорошо подкрепить силы перед дальней дорогой в страну духов. Скоро начну камлание! — говорил Тэрэнтэй, принюхиваясь. Хозяин юрты засутил-ся. Налил в горшок сливки и поставил на раскаленные угли.

«Нечего стесняться! — размышлял шаман. Нахохлившись, он сидел на ороне и наблюдал за Талкы. — За жизнь внука он даст дорогой выкуп. Одна девчонка еще прошлым летом упоминала, что возле этой юрты пасется славный крапчато-пестрый теленок. Теперь, наверное, сильно подрос».

Тэрэнтэй всласть, до тошноты, напился густых с румяной пенкой сливок, сыто рыгнул и важно приказал:

— Приготовь мне седало, старик!

Талкы подкатил к орону, где лежал Чычых, чурбанчик. Затем передал шаману пучок белых волос из конской гривы. Тэрэнтэй разделил их на четыре части. Три из них с разных мест бросил в огонь. Зажав четвертый пук в кулаке, шаман вскочил, трижды по-разбойничьи свистнул и деланно громко, протяжно зевнул. Но вдруг его будто больно укололи. Тело Тэрэнтэя затрясла мелкая частая дрожь. Кривляясь и истерически вскрикивая, он начал камлание:

— Жиганские тетушки северного края велели передать, что они могут возвратиться в свои выюжные морозные урасы, лишь тогда, ког-

да, из уважения к ним, в жертву будет принесен сизый, крапчато-пестрый бычок!

Беснуясь, шаман произносил эти слова четко, отдельно. Смысл их был вполне понятен Талкы.

— Улетайте, возвращайтесь обратно туда, где высокие, до звезд, потолки и широкие, необозримые усадьбы,— продолжал камланить Тэрэнтэй.— Ваше желание мы выполним — принесем в жертву сизого, крапчато-пестрого бычка... Светлую душу ребенка по имени Чычах держу я в своих руках. Если вы, двою-тые, не дадите за нее дорогой выкуп — бычка, я уйду отсюда навсегда, унесу с собой душу мальчика и причиню живущим здесь много плохого!

Талкы казалось, что это пророчески говорит невидимый, грозный дух и у него от страха тряслись колени, стучали зубы.

— Даю!.. Даю!.. Смилуйтесь, успокойтесь, возликуйте! Об этом я, Тэрэнтэй, умоляю вас, небожители.

Перепуганный Талкы безропотно заколол бычка в жертву всемогущим духам. Шкуру и рога шаман велел повесить на большой лиственнице, что росла на самом берегу тихого глубокого озера. Все мясо Тэрэнтэй унес с собой, даже внутренности не оставил.

«Теперь мой внучек выздоровеет!» — веселея, подумал Талкы, когда шаман ушел.

Однако Чычах продолжал метаться, как одержимый, хрипел, лоя раскрытым ртом воздух.

На рассвете маленький Чычах умер.

Старый Талкы не мог плакать. Он собрал все доски, какие только сумел найти. Кручеными, гибкими талинами стянул игрушечный гробик и положил в него Чычаха. Одевшись, старик понес внука в глухую, непролазную чащу из молодого лиственничника. Там, вдали от постороннего взгляда, он закопал внучонка в сырую замшелую землю.

— Шалунишка, тебя отобрала у нас необычная смерть. Поэтому не заслужил ты милости, чтобы тебя похоронили на высоком, сухом, издалека видном месте. Лежи, истлевай здесь, в чащобе, куда не просунет свой чуткий нос даже собака. Пусть твой отец и мать понапрасну не проливают слез, сойдясь на том месте, где спит их милое дитя. Пусть место, где зарыл я тебя, не приметит самый глазастый, не услышит самый ушастый! — заклиная, наговаривал Талкы и забросал

гробик земель.

Покончив с этим делом, старик с оханьем и стонами распрямился. Потоптавшись, он тяжело вздохнул и понуро побрел к своему убогому жилью, согбенный и жалкий в своем неразделенном горе.

VI

Стада разномастных коров столпились вокруг окутанных сизыми облаками дымокуров. Только здесь, в дыму, животные находили спасение от мошек и комаров.

В просторном загоне тойона Туораах шум и суета.

Загон расположен у подножия цветущего плодородного взгорья. Оно клином вдалось в привольно раскинувшуюся долину. На равнине купами вознеслись к небу стройные величавые лиственницы. Курчаво зеленое нарядные березки. Белые стволы их напоминают стержни, отлитые из чистого серебра.

Волосной веревкой Марба ловит коров. Животные ошалели от укусов оводов и комарья. Когда петля затягивается на горле, они брыкаются, бодаются. Марба силой выволакивает их из круга, уходит под навес и зажав в коленях грязную берестяную посудину, выдаивает молоко.

Жена тойона Туораах, красноглазая женщина с грубым матово-белым лицом, тоже доит коров и резким неприятным голосом покрикивает:

— Эй, девки! А ну, живей шевелись! Эй, ты, бельмастая, лови рыжебокую!.. Ты, плоскогрудая, чего руки опустила?

Одна из женщин-хамначиток поспешно направилась на гарь. Там еще паслись коровы. По пути она придержала шаг возле Марбы и тихо произнесла:

— Вчера я побывала в краях, где живет старый Талкы, и услышала страшную весть...

— Какую? — насторожилась Марба.

— Люди рассказывают, что твой ребенок, маленький Чычых, умер от несчастного случая.

Сердце женщины мучительно заныло. В груди стеснило, точно вдруг нечем стало дышать. В ушах зазвенело, а лицо покрыла бледность. Бедную, онемевшую Марбу бросало то в холод, то в жар.

Она конвульсивно дернулась и задела рукой берестянку с парным молоком. Берестянка опрокинулась и по земле растекалась белая лужа. — Эй, ты, худолицая, неловкая чертовка! Пролила, проклятая! — пронзительно завизжала жена тойона, будто ей бык наступил на ногу. — Весь удой пролила, жаба!

Неожиданная весть потрясла Марбу. Навалившееся разом горе острым ножом вонзилось в сердце. Женщина стояла, будто окаменев, не в состоянии вымолвить слова.

— Что ты, хозяйка, она ведь не нарочно! — вступились за Марбу другие хамначитки. — Нечаянно за дела. Не надо поносить так бедную. У нее ужасная беда...

— А вы чего суετε носы не в свои дела? Ишь, еще хватает совести говорить своей хозяйке: «Не надо поносить так бедную!» Какая такая ужасная беда подкараулила ее? Ничего особенного! Парнишка напихал в рот черной земли — отравы! Вот и все! — никак не могла уgomониться жена Туораах, выгонявшая из загона корову.

Марба решила немедленно идти в юрту старого Талкы, последний раз глянуть на сыночка.

— Я пошла! — решительно заявила она и засаленным рукавом вытерла глаза.

— Только посмей долго проваляться там и опоздать к утренней дойке! — пригрозила ей хозяйка.

Узенькой тропкой Марба торопливо шагала вперед. От летника тойона Туорааха до юрты Талкы считалось два кес или двадцать верст. Несчастливая женщина всю дорогу плакала. Слезы застили свет и она плохо соображала, куда держит путь. Марба машинально переступала через упавшие поперек тропки сучковатые лиственницы, брела по низинам, где влажный мох был усыпан толстым слоем золотистой хвои. Она безбоязненно ступала на каменистые осыпи горного кряжа.

С одной стороны от нее непрерывным частоколом возвышались могучие деревья. Метелки яркозеленых вершин будто подметали засоренное облаками небо. С другой стороны — широко раскинулась старая гарь. На ней вкривь и вкось стояли мертвые деревья. Марбе представлялось, что и корни, и обуглившиеся ветви, и пожухлая хвоя — все безмолвно скорбели вместе с ней и тихо беззвучно плакали в порыве безутешного горя.

Где бегом, где скорым шагом Марба быстро приближалась к заветному для нее месту. Сердце женщины болезненно замирало, словно ее ожидало что-то невообразимо жуткое в юрте старика Талкы.

Сдерживая дрожь, она вошла в жилище и спросила, поводя вокруг себя обезумевшими глазами:

— Где же тут мой мальчик? Где мой птенчик Чычах?

— Твоего Чычаха не стало! — прокашлявшись, сурово произнес Талкы и до боли стиснул беззубые десна.

— Что ты там бормочешь, старик?.. Кого не стало? — упавшим голосом спросила Марба.

Шагнув на подгибающихся коленях, она обессиленно опустилась на холодный шесток камелька, уткнулась лицом в скомканный платок и безудержно разрыдалась.

— Голубушка, не надо плакать. Знать такая плохая судьба ему выпала!

— Где могилка моего птенчика?

— Не спрашивай! Не к чему тебе знать!

— Почему скрываешь от меня? Зачем? Я хочу хоть разок глянуть на могилку, где зарыт мой птенчик Чычах... Куда спрятал его, старик? Скажи! Все равно найду!

— Голубушка, успокойся! К нему дороги нет! Слез своих зря не проливай. Нехорошо он умер. Даже крапчато-пегий бычок не помог! — сказал Талкы, тоже не утерпел и всхлипнул.

— Отчего погиб мой птенчик?

— Он подавился осколком разбитой чашки.

— Мне все равно, как умер мой птенчик, мой мальчик!.. Покажи, где ты похоронил его?

— Голубушка, перестань об этом думать. Проказник решил спрятаться от тебя. Ну, и пусть прячется так, чтобы не увидели его зрячие, не проводали о нем чуткие! — шамкающе заключил старик и вышел из юрты.

Марба некоторое время о чем-то напряженно думала, затем торопливо вскочила и побежала к восточным этехам. Не найдя там чего искала, она по очереди обошла все ближайшие кладбища. Свежего могильного холмика нигде не было.

Оступаясь и запинаясь, Марба устало брела по гари и все

поглядывала по сторонам. Вокруг женщины возвышались молодые стройные лиственницы, одетые в свежую яркую зелень. Под корнями их дотлевали, превращаясь в труху, давно упавшие деревья. Дальше, за гарью виднелись сплошные заросли цепких кустарников. Над зубчатой кромкой тайги краешком показалось восходящее солнце. Щедрые лучи его расплавленным золотом обрызгали обширную мрачную гать. Но ночь еще не кончилась: в тайге ни птичьих голосов, ни шорохов, ни шелеста. Повсюду тишина и покой.

Разбитая, опустошенная, Марба сидела на подгнившей валежине. Вспомнив, что навсегда потерял ее ненаглядный, единственный сыночек, порожденное ею солнышко, женщина громко надрывно запричитала:

— О-о-о! Крошечка моя, Чычах! О-о-о! Чычах, птенчик мой! О-о-о! Вымученный вопль женщины тотчас подхватывают таежные дебри. Звучное голосистое эхо разносит человеческие стенания по горам и долинам. Протяжное стонущее «о-о-о», постепенно затихая, мчится куда-то далеко-далеко.

Марба, как помешанная, блуждала по гари, плакала, причитала, жаловалась на свою горькую судьбину и наговаривала:

— Беда!.. Для чего меня родили? Зачем я живу на этом проклятом свете!.. Когда-то я мечтала, что разожгу священный огонь в своем камельке. Собиралась заселить детьми свою юрту... Но ничего не получилось. Муж мой стал табунщиком, а я — коровницей. Мы гнем спины на жадных тойонов, на Василия и Туорааха. Наша дружная семья распалась. Брошенная юрта развалилась... Чычах, снегирек мой, теперь ты бродишь один без надзора и без присмотра. А ведь у тебя были отец и мать. Но они без конца добывали пропитание у чужих людей. Злые духи подкараулили тебя, мой птенчик... О-о-о! Как мне тяжело, как горько!

Протяжное, надсадное «о-о-о», будорожа утренний покой, по вершинам деревьев растекалось все дальше, достигая дальних отрогов гор. «О-о-о» — сочувственно откликались страдающей женщине долины и распадки.

Где-то в розовеющей утренней сини уже ожили бесчисленные рои мошкары.

— З-з-з! — затянули они свою нудную, нескончаемую песенку.

Остатки сил покинули измученную Марбу. Сознание померкло. Она

опустилась под деревом на влажную траву и уронила голову на согнутые колени. Дрема незаметно охватила ее. Откуда-то сверху, растекаясь все шире, полилась красивая, печальная песня.

З-зы-зы, зы-ы-ы-ы! Гляньте:
К нам приближается
Лучезарная пора.
Обездоленные и обиженные —
Объединяйтесь!
Сами станьте хозяевами
Необъятных тучных полей
И огороженных густотравных угодий.
Да будет у вас обилие скота,
И пастбища станут прогибаться под ними!
Долины будут топтать табуны
Долгогривых коней.
Зы--ы-ы, з-ы-ы-ы.
Гляньте:
К нам приближается
Лучезарная пора!
Возвыстесь головами
Над бессердечными тойонами Василиями!
Станьте господами
Над противными баями Туораах!..

Когда Марба открыла глаза, солнце уже поднялось высоко и сильно припекало.

— Оксе! Я, кажется, запоздала к утренней дойке? — сказала она. Женщина проворно вскочила и быстро пошагала вперед, сурово сдвинув к переносице брови.

1920 г.

Якутские рассказы.
Якутск, Якутское Книжное Издательство, 1962
Пер. с якут. Ю.Шамшурин С. 44-65.

СЕМЕН СТЕПАНОВИЧ ЯКОВЛЕВ - ЭРИЛИК ЭРИСТИИН
(1892-1942)
Хачыгыр

Ячмень был ссыпан в берестяное лукошко. Наклонившись, Хачыгыр захватил очередную пригоршню зерна и потихоньку принялся сыпать его в отверстие ручной мельницы.

— Стало быть, девятая! — пробормотал Хачыгыр, раскручивая держак.

Чтобы удобнее было работать, мальчик стал на чурбанчик, заменяющий табурет. Грязное, тощее тело его едва прикрывала рубаха, когда-то пошитая из китайской дабы. Рубашонка давно износилась и свисала с плеч лохмотьями.

Высоко устроенные жернова издавали грохот, будто тяжело нагруженная телега катится по неровному мосту. Звук этот постепенно ослабевал, становился мягче и вскоре перешел в равномерное шипение.

Хачыгыр снова набрал в пригоршню зерна из своей берестяной посуды и ссыпал в отверстие. Продолжая вращать жернов, он сделал еще одну зарубку — седьмую по счету. Отметины мальчик царапал на оконной льдине указательным пальцем. Сплошь покрытое мохнатым инеем, окошко почти не просвечивалось. В последние дни иней с него не счищали.

Мальчик приподнял и встряхнул вытянутой рукой лукошко, проверяя, сколько еще осталось ячменя, и вздохнул. Зерна было еще 65 пригоршней. Счет паренька был незамысловатый, но очень точный. Бороздки на оконной льдине появлялись после каждого десятка. Следовательно, он уже перемолол 75 пригоршней ячменя, а в посуде его осталось 65 пригоршней. Зерна было насыпано как раз под стежку из конского волоса, которым к берестянке пришили заплатку. Никакой ошибки нет. Хачыгыр понял, что дела его плохи. Он перемолол только половину данного ему «урока».

Между тем, в юрте становилось темно — уже вечереет. Скоро надо будет загонять в хотон скота. Хачыгыр приналег на держак. От чрезмерного напряжения он сгорбатился, кашель прерывал дыхание. Дело пошло было веселее. Однако уже через минуту мальчик окончательно выбился из сил. Пользуясь коротким перерывом, он запыхал

в штаны измочаленные остатки своей рубашки; штаны из телячьей шкуры тоже изодрались донельзя. После этого Хачыгыр старательно поплевал на ладони, уверенный, что это даст ему дополнительные силы, которых и раньше-то почти не было. Затем он обеими руками схватил палку-держак и, напрягаясь до звона в ушах, рванул жернова в обратном направлении. Вспышка отчаяния ни к чему хорошему не привела. Камень соскочил с оси. Из-под него теперь выскакивали почти целые зерна.

Мальчик с ужасом подумал, что он виноват, виноват вдвойне. Во-первых, не успел к намеченному сроку перемолоть отмерянный ему ячмень. И, что еще хуже, мука получилась плохая: в ней было много отрубей.

— Вот ведь проклятый жернов! — со слезами в голосе пробормотал Хачыгыр.

Раздумывать было некогда. Мальчик вынул деревянную ось и слегка обстругал ее. Потом поставил на ребро жернов, взял веревку и просунул ее через боковое ушко. Камень был тяжелый. Удерживая стон, Хачыгыр подхватил его и переставил к стенке. Бережно собрал несмолотые зерна и бросил их обратно в берестянку. Затем снял первый слой подкладки, расправил ее и установил жернов на прежнее место. Из груди мальчика вырвался вздох облегчения. Он достал из-за голенища рваного торбаса совершенно сточенный ножичек и затупил острые края стержня.

Хачыгыр повеселел и дал себе слово работать старательно, упорно. Но вот беда — донимал голод. Рано утром, перед тем как идти в хотон, он похлебал маленько жижицы из сосновой заболони, которую нашел на дне маленькой деревянной чашечки. Больше во рту его не было ни крошки, и мысль о еде отдавалась в желудке тупой ноющей болью. Мальчику представлялось, что живот его прилип к позвоночнику. Сегодня он, кажется, устал, как не уставал никогда. Мозг туманила дремота. Ночью он спал плохо и мало. Да разве уснешь спокойно, когда под лохмотья, служащие одеялом, забирается мороз?

Иногда отупевший ум мальчика озаряло удивительно яркое видение — стол, сплошь заставленный яствами. Хачыгыр видел кушанья так отчетливо, что невольно протягивал к ним дрожащую руку. У этого мальчика есть одна-единственная мечта: хоть раз бы покушать досы-

та! Вдосталь, до ломоты в животе! Иных желаний у него нет. Чтобы несколько заглушить разыгравшиеся муки голода, Хачыгыр, опасно оглянувшись, бросил в рот несколько зернышек, твердых, как косточки. Начал торопливо жевать.

Просторный хотон уже обветшал. Сгнивший потолок провис серединой. Чтобы он не обрушился, пришлось подставить подпорки. Но и они уже прогнулись. Крохотные оконца сплошь залепил иней. В хотоне сыро. Остро пахнет навозом. Из темной глубины помещения донеслось протяжное мычание годовалого теленка. А мальчику представляется, что он зовет:

— Хачыгыр, подойди ко мне...

— Да ну! Милый ты мой, голубчик! — произнес Хачыгыр, не поворачивая головы. — А это ты, сын коровушки по кличке Чампараак?

Мальчик бросил осточертевшую мельницу и по неровному настилу побежал к противоположной стене, где была устроена загородка для молодняка. Причмокивая губами, он обошел всех телят, сложил обратно в кормушки раскиданное сено и убрал с пола навоз. Наклонившись, Хачыгыр нежно поцеловал в лоб пестрого бычка. — Голубчик! — жалобно проговорил мальчик. — Мне некогда. Я очень тороплюсь и ты меня больше не зови!

Мимоходом он провел ладонью по мягкой шерстке теленка и бросился вон из хотона. У двери он на мгновение задержался, прислушиваясь. В жилой юрте тихо. Лишь с шумом и треском пылает огонь в камельке. Хачыгыр подбежал к мельнице и вскочил на помост из чурбанчиков. Прислонившись голым, вздутым животом к мукомольному столику, называемому даарда, он снова налег на ненавистный держак. Чтобы хоть чуточку было удобней крутить жернов, мальчик попеременно поднимал плечи с маленькими узелками мышц. Голова его с косматыми, никогда не стриженными волосами моталась из стороны в сторону. Как человек, познавший все капризы мельницы, Хачыгыр крутил ее равномерно, не спеша. Беда, если жернов опять соскочит с оси.

В мозгу мальчика, подобно течению речки, непрерывной чередой струились мысли. Особенно отчетливо з памяти воскресают картины прошлого... Хачыгыр родился километрах в двадцати от места, где ютится теперь. Там есть маленькая поляна, наглухо окруженная лесом. На холме, что возвышается с северной стороны елани,

была усадьба. Здесь жили отец, дед и прадед Хачыгыра. Они раскорчевали небольшой участок тайги под пашню. С запада, у опушки леса, среди обгорелых пней, выросла в землю малюсенькая юрточка с прилепленным к ней хотоном. Вход был один, общий и для людей, и для скота.

В жилой половине строения один угол занимал камелек, сбитый из глины. На все стороны света подслеповато смотрели по два крохотных оконца. Человеческое жилье это мало чем отличалось от собачьей конуры. В нем-то и жили в былые времена Хачыгыр, его хромоногий отец-кожемяка, слепая хвора́я мать и меньшой братишка по имени Чооруос.

Юрточка да две коровы составляли все богатство семьи.

Лишь в родном аласе Хачыгыр изведal, что такое свобода. Тогда его никто не ругал и не бил. Вспомнилось мальчику, как его слепая мать Ирина, ощупывая все руками, пробралась в темный угол, нашла там кривой тупой нож-скобель. С минуту она стояла неподвижно, прислушиваясь, затем бесшумно подобралась к козам, которые выделывал отец. Ловкими, быстрыми пальцами она отыскала края кожи, содранные с ноги животного, и тотчас отрезала небольшие полоски. С самым невинным видом мать подошла к камельку и положила на угли украденные кусочки. Она терпеливо переворачивала их, вытаскивала, чтобы соскрести обгорелые края и счистить уцелевшие шерстинки.

Конечно, самый вкусный кусочек поджаренной сыромяти доставался любимому сыночку Хачыгыру. Об очередной проделке матери отец узнавал тогда, когда вонь горелой кожи достигала его носа.

— Эти озорники опять стянули кусочки шкуры и пекут на огне! — сердился отец. — Вы опять подведете меня! Грозный Константин Скупердяй будет ругаться, что кожа его уменьшилась!

Слепая, изможденная мать вдруг резко оборвала отца:

— Суоджах! Будь ты проклят! Опять заладил свое!

В то благодатное время Хачыгыр не знал еще, что такое непосильный труд.

Зимой, когда начинались трескучие морозы, они беспрерывно подбрасывали в камелек хворост, который еще летом наносил к юрте отец. Возле огня тепло. Можно было спокойно слушать, как за стенами юрты гудела непогода. Хачыгыр с братиком Чооруос на ледяном

окне, затканном инеем, рисовали часовенку Константина Скупердяя. Ее Скупердяй построил недавно в местности Кёмёрдах. Хачыгыр видел эту часовню, когда ему исполнилось семь лет и отец водил его к попу причащаться.

Чооруос рисовал, стараясь, чтобы получилось в точности, как у старшего брата. Хачыгыр говорил ему:

— Совсем ты дурной! Не так у тебя! — и зачеркивал нацарапанное Чооруосом.

Малыш громко плакал. Мать мягко, просительно сказала:

— Сынок Хачыгыр, зачем обижаешь своего маленького друга?

Когда наступало тепло и лиственницы повсюду покрывались зеленой хвоей, Хачыгыр и Чооруос на лугу Кыбыттар гонялись за пестрыми бабочками, охотились на кузнечиков и саранчу. Отец рыбачил. На озере он вершами ловил щук. Когда он возвращался с хорошим уловом, все наедались досыта. Причем каждый старался, чтобы лучший кусок достался другому. Они говорили друг другу:

— Бери вот эту рыбку, она повкуснее!.. Этот мягкий бочок пусть он съест!..

Две коровы, не дожидаясь пастуха, сами приходили к юрте с пастбища. Впереди непременно шла Таранка. За ней лениво тянулась другая. Достигнув границы между Тураннаахом и местностью Кыбыттар, Таранка останавливалась и громко мычала, словно предупреждала: «Мы идем, встречайте!» Услышав этот знакомый сигнал, слепая хозяйка проворно подхватывала свое берестяное ведро и вешала его на локоть. Постукивая тросточкой по земле, мать направлялась к летнику. На ходу она ласково отзывалась на голос коровы:

— Иду, голубушка, иду моя Таранка! — приговаривала она. — И ты шагай побыстрее, любимица ты моя! Молока, видимо, много несешь, поэтому и зовешь меня громко!

Так они и жили—бедно, но дружно—на своей тесной полянке.

Однажды летним вечером Таранка не замычала, как обычно. Обеспокоенные хозяева нашли ее за изгородью. Корова билась в предсмертных судорогах. Остекляневшие глаза ее были вытаращены. Огорошенные внезапным горем, отец и мать засуетились вокруг кормилицы. Под лопаткой Таранки что-то хрустело. Тело ее вздулось, опухло. Из носа обильно текла сукровица.

— У Таранки «бабушка»! — определил отец.

Чооруос не понял зловещего смысла этого знакомого слова. Недоумевая, он спросил:

— Бабушка? Что это такое? Разве «бабушкой» коровы болеют?

Мать, которая никогда не сердилась и не ругала детей, в отчаянии закричала:

— Дурак ты! Нельзя так говорить! — и даже замахнулась на Чооруоса посохом.

Корова тяжело, прерывисто вздохнула, копытами задних ног взбила пыль и—издохла. Домочадцы стояли вокруг кормилицы и молча плакали. Потом отец велел детям насобирать побольше хворосту. Он навалил на Таранку большую кучу сушняка и поджег его. Корова сгорела, а родители все стояли возле того места и плакали.

Вскоре после этого несчастья, со стороны Тураннааха, к юрте подъехал всадник. На лошади его был узорно расписанный чепрак, кычым из дорогого сафьяна. Седло украшено червленными серебром. Конь сине-гнедой масти выступал горделиво. Седок оказался солидным человеком с румяным лицом. Миновав ворота, он медленно слез с иноходца.

Хачыгыр и Чооруос быстренько юркнули в титиик и прильнули к щелкам, через которые было все отлично видно.

Приехавший господин, ведя коня в поводу и грузно ступая красивыми торбасами, подошел к юрте и постучал в дверь серебряной рукоятью плети.

Отец Хачыгыра издалека заприметил гостя. Он надел на себя новую куртку из телячьей кожи и вышел навстречу приехавшему. Широкий влажный лоб его блестел на солнце.

— Здравствуйте, господин! — с поклоном приветствовал он гостя.

— Ты что, забыл про деньги, которые брал у меня наперед? За них ты обещал построить амбар! — громко произнес важный господин.

Хачыгыр помнил, что отец года два назад в самом деле строил двухкомнатный дом бывшему наследному князю Василию, которого прозвали Бачыгыратар. Отец почти закончил всю работу, но, на беду, поранил топором колено. Больше года он не мог ходить — лежал в постели.

— Господин мой, — смиренно ответил отец. — Мое хозяйство совсем разваливается. Моя семья в большом горе. Недавно от сапа пропала лучшая корова. У нас теперь осталась всего одна худая скотинка... Я

брал у вас в долг двадцать рублей. За них я работал весну и осень. Совсем было закончил амбар, да увечье помешало... Если посчитать, то я мало вам должен.

Отец снова поклонился. Но господин покраснел и начал громко поносить отца. Потом схватил его за воротник и стукнул рукояткой плети. Отец не сопротивлялся. Злой господин бросил свою жертву на землю и принялся хлестать по голой спине. Наконец, он отпихнул отца ногой, сел на коня и его крупное, рыхлое тело заколыхалось в седле.

Через несколько дней к ним приехал десятник того рода Алексей Долговязый. За долг свирепому господину он забрал у отца Хачыгера последнюю корову.

Обнищавшая семья кожемяки, чтобы не умереть с голоду, разбрелась по миру, кто куда. Бедный Хачыгер попал к Константину Скупердяю.

С тех пор, как юрта на маленькой полянке опустелаю. Миновало два года. Тогда Хачыгеру было одиннадцать лет. Недавно ему исполнилось тринадцать.

Нерадостные думы о прошлом одна за другой проплывали в гудящей голове. На глаза крупными дробинами навернулись слезы. Оставляя извилистые борозды, они ползли по грязным ввалившимся щекам. А руки продолжали безостановочно вертеть жернов. Хачыгер вздохнул, судорожно скривив рот, и вытер глаза засаленным рукавом рубашки.

Между тем, число черточек на окошке, показывающих счет пригоршням, постепенно увеличивалось, а ячмень подходил к концу. Хачыгер вздохнул с облегчением, распрямил занемевшую спину и ссыпал муку в берестяное ведерко. Мальчик осторожно приоткрыл массивную дверь, через которую вошел сюда утром, затравленно озираясь по сторонам, направился на половину, ярко освещенную камельком. Здесь он чувствовал себя загнанно, стесненно, ходил тихо, бесшумно, стараясь лишний раз не попасть на глаза хозяйке. Хачыгер поставил муку на треногий столик, что притулился слева от камелька, и подошел к очагу. Осмелившись, он протянул к живительному огню руки с растопыренными пальцами.

По сравнению с сырым, противно воняющим хотоном, бревенчатый дом показался Хачыгеру просторным и светлым. В двух

стенах его было прорублено по три окна. Под иконами стоял четырехугольный обеденный стол. Мальчику здесь все представлялось прекрасным, но недоступным.

Возле камелька сидела старуха-хозяйка. На лбу ее выделялся нарост величиной с утиное яйцо. На щеке — фиолетовое родимое пятно, напоминающее отпечаток детской ладошки. Ноздри широкого носа походили на рот лягушки, собравшейся квакнуть. Губы толстые, оттопыренные. Волоса седые. Лицо рябое от оспы. Большой жирный живот складками обвисал на колени.

Увидев работника, старуха изменилась в лице, словно перед ней внезапно предстал непримиримый враг. А Хачыгыр, чтобы хозяйка не посчитала, что он без дела греется у очага, тотчас взял щипцы и начал подсовывать угли под пузатый медный чайник, сплошь покрытый копотью.

Эта жестокая, страшная в своей злобе старуха — жена Константина Скупердяя — Скупая Катерина, беспощадная, мстительная и вспыльчивая, она-то и являлась единовластной хозяйкой Хачыгыра. Мальчик боялся ее больше, чем абаасы.

— Оксе! Вот и важный барин навестил нас! — прошипела Скупая Катерина. — Оказывается, ты еще жив? А я-то, грешная, уже подумала, что ты поклялся не ходить сюда! Заявился!..

— Бабушка, посмотри-ка, Хачыгыр ухмыляется. Ты говоришь, а он смеется над тобой! — поспешил насплетничать мальчуган, ростом чуть повыше Хачыгыра.

Лицо у него сытое, лоснящееся, глаза блестят. Тепло, хорошо одетый, он сидел на табуретке перед камельком и что-то выстругивал из деревяшки.

— Разве этот негодяй может не смеяться над человеком? Как же, «сыну князя» трудно утерпеть, чтобы не подразнить нас, «бедных, маленьких людишек»? Ты долго еще намерен стоять и бездельничать?! Попробуй только не занести лед и не приготовить воды!..

Не меньше старухи Хачыгыр боялся мороза, но деваться некуда. Мальчик неохотно отошел от очага и с видом осужденного на казнь распахнул дверь, которая примерзла к обледеленному косяку. Едва он шагнул за порог, декабрьская лютая стужа будто ударила его тяжелым молотом в обнаженную грудь. Хачыгыр плотно сжал губы. За эту привычку его часто била Скупая Катерина. Старухе казалось, что

Хачыгыр передразнивает ее. Со смелостью отчаявшегося, полураздетый мальчик выскочил на улицу. Он бежал, раздвигая голой грудью осязаемо плотный морозный туман. Сквозь него тускло, чуть-чуть, просвечивало склонившееся на закат солнце. Над тайгой и аласами неподвижно висела стылая дымка. Местами этот «дым» клубился и бурлил, словно вода в кипящем котле. Хачыгыр зажал уши ладонями. Мороз вокруг него потрескивал, шумел и шипел, точно по раскаленной сковороде водили салом. В одно мгновение холод стальным обручем стиснул голову и больно впился в полуобнаженное тело. Мокрые подошвы торбасов тотчас заледенели.

Хачыгыр подбежал к куче льда, сложенной между двумя амбарами, но кто-то унес топор, которым он раскалывал глыбы, чтобы было легче их нести. И как на беду, нет ни одной маленькой льдинки! — Эх ты!.. Вот жалость! — всхлипнул Хачыгыр и что было духу направился по направлению к дровянику, где смутно виднелись раскиданные поленья.

Между тем, мороз ядовитыми колючками терзал тело мальчика, стеснял дыхание. Топор-колун, которым Хачыгыр дробил лед, кто-то засадил глубоко в бревно. Голыми руками взялся за топор и принялся дергать что было силы. Колун не поддавался. Тогда Хачыгыр повис на нем, зацепившись носками торбасов за жердь. Топор подался и со звоном выскочил из бревна. Хачыгыр спиной упал в сугроб. Вспахивая стынущими руками снег, он вскочил, словно обожженный, наскоро отряхнул с себя колючий снег и опрометью бросился к куче льда.

Руки мальчика сводила острая, саднящая боль. Хачыгыру казалось, что пальцы у него отвалились и он в ужасе засунул их в рот. Не успел он отогреть пальцы, уши защипало так, что мальчик взвыл. Размахнувшись, он с яростью обрушил колун на лыдину. Помогая себе коленом, вскинул и прижал к груди кусок полегче. Пошатываясь, понес его к двери. Лед тотчас примерз к телу. — Откройте! — стуча зубами, крикнул он. Никакого ответа. Хачыгыр крикнул еще, еще раз.

Бесполезно. Мальчику казалось, что тело его все туже и туже стягивают цепи. Слезы намерзли на ресницах. Наконец, дверь медленно открылась. Из-за нее выглянул любимый внучек хозяйки — Скупой Катерины. Он вытаращил свои озорные глаза и показал ба-

трачонку язык.

Изнемогающий Хачыгыр кое-как проковылял на середину дома. Его неслышно настиг мальчик, открывший дверь, и наступил на распутившуюся вязку торбаса. Дернувшись, Хачыгыр упал лицом вниз. Он ударился об пол так, что из глаз посыпались искры, и долго лежал в полуобморочном состоянии.

— Вот сатана! Сам не захотел открыть дверь, заставил ребенка, которому нездоровится. А если внучек простынет: вон ведь какой морозище!.. Ишь, ты! И лед на зло бросил на пол! Сынок, стукни-ка хорошенько по морде этого лентяя. Небось, тогда быстренько вскочит!

Сиплый голос принадлежал старухе. Она натравливала своего внука. Тот с превеликой радостью принялся колотить по спине Хачыгыра. Боль отдавалась в теле тупо и часто. Словно во сне слышал Хачыгыр приторно ласковый голос Скупой Катерины. Она поощряла своего любимого внучонка:

— Смотрите, смотрите, как он, милый мой, сжимает кулачки! Молодец, малыш ты мой!

Сдерживая стоны, Хачыгыр привстал на четвереньках, схватил льдину и кое-как положил ее на боковой стол. Не смея передохнуть, он раскрошил лед, наполнил им меднокрасный чайник и поставил на угли. Это дало ему возможность хоть немного побыть у огня. С наивной детской хитростью Хачыгыр делал вид, будто бы поплотнее укладывает в котле льдинки, а сам жадно наслаждался теплом. В это время со скрипом открылась дверь, ведущая в хотон. Следом послышался крик, чем-то напоминающий петушиный:

— Хачыгы-ы-ыр!

— Люди уже загоняют коров, а бездельник неподвижно будет стоять до тех пор, пока не подтолкнешь его! Чего доброго, опять загубит теленка! — сердито проворчала старуха и приподняла палку.

Хачыгыр без оглядки помчался в хотон. Коровы и так уже направлялись к телятам. В помещении плотным облаком висел туман. Животные шли, как слепые, и мотали головами. На шерсти их намерзли сосульки. К вымени первой буренки уже тянулся бычок. Хачыгыр ловко поймал корову за рог, угнал ее на свое место и привязал там к жерди. В этот момент годовалый телок замычал так, будто его режут. В дверях тотчас появилась Скупая Катерина и закричала, словно хищная медведица, защищающая в берлоге своих детенышей.

— Ты что там? Смотри у меня, распроклятый лентяй! Погубил, наверное, бедненького теленочка? погоди вот, я тебе задам, болячка!

Разъяренная старуха изрыгала проклятия. Хачыгыр с тоской слушал ее и продолжал заниматься своим делом.

Наконец дверь захлопнулась. Мальчику показалось, что она визгливо проскрипела: «Хачыгы-ы-ыр!» Куда спрячешься, куда денешься? Маленький, невесомый в тумане, он медленно брел к выходу, за которым его ожидала расправа. Если бы Хачыгыр услышал, как его поносила старухе, какие жуткие кары обещала обрушить на его плечи, он ни за что бы не вошел в дом. Лучше ему подохнуть от холода и голода в мрачном хотоне!

Отогревая заоченевшие ладони дыханием, Хачыгыр осмелел от мороза и храбро потянул на себя дверь. Может быть, госпожа уже забыла о нем? Вот было бы счастье...

— Ну-ка, вшивая дрянь, подойди сюда, коли появился!

Хачыгыр инстинктивно попятился, спрятался за камельком.

— Прошу вас, славная, милая госпожа моя, простите меня. Я не виновен! — сдерживая рыдания, умолял мальчик. Он готов был выполнить любой каприз, только бы избежать побоев.

— Не заставляй меня вставать! Подойди! Все равно ты не провалишься под землю и не улетишь на небо... Подойди, говорят тебе! Было, и не один раз. Если Хачыгыр мешкал, боясь хозяйки, или — еще хуже — пытался убежать, от побоев он терял сознание и его отливали водой.

— Госпожа, дверь хотона не оставляют открытой! — сделал отчаянную попытку избежать наказания Хачыгыр.

— Я повторяю: ступай ко мне!

— Когда я привязывал корову по кличке Чёрёкю, вдруг эта вредная Сааджан...

— Ты долго еще будешь стоять, словно привязанный?

— Эта самая Сааджан...

Хачыгыр вышел из-за камелька и сделал несколько робких, неуверенных шагов к Скупой Катерине. С ужасом он таращил глаза на хозяйку, которая развалившись, сидела перед очагом и играла так хорошо знакомой Хачыгыру палкой. В иное время ею старуха перемешивает угли в камельке. Голова Скупой Катерины нервно тряслась. Батраченек понял, что надеяться ему не на что.

— Славная госпожа моя, прошу, умоляю... — залепетал он.

— Ну, еще прикажешь ждать?

Мальчик безропотно сжал ладонями виски. По ним хозяйка была часто и с особенным старанием. Наклонив голову и подставив под удары обнаженное плечо, Хачыгыр, наконец, подошел к Скупой Катерине. Не сдержавшись, он принялся громко всхлипывать, точно просил хозяйку быстрее закончить расправу. В следующее мгновение перед Хачыгыром все потемнело и смешалось. Из глаз посыпались искры. В голову будто воткнули раскаленный бронзовый прут. Мальчик согнулся и повалился на пол.

— Ой!.. Ой! Больно!.. Госпожа, больно!

— Еще позволить себе зевать? Допустить, чтобы коровы бодались! Червяк! — иступленно вопила Скупая Катерина и с новым приступом ярости замахивалась палкой. Удары следовали один за другим. Тело Хачыгыра конвульсивно дергалось. Вскоре он расслаб и, как рыба, выброшенная на берег, перестал метаться по полу. Рыдания его становились глуше и глуше,

— Ну-ка, дружок, скажи теперь, сладкая или горькая эта палка? — поинтересовалась старуха и острым концом посоха ткнула в окровавленный нос Хачыгыра.

Последний вопрос Скупой Катерины означал, что она устала и бить больше не будет. — Вставай и убирайся прочь!

Словно пьяный, разъезжаясь руками в стороны, Хачыгыр кое-как приподнялся на четвереньки. Рвущая тело боль пронзила мальчика. Хачыгыру показалось, что с неба хлынул кровавый дождь, а Скупая Катерина, как букашка, перевернулась ногами кверху. Цепляясь скрюченными пальцами за половицы, всхлипывая и ойкая, Хачыгыр пополз в свою конуру за камельком. Там на сенной трухе, кишасей паразитами, были разложены остатки конской шкуры. Прелые края ее примерзли к стене. Несколько минут Хачыгыр лежал неподвижно, судорожно, захлебисто вздыхая и утробно икая. Вскоре в глазах его чуточку прояснилось.

Хачыгыр лежал тихо, как мышь, и смотрел на освещенную половину жилья. Дверь часто открывалась и с улицы клубами врывался морозный воздух. Колышущейся пеленой он растекался над полом. В дом вошли мужчины в богатой пышной одежде. На плечах их были длинные теплые накидки. Пришедшие сняли заиндевелые рукавицы,

обмели с торбасов снег. Затем не спеша развесили меховую одежду и уселись перед огнем. Среди мужчин был и повелитель Хачыгыра Константин Скупердяй. Мальчик сразу узнал его по грубому голосу. Другой — сын Скупердяя Василий Бачыгыратар.

Жена Бачыгыратара Ульяна, прозванная еще Луной, целый год болела. Ухаживать за ней был приставлен Хачыгыр. Больная, капризная женщина вконец измотала, издергала мальчика.

Ульяна-Луна умерла, но Хачыгыру от этого нисколько не стало легче.

Мальчик лежал на вонючей подстилке и мучительно размышлял о своей судьбе. Усталость клонила ко сну. Незаметно он задремал, не смотря на то, что с утра ничего еще не ел. Во сне он мелко дрожал от холода и по-щенячьи скулил от боли в голове.

Хачыгыр не помнил, сколько так дремал. Когда он, испуганно дернувшись, открыл глаза, в переднем углу тускло горела свеча. Поужинав, люди вставали из-за стола. Хачыгыр очень боялся лезть на глаза тем, кто имел право безнаказанно греться у камелька. Но голод выгнал его из холодного закутка. Стариковски сгорбившись и вобрав голову в плечи, он встал поодаль от огня, чтобы его меньше видели. По простоте душевной мальчик надеялся, что о нем вспомнят и накормят. Но о нем позабыли. Последним грузно поднялся из-за стола Константин Скупердяй. Упершись руками в колени, он долго и сыто рыгал, зверовато поводя своими раскосыми рысьими глазами. Затем выпрямился и разгладил тронутые сединой усы. Ковыляя, как разжиревшая утка, хозяин подошел к камельку, сел на табуретку и достал из левого кармана штанов разрисованную табакерку из березового корня. Постучав ногтем по крышке, он двумя пальцами прихватил понюшку табаку и зарядил им черные отверстия своего горбатого носа.

Сын хозяина Василий Бачыгыратар сидел сердитый, нахохлившийся. Он смотрел на всех нахально, вызывающе. Его угрюмое лицо цвета самоварной меди постепенно становилось багровым.

Вдруг, тонкая деревянная стрела с заостренным наконечником ударила в висок Хачыгыра, отскочила и упала в пылающий камелек. Слабо ойкнув, Хачыгыр схватился за голову и пошатнулся. Тут внук хозяйки подбежал к батрачонку и вцепился ему в волосы.

— Вытаскивай из огня мою стрелу! — приказал он. — Быстрей, она

ведь сгорит!

Хачыгыр не сопротивлялся. Взбешенный сынок Бачыгыратара поставил ему ножку. Хачыгыр перелетел через свернувшуюся клубком собаку и растянулся на полу. Перепуганный пес с рычаньем вскочил и, лязгнув зубами, хватил за локоть баловника. Внучек Скупой Катерины ошалело заревел, упал и начал кататься по полу.

Чуя неминуемую беду, Хачыгыр привстал и на четвереньках пополз за камелек. В этот момент к нему подскочил Василий Бачыгыратар и с размаху ударил в бок, в то самое место, где находится печень. Мальчик отлетел в сторону, ловя ртом воздух. Тщедушное тело его напряглось и тотчас ослабло. Он затих, распластавшись на полу. А расвирепевший Бачыгыратар выхватил из кучи дров увесистое полено и ударил по спине виновато вилявшую хвостом пеструю собаку. Пес пронзительно взвыл и опрокинулся с перебитым позвоночником.

На ороне, что был ближе всех к выходу, лежал старый хамначит Айгылла Петр. Сегодняшнюю работу он выполнил сполна и наслаждался покоем. Опасаясь, что участь собаки может постигнуть и его, Айгылла привстал на своей вонючей постели, мельком покосился на неподвижного Хачыгыра и, делая вид, будто ничего знать не знает, с головой накрылся изодранной замшевой курткой.

— Какой ты горячий! Перестань же, успокойся! Хватит, прошу тебя... Смотри, как бы худая молва не прошла о тебе по наслегу... — увещевал сына Константин Скупердяй, постукивая ногтем по табакерке.

— Ну, и пусть! — с усилием переводя дыхание и хищно раздувая ноздри, ответил Бачыгыратар и грузно опустился на правый орон.

— Разбойник! Он опять задумал перехитрить меня! Ишь, растянулся и притворяется. Долго еще намерен валяться поперек дороги, негодник?

Скупая Катерина достала из-под кровати палку, предназначенную специально для спины Хачыгыра, и заковыляла к нему. Но мальчик уже никого и ничего не боялся.

— Вставай, говорю! Убирайся отсюда!

Старуха ударила Хачыгыра, затем наклонилась, схватила его за воротник изодранной рубашки и начала трясти. Из носа мальчика тянулась густая, темная кровь. Худое бледное лицо его было спокойно. Скупая Катерина в испуге отшатнулась от мертвого. Пальцы её разжались и голова мальчика глухо стукнулась об пол.

— Бабат-татат , умер!.. Сдох, дьявол!

— Пропал! — заорал разъяренный Бачыгыратар,— Пусть пропал! Кому он нужен!

— Ну, и человек ты!.. Собаку-то свою зачем прибил? Она ведь очень хорошо служила нам... А если люди заговорят о Хачыгыре недоброе? Худая молва далеко катится, — выговаривал сыну Константин Скупердяй. — Совсем плохо стал ты относиться к людям, без работников останешься!

— За мою вину не ты в ответе! — огрызнулся Бачыгыратар.

Некоторое время в доме царило угрюмое молчание. Лишь чуть слышно повизгивала искалеченная собака да потрескивал огонь в камельке. Старуха принялась разбирать свою постель. Слышно было, как она взбивала перину.

— Человека надо бить умеренно, чтобы после битья все же мог работать, — заметила Скупая Катерина. — Теперь мы опять остались без батраченка!

— Ну, и пусть! Другого найду, лепешка ты толстобрюхая! — закричал на мать Бачыгыратар. — Этого еще нехватало, чтобы и ты ругала меня!

— До каких пор мальчишка будет валяться под ногами? Айгылла, вставай, тащи его!

Константин Скупердяй отпихнул посохом раскинутые ноги Хачыгыра, подошел к столу и начал молиться.

Айгылла покорно сел на ороне. Не зная, что делать дальше, тарашил глаза на хозяина и прижимал к грязной груди рваную куртку.

— Сколько он будет еще валяться здесь? — спросила сына Скупая Катерина.

Бачыгыратар подскочил к хамначиту, рванул его за плечи и с угрозой закричал:

— Чего ты расселся, как важный барин? Глядите, он еще на пол плюет! Или ты надумал посмеяться надо мной?..

— Куда деть мальчишку? Подскажите, дайте совет... Мне не доводилось видеть такого... Не знаю, как мне поступить.

— Отнеси его в хотон и брось под ноги быку!

— Как это... Для чего?

— Ну, шевелись живей, дерьмо! Долго еще намерен сидеть и болтать?

Айгылла проворно вскочил. Он достал с полки лучину, зажег ее и, держа в зубах, взял Хачыгыра за пояс, вскинул его на плечо и понес в хотон. Едва дверь захлопнулась за ним, старый батрак вытер невольно набежавшие слезы и закашлялся. Бережно, словно боясь причинить боль, он опустил тело мальчика на землю под ноги рослому быку с черными полосами на боках. Затем, чтобы ярче светила, сбил с лучины нагоревший уголь и прошептал:

— Сынок Хачыгыр, не сердись, не гневайся на меня! Я ни в чем не виноват. Если на том свете есть справедливость, жалуйся на них. Не таясь, расскажи, как они издевались над тобой!

Айгылла умолк, посмотрел на дверь, боясь, не подслушивают ли его. Потом пододвинул убитого к быку. Коровы испуганно вскочили. Бык тоже встал, беспокойно перебирая ногами, и протяжно замычал. Прислонившись боком к стене, он загородил узкий проход.

— О господи, господи! Ничего нет горше доли бедняка! — произнес Айгылла, торопливо перекрестился и направился к выходу, минуя коров.

Бачыгыратар разостлал свою постель, но не спал. Сидя на ороне, он дожидался хамначита.

— Негодяй! — встретил он вошедшего Айгылла. — Только попробуй болтать, будто твой щедрый хозяин убил человека!..

— Э, господин мой, зачем мне рассказывать то, чего я не хотел видеть? Это не мое дело.

Однако Бачыгыратар не удовлетворился ответом батрака. Он запалил лучину, прошел в передний угол и зажег свечу перед иконой в серебряном окладе.

— Подойди сюда! — угрюмо приказал он старому хамначиту. — Клянись, что не скажешь ни одному человеку!

— Господин, я и без клятвы... Зачем мне болтать?

— Что?! — угрожающе пододвинулся к батраку хозяин. — Ты не желаешь давать клятву?..

Бачыгыратар подбежал к выходу, схватил то самое полено, которым переломил хребет собаке, и занес его над головой батрака.

— Погоди, погоди, господин! — в ужасе попятился от него Айгылла и забормотал дрожащим голосом: — Клянусь!.. Клянусь!

Когда он крестился перед иконой, руки его тряслись, как у паралитика. Айгылла дал зарок. Скупая Катерина расчувствовалась и решила

задобрить седоголового хамначита.

— Подойди сюда, — сказала она. — Возьми вот... Тут табак, трубочный. На закурку, поди, хватит. На, покури!

На этом с Хачыгыром было покончено, как будто его никогда и не существовало на свете.

На следующий день по наслегу разнесся слух, что у старика Константина приключилось несчастье — бык насмерть забодал маленького чистильщика хотона. Бедные старики остались без помощника и от этого сильно страдает вся семья. В таком виде слух дошел до самого улусного князя.

С того дня Скупая Катерина ежедневно пристает к сыну:

— Когда же ты найдешь мне нового чистильщика хотона? Разве не видишь, как мне трудно! Уж не внука ли заставить крутить мельницу?..

1938 г.

Якутские рассказы.

Якутск, Якутское Книжное Издательство, 1962

Пер. с якут. Ю.Шамшурин С. 65-84.

ИВАН ЕГОРОВИЧ СЛЕПЦОВ - АРБИТА

(1913-1943)

Стихотворения, из-за которых был издан указ о расстреле поэта.

Мелкая песня о глубокой жизни

О, жизнь моя беспокойная, что грохочет, волнуется,

Где работать, бороться и отраду найти мне дано,

Для малого дитяти своего

Что только показалось на свете цветущего мира

Не готовила спокойный приют,

Не удостоила своей щедротой

От зноя, от холода не дала мне покров

И пышным нарядом не убрала

И цветами не украсила мой путь.
О, грозная пламенная жизнь,
Не думала, что дитя мое устанет голодом томим,
Не указала, не приготовила предо мной брод
К этой великой, широкой дороге —
От того-то заставляешь изливать затаенную мою мысль,
Умножать заставляешь желанье мое,
Мою буйную силу укрощаешь теперь,
Заветные слова мои принуждаешь пересказать.
С двухлетнего возраста толкая на нужду,
В испытаниях тяжелых воспитала меня
И жару, и холод, вдыхая в душу
В мир великий бродягой пустила.

О чем же ты хочешь петь

Если на полях твоих пусто
Если в городах твоих пусто
Если в закромах твоих пусто
Если в ящике твоём пусто
Если в кармане твоём пусто
Если в душе твоей пусто
О чем же ты хочешь петь.

Ограниченность

Буря... Хаос... Пожар... Набат... Могила...
Оглушительная тишина...
Есть, друзья, есть друзья — только ад...
Кто пришел? Что со мной? Ах, это что?..
Сплин... Хандра... Галлюцинация...
В сердце — курская аномалия...
Отчего же ум сомнением обуян?..
И ласковые слова улетают прочь?

То, что зовется жизнью, радостью — все ложь,
Все это — призрак, призрак...

Кем указан твой путь и цель твоя —
Этому не поверь — сердце говорит.

Иступленный крик Скорби мировой...
Кто пришел?..— Бог и Сатана—
Когда проклято счастье мое,
То торжествуют они...

Равнение времени к нулю...
Без гроба похороненные миражи...
Распростерлась на черные цветы
Орбита земли, стремящаяся вспять...

Отчего же равновесье миров
Пошатнулось, пошатнулось — отчего?
Кто же взял, кто же взял, кто пожрал солнца свет?..
О, какие холодные, холодные огни...

Улетели чувства, потеряны
О чем же буду петь, друзья?..
Передо мною свернулся весь мир
Одной мышиною норой...

И о чем же буду петь я теперь?..
Песен нет, чтобы петь...
Вот сегодня узнал что погиб...
О, какие холодные, холодные огни...

1941 г.

Арбита. И.
Тупик. Стихи. Книга вторая.-
Якутск: «Писатель Якутии»
«Якутполиграфиздат», 1993, С

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Народные писатели Якутии	Стр
Н.Е. Мординов - Амма Аччыгыйа Мато	3
Д.К. Сивцев – Суорун Омоллоон Никус	14
С.Р. Кулачиков - Эллэй Чурумчуку (по мотивам якутского фольклора)	23
Сем. П. Данилов Гордость моя	45
Связь времен	46
Человеку Родина	48
Софр. П. Данилов Манчары	48
И.М. Гоголев – Кындыл Только одного боюсь	86
Есекай	87
Малый народ	88
Н.И. Харлампьева Утешение	90
«В дни промахов и пору неудач...»	90

«То ласково, то зла со мной...»	91
Раздел II. Члены Союза писателей России, Республики Саха (Якутия)	
Иванов А.А. - Кюндэ Марба	93
С.С. Яковлев – Эрилик Эристиин Хачыгыр	112
И.Е. Слепцов - Арбита Мелкая песня о глубокой жизни	128
О чем же ты хочешь петь	129
Ограниченность	129

Учебное издание

Якутская литература
Хрестоматия для студентов

Часть II

Составитель:
Васильева Александра Николаевна